

Деяния Вселенских Соборов. Том 2*

III. СОБОР ЕФЕССКИЙ ВСЕЛЕНСКИЙ ТРЕТИЙ

ДЕЯНИЕ VII

Доношение кипрских епископов на ефесском соборе

В лето правления государей наших, всегда августейших – Флавия Феодосия тринадцатое и Флавия Валентиниана третье, накануне сентябрьских календ (31 августа), когда, по благодати Божией и по указу благочестивейших и христолюбивейших императоров наших, собрался собор в митрополии Ефесе, в святой церкви, называемой Мариєю, Ригин, епископ святой церкви в Константиин на Кипре, сказал: так как некоторые возмущают святейшие церкви наши, то прошу принять и прочесть бумагу, которую я держу в руках.

Святой собор сказал: принесенную бумагу принять и прочесть.

Святейшему, славному и великому собору, собравшемуся, по благодати Божией и повелению благочестивейших императоров наших, в богохранимой митрополии Ефесе, прошение Ригина, Зинова и Евагрия, кипрских епископов. – Еще прежде Святой отец наш и бывший епископ Троил много терпел от антиохийского клира, и благочестивейший епископ Феодор претерпел необыкновенное насилие, непозволительное, безрассудное и незаконное, даже удары, каких не следовало бы наносить и обесславленным людям. А когда он умер (от другой впрочем причины) и достиг блаженной кончины: то (клирики антиохийские), воспользовавшись во зло его смертью, захотели силою покорить и подчинить себе святых епископов острова, вопреки апостольским правилам и определениям святейшего никейского собора. И ныне, как только узнали, что блаженный отошел из сей жизни, подговорили именитого полководца Дионисия написать приказы начальнику провинции и святейшему клиру церкви Константиин. Приказы публичны; мы имеем их и под руками, и готовы показать их вашей святости. По этой причине просим и молим, чтобы не было дозволяемо вводить какую-либо новость людям, которые дерзают на все и

которые издревле и от начала желают, вопреки церковным правилам и определениям, изложенным святейшими отцами, собравшимися в Никее, обмануть великий и Святой собор доказательствами ни к чему негодными. Ибо, как мы сказали, именитый полководец Дионисий ныне не устремился бы с своими замыслами на угнетенную церковь, и не присвоил бы себе того, что ему не принадлежит, и не вмешивался бы в церковные дела, если бы, обманутый святейшими там собравшимися епископами, и их клиром, не считал согласным с правилами (что показывают и его приказы) того умысла, который (не) без их совета возымел против епископа Константины, митрополии кипрской. Умоляем же прочитать и эти письма и приказы именитого полководца, и все, что учинено и сделано в этом печальном обстоятельстве, чтобы ваша святость и великий собор узнали из них, какое невыносимое сделано насилие. Кроме того поставляем на вид вашему святому собору, что с письмами славнейшего полководца послан и диакон святой антиохийской церкви. Посему припадаем к вашим святым коленам и молим, чтобы, как по каноническому определению доныне, от начала со времен апостольских и в силу постановлений и правил святейшего и великого собора никейского, наш кипрский собор оставался неприкосновенным и недоступным пронырствам и властолюбию, так и ныне желаем, чтобы нам оказана была справедливость вашим непогрешимым и справедливейшим мнением, и вашим постановлением.

Ригин, епископ Константины, что на Кипре, подписал моею рукою.

Зинон, епископ кирийской святой церкви Божией, что на Кипре, подписал моею рукою.

Евагрий, смиренный епископ сольской святой Божией церкви, что на Кипре, подписал моею рукою.

Ригин епископ сказал: так как мы принесли и предписание именитого правителя Дионисия, посланное к светлейшему начальнику провинции, то прошу прочитать и его.

Святой собор сказал: прочитать и предписание этого именитого Дионисия.

Флавий Дионисий светлейший и именитнейший начальник обоих войск, Феодору, светлейшему правителю области кипрской. – Императорская власть священными, всенародно объявленными и печатью утвержденными грамотами, повелела, по многим и особенно церковным причинам, благочестивейшим епископам собраться в Ефесе. Но как мы узнали, что епископ города Константины преселился из настоящей жизни, достигши до предназначенного ему дня: то сочли за нужное послать тебе предписание, чтобы никто не дерзал наречь на место умершего другого без ведома или без письменного определения святейшего собора. Должно ожидать определения, какое согласно сделают столько благочестивейших епископов: так как вышесказанным благочестивейшим мужам повелено собраться, как мы говорили, именно для этих дел. Итак если упрямые возмутят толпу, то частью твоя власть, частью подчиненное ей войско, постарается усмирить их и всеми мерами воспрепятствовать, чтобы кто-нибудь не дерзнул, как мы сказали, занять место, прежде нежели утвердят своею властью благочестивейшие епископы. Если же прежде этого предписания совершено будет поставление кого-нибудь во епископа, то прикажи ему идти, подобно другим, по священному указу императорскому в Ефес. Знай притом, что если решишься поступить иначе, то я вынужден буду взять в казну штраф с тебя пять фунтов золота, да с войска столько же фунтов. А чтобы определение благочестивейших епископов скорее было составлено и написано, мы для этого приказали послать к ним из войска Матурия и Адельфия. – Дано в 12 день июньских календ (12 июня), в Антиохии.

Ригин епископ сказал: есть и другое предписание того же именитого Дионисия, писанное к благочестивейшему клиру митрополии Константины; прошу прочесть и его.

Святой собор сказал: внести и его, по прочтении, в памятные записи.

Флавий Дионисий, именитейший и славнейший вождь и полководец обоих войск, и проконсул, благочестивейшим клирикам Константины, кипрской митрополии. Известно и вашему благочестию, что император и непобедимейший владыка

вселенной повелел собраться в Ефесе благочестивейшим и святейшим епископам ради многих и особенно церковных дел. И так как от самых святейших епископов, которые собрались здесь, мы узнали, что блаженнейший епископ ваш волею Божию скончался: то я почел долгом уведомить ваше благочестие, чтобы вы старались препятствовать избирать кого-нибудь в епископа или поставлять (потому что об этом последует прямое предписание), а ждали бы определения, которое там издано будет. По истине достойно и праведно святым отцам соблюдать то, что повелевают отцы. Если же кому удастся прежде нашего предписания воссесть на седалище (митрополита), чего не думаем, то посоветуйте ему отправиться с благочестивейшими мужами в Ефес, по императорскому указу, зная, что послушным воздается похвала, а ослушников вразумит, как следует, и настоящее предписание.

Святой собор сказал: как не видно причин, побудивших именитого и славнейшего правителя Дионисия издать такое предписание: то благоволят присутствующие благочестивейшие епископы святых кипрских церквей возвестить, что заставило именитого правителя послать такое предписание.

Зинон, епископ кирийской церкви, что на Кипре, сказал: еще блаженной памяти Саприкий, пришедший сюда со мной, прибыл сюда по этому делу. Но как он отошел из сей жизни, то мы считаем нужным уведомить ваш Святой и вселенский собор, что именитый правитель писал начальнику (кипрской области) и клиру, по наущению антиохийского епископа и клира.

Святой собор спросил: чего хочет антиохийский (епископ)?

Евагрий, епископ сольский на Кипре, отвечал: старается подчинить наш остров и восхитить себе право рукоположения, вопреки правилам и обычаю, который издавна имел силу.

Святой собор спросил: неужели антиохийский думал рукополагать епископа Константию?

Зинон, епископ кирийский на Кипре, сказал: никогда не могут показать, (начиная) от (времен) святых апостолов, что антиохийский когда-либо управлял или рукополагал, или преподавал острову благодать рукоположения, и ни другой кто-либо.

Святой собор сказал: благоволят святые епископы припомнить правило святых отцов, собравшихся в Никее, которое охраняет изначальные преимущества каждой церкви. Тоже пусть помнит и антиохийский (епископ). Итак докажите древним обычаем, что антиохийский не имеет у вас права рукоположения.

Зинон епископ сказал: мы уже утверждали прежде, что он никогда ни управлял, ни рукополагал ни в митрополии, ни в другом каком-либо городе; но митрополита ставил собор, собиравшийся в нашей области. Посему просим, чтобы ваш Святой собор в своем определении согласился с нами и утвердил древний обычай, доселе имевший силу, чтоб и ныне он же действовал и чтобы не было никакого нововведение в нашей области.

Святой собор сказал: пусть докажут благочестивейшие мужи то, что этот святой и блаженной памяти епископ Троил, который ныне почил, или святой памяти Сабин, который предшествовал ему, или прежде них (бывший) уважаемый Епифаний, поставлены каким-нибудь собором.

Епископ Зинон сказал: и теперь упомянутые, и прежде их бывшие святейшие епископы, и так от самых времен святых апостолов, все православные поставлены теми, которые на Кипре; и никогда ни антиохийский епископ, ни другой кто-либо не имели права рукоположения в нашей области.

Определение того же святого собора

Святой собор сказал: дело, о котором возвестил боголюбивейший соепископ Ригин и вместе с ним боголюбивейшие епископы кипрской области, есть нововведение, противное церковным постановлениям и правилам святых апостолов, и посягающее на свободу всех. Посему, так как общественные болезни нуждаются в сильнейшем врачестве, как наносящие больше вреда, и особенно если древний обычай не допускает, чтобы епископ антиохийский рукополагал па Кипре, как письменно и собственноручно возвестили благоговейнейшие мужи, пришедшие на Святой собор: то предстоятели святых кипрских

церквей будут сохранять неприкосновенным и ненарушимым, по правилам святых отцов и по древнему обычаю, свое право – самим производить рукоположение благочестивейших епископов. Тоже самое будет соблюдено и в других округах и во всех областях, чтобы никто из боголюбивейших епископов не занимал чужой области, которая прежде и издревле не признавала над собой власти ни его, ни его предшественников; если же кто занял или силою подчинил себе, пусть возвратит ее, чтобы правила отцов не были нарушены, чтобы под предлогом священства не вкралась гордость земной власти, и чтобы мы не утратили, погубляя мало помалу, той свободы, которую даровал нам своею кровию Господь наш Иисус Христос, освободитель всех человеков. Итак благоугодно святому и вселенскому собору сохранить чистыми и неприкосновенными в каждой области те права, какие она имела от начала, по древнему обычаю. Каждый митрополит имеет право для своего удостоверения взять список с этого определения. Если же кто представит противное нынешнему определению постановление: весь Святой и вселенский собор определил, да будет оно недействительно.

Правила двух сот святых и блаженных отцов, собравшихся в Ефесе

Святой и вселенский собор, сошедшийся в Ефесе по повелению благочестивейших императоров, – епископам, пресвитерам, диаконам и всему народу каждой области и города.

Когда мы собрались по указу императоров в ефесской митрополии, то некоторые отпали от нас, числом почти тридцать (человек), имея во главе отступления своего Иоанна, епископа антиохийского. Имена их суть: первый сам Иоанн епископ Антиохии сирийской, потом Иоанн дамаский, Александр апамейский, Александр иерапольский, Имерий никомидийский, Фритилас ираклийский, Елладий тарсский. Максимин аназарвский, Дорофей (Феодор) маркинопольский, Петр траянопольский, Павел емесский, Полихроний

ираклиопольский, Евфирий тианский, Мелетий неокессарийский, Феодорит кирский, Апрингий халкидонский (апамейский), Макарий (епископ) великой Лаодикии, Зосис есвунтский, Саллюстий (епископ) Корики киликийского, Исихий (епископ) Каставалы киликийской, Валентин мутловлакийский, Евстафий парнасский, Филипп феодосийский, Даниил, Дексиан, Юлиан, Кирилл, Олимпий, Диоген, Феофан (епископ) Филадельфии, Тариан (Траян) августийский, Аврелий иринопольский, Музей арадский, Елладий птолемаидский, – совершенно недостойные никакой церковной власти, посредством которой могли бы вредить или пользу приносить некоторым, кроме того, что есть между ними и низложенные, особенно за то, что, заразившись мыслями Нестория и Целестия, отказались вместе с нами осудить Нестория; сих Святой собор общим определением лишил всякого церковного общения, отнял у них право совершать всякое священное действие, которым они могли вредить или пользу приносить кому бы то ни было.

Правила:

Так как, и тем, которые не были на святом соборе, а оставались в своей стране или городе по какой-нибудь причине, церковной или телесной, не должно было оставаться в неведении о том, что постановлено на нем, то возвещаем вашей святости и любви, что –

1.

Если который митрополит области, отступив от святого и вселенского собора, присоединился к отступническому сонмищу, или после сего присоединится, или мудрствовал, или будет мудрствовать, как Целестий: таковой ничего не может делать против епископов своей области, как уже изверженный отселе собором от всякого церковного общения и недействительный; но еще будет подлежать суду тех самых епископов области и окрестных митрополитов, православно мудрствующих, для совершенного извержения из епископского сана.

2.

Если же которые епархиальные епископы не присутствовали на святом соборе, и присоединились к отступлению, или покусятся присоединиться, или, и подписав

извержение Нестория, снова перешли к отступническому сонмищу: таковым, по изволению святого собора, быть совершенно чуждым священства и низверженным с своей степени.

3.

Если же некоторые из принадлежавших к клиру, во всяком городе или селе, подвергнуты запрещению священнодействия от Нестория и его сообщников за православное мудрствование: таковым мы присудили воспринять свою степень. Вообще единомудрствующим с православным и вселенским собором членам клира повелеваем отнюдь никоим образом не подчиняться отступившим или отступающим епископам.

4.

Если же некоторые из членов клира отступят и дерзнут или частно, или всенародно мудрствовать, как Несторий или Целестий: таковым Святой собор праведно присудил быть изверженными.

5.

Если же некоторые за неприличные дела осуждены святым собором или собственными епископами, а Несторий, по своему во всем безрассудному действию, и его единомышленники старались или будут стараться дать им общение или степень: праведным признали мы, да будет им это бесполезно, и да остаются они тем не менее изверженными.

6.

Подобно же если бы некоторые захотели каким-либо образом поколебать то, что постановлено о каждом па святом соборе ефесском: то Святой собор определил низвергать их со степени, если будут епископы или члены клира, и отлучать, если будут миряне.

И подписались все епископы по порядку¹.

**Послание того же святого ефесского собора
к священному собору памфилийскому, о
Евстафии, бывшем их митрополите**

Так как богодухновенное Писание говорит: с советом все твори (Притч. 31, 4): то особенно получившим жребий священного служения нужно со всем тщанием рассматривать то, что должно делать. Потому что с желающими так проводить жизнь бывает то, что обстоятельства их находятся в благонадежном положении и они как бы попутным ветром несутся по направлению желаний. Речь эта имеет много правдоподобия. Иногда же бывает, что тяжелая и неносная скорбь, налегшая на ум, сильно помрачает его, уклоняет от стремления к должному и побуждает смотреть, как на нечто полезное, на такое, что по существу своему негодно. Нечто такое случилось, как усмотрели мы, с благоговейнейшим и благочестивейшим Евстафием. Хотя он рукоположен по правилам, как засвидетельствовано; но смущенный, как говорит, некоторыми людьми, вошедши в неожиданные обстоятельства, потом по причине излишней недеятельности утомленный борьбой с отяготившими его заботами и не могши отклонить от себя злоречия своих противников, не знаем как, представил он письменное отречение. Ибо должно было ему, однажды принявшему на себя священнослужительское попечение, иметь его с духовною бодростью и как бы вооружаться на труды и охотно переносить пот, за который обещаются награды. А как он однажды показал себя небрежным, хотя это произошло более от недеятельности, нежели от лености и нерадения: то ваше благочестие по необходимости рукоположило благоговейнейшего и благочестивейшего брата нашего и соепископа Феодора для попечения о церкви; ибо неприлично вдовствовать ей и стаду Спасителя оставаться без пастыря. Но он пришел со слезами. не город, не церковь оспаривая у вышеупомянутого благочестивейшего епископа Феодора, а только испрашивая чести и имени епископа; поэтому все мы сжалились над старцем и, считая слезы его общими, поспешили узнать, не подпал ли вышеупомянутый (муж) законному извержению, или за некоторые неуместные действия обличаем был некоторыми, помрачившими его добрую славу. И узнали мы, что ничего такого не сделано, а что в вину упомянутому (мужу) более поставлено отречение. Посему не осуждаем ваше

благочестие, должным образом рукоположившее на его место упомянутого епископа Феодора. Но так как неприлично много спорить о недеятельности мужа, а напротив должно пощадить старца, который долгое время пребыл вне своего родного города и вне отеческого жилища: то мы сочли праведным и определили, чтобы без всякого противоречия имел он как имя епископа, так и честь и общение, с тем впрочем, чтоб он не рукополагал, не занимал церкви и самовластно не священнодействовал, но разве когда пригласит с собою или дозволит, при случае, брат и соепископ, по благорасположению и любви во Христе. Если же вы положите о нем какое-нибудь еще более снисходительное решение: то и оно будет угодно святому собору.

Определение святого и вселенского собора против нечестивых мессалиан, которые называются также евхитами и энтузиастами

Пришедшие к нам благочестивейшие и благоговейнейшие епископы, Валериан и Амфилохий предложили рассмотреть в общем собрании о мессалианах, т. е. евхитах или энтузиастах, которые встречаются в Памфилии, или каким-нибудь другим именем называющихся сквернейших еретиках. Но когда мы рассматривали, благоговейнейший и благочестивейший епископ Валериан принес соборную запись о них, составленную в великом Константинополе при блаженной памяти Сисинии: здесь она была прочитана и всеми одобрена, потому что хорошо составлена и содержит справедливое суждение. И угодно было всем нам, и благочестивейшим епископам Валериану и Амфилохию, и всем благочестивейшим епископам провинций Памфилии и Ликаонии, чтобы все содержащееся в соборной записи имело силу и никаким образом не было нарушено; чтоб утверждено было и все то, что сделано в Александрии, так чтобы все, находящиеся по всей провинции, еретики мессалиане или энтузиасты, или подозреваемые в этой ереси, члены ли клира или миряне, согласились (с православными), и если которые письменно уже

анафематствовали (свою ересь), подобно тому, как прописано в вышеупомянутой соборной записи, если будут члены клира, да пребывают в клире, если миряне, да будут допущены к общению. Если же откажутся анафематствовать, то пресвитеры, или диаконы, или в другой какой-либо церковной степени, да извергнутся и из клира и со степени и от общения, а миряне да будут прокляты. И сожительствующим вместе не позволять иметь монастыри, чтобы плевелы не умножались и не разрастались. Чтобы так поступаемо было с ними, настаивают все мужи – благочестивейшие епископы Валериан и Амфилохий и прочие достопочтеннейшие епископы всей провинции. Посему угодно было анафематствовать и скверную книгу этой ереси, называемую Аскетикон, которую принес благоговейнейший и благочестивейший Валериан, как составленную еретиками. Подобно, если у многих (других) найдется что-нибудь согласное с их нечестием, и то да будет проклято. Кроме того, когда согласятся в том, что полезно и необходимо для согласия и общения и благоустройства, пусть ясно изложат на бумаге. Если же возникнет вопрос о том, что нужно в этом деле; и (вообще) если что будет затруднительное и сомнительное, чего не утвердят благочестивейшие епископы Валериан и Амфилохий и прочие епископы по всей провинции, то все должно быть рассмотрено в дополнительных статьях. И хотя бы были оставлены благочестивейшие епископы, ликийские или ликаонские; не должно однако ж оставлять митрополита которой бы то ни было провинции². Имеющие надобность в этом деле пусть отыскивают эти распоряжения в памятных записях; пусть и другим тщательно объяснят их.

**Прошение, поданное святому собору
Евпрепием, епископом бизским и
аркадиопольским, и Кириллом, епископом
целенским**

Святому и вселенскому собору, по благодати Божией и соизволению благочестивейших императоров собранному в

митрополии – Ефесе, от Евпрепия, епископа бизского и аркадиопольского, и Кирилла, епископа целенского.

В областях Европы имеет силу древний обычай, чтобы каждый епископ имел в подчинении два или три епископства. Посему епископ ираклийский управляет Ираклией и Панионом, а епископ бизский – Бизой и Аркадиополем; подобно и епископ целенский – Целой и Галлиполем; далее епископ сабсанийский управляет Сабсанией и Афродисиадой. Итак издревле и от начала два епископа Европы управляли этими церквами, и никогда поименованные города не получали собственных епископов; но иные от начала были в подчинении у Ираклии; Аркадиополь подчинен был епископу бизскому, Галлиполь епископу целенскому. Но как ныне Фритилас, епископ ираклийский, сделался отступником от святого собора и передан на сторону Нестория и его единомышленников (подозреваем же, что или сам этот вредоносный враг, или управляющие вместе с ним епископством, когда-нибудь приступят к поставлению епископов в упомянутых городах, которые по древнему и утвердившемуся обычаю никогда не получали собственных епископов): то полагая, что древний обычай, который издавна и изначала имел силу, будет нарушен нововведениями, просим ваше благочестие издать определение об этом предмете от лица вашего святого и великого собора и утвердить его собственной печатью, так чтобы и мы не лишились наших церквей, в которых много потрудились, и древний обычай, уже утвержденный давним временем, не был нарушен кем-нибудь из вышеупомянутых, и отсюда не произошли бы споры и нестроения, особенно между епископами Европы. Если получим желаемое, воздадим благодарение Богу всяческих, который собрал здесь вашу святыню для благоустройства церквей по вселенной.

Святой и вселенский собор сказал: почтенно прошение благочестивейших епископов Евпрепия и Кирилла, которое содержится в поднесенной книге. Посему ни в святых правилах, ни во внешних законах, которые имеют (за себя) древний обычай, а ныне силу законную, не должно быть введено ничего нового в городах Европы; но пусть управляются по древнему

обычаю епископами, от которых зависели и издавна: так как и ныне нет ни одного митрополита, который иначе присвоил бы власть; ни после на будущее время не должно вводить ничего нового в древние обычаи.

ОТДЕЛЕНИЕ ТРЕТИЕ, СОДЕРЖАЩЕЕ В СЕБЕ НЕКОТОРЫЕ ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К СОБОРУ, А ТАКЖЕ И ПОСЛЕ НЕГО СОСТАВЛЕННЫЕ

Изъяснение двенадцати глав, изложенное в Ефесе Кириллом, архиепископом александрийским, когда Святой собор потребовал яснейшего изложения их

Вся, по Писанию, права разумеющим и права обретающим разум (Притч. 8, 9). Ибо те, которые острым и чистым взором ума всматриваются в священные слова богодухновенного Писания, те внедряют в свои души пользу от них, как бы некоторое божественное и небесное сокровище; а которые имеют ум, склонный ко лжи и преданный пустословию о чем ни попало, любящий нечистое знание, будут общниками тех, о которых пишет блаженный Павел: в них же Бог века сего ослепил разумы неверных, во еже не воссияти им свету благовествования славы Христовы (2Кор. 4, 4). Ибо слепотствуют и вожди суть слепцем (Матф. 15, 14); посему и падают в ямы погибели, как сам Спаситель говорит: слепец слепца еще водит, оба в яму впадут (там же). Так некоторые пустословят о догматах истины и взводят несправедливое зломыслие на домостроительство воплощенного Единородного, не разумеюще, по Писанию, ни яже глаголют, ни о них же утверждают (1Тим. 1, 7). Изобретатели же такого нечестия были многие еще в предшествовавшие времена; а ныне ни в чем не уступающие их нечестию, Несторий и его единомышленники, восстающие на Христа, подобно древним фарисеям, и дерзко восклицающие: зачем ты человек сый твориши себе Бога (Иоанн 10, 33)? Посему необходимо было и нам вооружиться на них словом, анафематствовать их нечистые и гнусные мнения, помня, как Бог говорит гласом пророческим: жерцы, послушайте и засвидетельствуйте дому Иаковлю, глаголет Господь Бог вседержитель (Амос. 3, 13), и еще: войдите чрез врата мои, и камни с пути приберите (Иерем. 7, 2,

3 сн. гл. 50)³. Нам, борющимся за догматы истины, должно удалять с пути препятствия, чтобы люди никаким образом не запинаясь об них, но как бы широкой дорогой шли бы к священным и божественным обителям, говоря только в важдых (вратах): *сия врата Господня, праведнии внидут в ня* (Псал. 117, 20). Итак, когда Несторий стал вносить в свои книги множество странных и нечестивых хулений: то мы, заботясь о спасении тех, которые станут читать их, сложили анафематства, не просто что-нибудь пришедшее на ум излагая в увещательном послании, написанном к нему, но, как только лишь связали, указывая на странные и чуждые догматов благочестия порождения его умопомешательства. Может быть, некоторые будут недовольны нашими словами, т. е. или непонимающие истинной силы написанного, или бывшие проповедники нечистой ереси Несториевой, и участники нечестия, и его единомышленники. Но истина не закрыта ни от кого из привыкших мудрствовать по православному. Но как, вероятно, некоторые, развращенные их изворотливостию, не понимают, каким образом произошли они (анафематства): то и почел долгом изложить кратко каждое из анафематств и объяснить, сколько нужно, силу их. Это дело, как я думаю, принесет большую пользу читателям.

Анафематство 1-е

Кто не исповедует Еммануила истинным Богом, и посему святую Деву Богородицею, так как она по плоти родила Слово, сущее от Бога Отца, ставшее плотию: да будет анафема.

Объяснение 1-е

Блаженные отцы, собравшиеся некогда в городе Никее и изложившие определение правой и непорочной веры, проповедали веру в единого Бога Отца, вседержителя, творца всего видимого и невидимого; и в единого Господа Иисуса Христа Сына Его; и в Духа Святого, называя Его (т. е. Сына) Словом, воссиявшим от Бога, чрез которое все сотворено, светом от света, Богом истинным от Бога истинного,

воплотившимся и вочеловечившимся, страдавшим и воскресшим. Ибо будучи Богом по естеству, едиnorodное Слово Отца приняло от семени Авраамова, как говорит блаженный Павел (Евр. 2, 16), и подобно нам соделалось причастным плоти и крови: Оно родилось плотию от святой Девы и соделалось человеком, как и мы, не переставая быть Богом, – да не будет!, – но оставаясь тем, чем было, и пребывая в божественном естестве и славе. Итак говорим, что Оно соделалось человеком, не претерпевая превращения в то, чем не было, ни изменения: потому что Оно всегда есть тоже и неспособно терпеть и тени изменения. Но утверждаем, что не произошло никакого смешения, или слияния, или сращения Его естества с плотию, а говорим, что Слово соединено было с плотию, имеющею разумную душу, непостижимо и неизреченно, и как только само ведает. Итак оно пребыло Богом и в принятии плоти, и есть единый Сын Бога и Отца, Господь наш Иисус Христос, один и тот же – и прежде всякого века и времени, как Слово и образ ипостаси Его и в последние времена домостроительно соделавшийся ради нас человеком. поскольку же некоторые отвергают рождение Его по плоти, бывшее от святой Девы во спасение всех – рождение, не к началу бытия воззывающее Его, но к тому, чтоб Он, соделавшись подобным нам, избавил нас от смерти и тления: то по этой причине первое наше анафематство поражает их зловерие, исповедует православную веру, утверждая, что Еммануил был поистине Богом, а потому и святая Дева – Богородицей.

Анафематство 2-е

Кто не исповедует, что Слово, сущее от Бога Отца, соединилось с плотию ипостасно, и что посему Христос един с своею плотию, то есть, один и тот же есть Бог и вместе человек: да будет анафема.

Объяснение 2-е

Священнодействователь божественных таин,
богодухновенный Павел пишет: *исповедуемо велия есть*

благочестия тайна: Бог явися во плоти, оправдася в Дусе, показася ангелом, проповедан бысть во языцех, веровася в мире, вознесся в славе (1Тим. 3, 16). Итак что такое: *явися во плоти*? Т. е. Слово Бога Отца соделалось плотию, не то, что оно изменило или превратило свое существо в плоть, как уже выше сказали мы, но лучше плоть, взятую из святой Девы, соделало своею, будучи один и тот же Сын – прежде вочеловечения, как бесплотное еще Слово, после же вочеловечения тоже самое (Слово) уже во плоти. Посему и говорим, что один и тот же – Бог вместе и человек; не разделяем воззрения на Него, как на человека, взятого отдельно, самого по себе, и как на Бога-Слово отдельно, чтобы не разуметь двух Сынов, но одного и того же самого исповедуем тем же самым Христом и Сыном и Господом. А которые думают об этом не так, или хотят веровать иначе, именно разделяют одного на двух сынов и разъединяют одно от другого, что поистине соединено, утверждая, что соединение человека с Богом было по одному достоинству или праву: таких считаем чуждыми православной и непорочной веры. Итак хотя Он и называется помазанным и нареченным в Сына Божия (Рим. 1, 4): мы не стыдимся домостроительства, но говорим, что тоже самое Слово Бога Отца, которое соделалось подобно нам человеком, называется с тех пор и посланным и помазанным вместе с нами по человечеству. Ибо соделавшийся подобным нам, хотя и остался тем, чем был, не отвращается нашего, напротив все, что относится к человечеству, по домостроительству усвояет себе в мерах человечества, не нанося при этом никакого ущерба своей славе или могуществу; потому что и таким образом остается Богом и Господом всего.

Анафематство 3-е

Кто во едином Христе, после соединения (естеств) разделяет лица, соединяя их только союзом достоинства, то есть, в воле или в силе, а не, лучше, союзом, состоящим в единении естеств: да будет анафема.

Объяснение 3-е

Исследуя домостроительственное таинство воплощенного Единородного, говорим, что Слово Бога Отца чудным и неизреченным образом соединилось с святым телом, имеющим разумную душу; одного и при этом разумеем Сына, подобно как можно видеть это и на нас самих: душа, конечно, другого существа, нежели тело, но оба соединены в одно живое (ζῶον). Но некоторые не так понимают это: отделяя нам человека особо, самого по себе, говорят, что он соединен с Словом, рожденным от Бога Отца, по одному достоинству или праву, а не единением естественным, т. е. истинным, как мы веруем; ибо так говорит и божественное Писание: *и бехом естеством чада гнева, якоже и прочии* (Ефес. 2, 3), употребляя слово *естеством* вместо слова *истинно* (действительно). Итак разделяющие ипостаси после соединения и полагающие каждую сторону, т. е. человека и Бога, отдельно, допускающие и соединение их, но по одному достоинству, допускают совершенно двух сынов, тогда как богодухновенное Писание говорит об одном Сыне и Господе. Посему после неизреченного соединения если назовешь Еммануила Богом, мы будем разуметь Слово Бога Отца, воплотившееся и вочеловечившееся; если назовешь и человеком, тем не менее мы разумеем Его же, домостроительственно вместившегося в меры человечества. Говорим же, что неприкосновенный соделался осязаемым, невидимый – видимым: потому что не было чуждо Ему соединенное с Ним тело, которое мы называем осязаемым и видимым. А тех, которые не так веруют, но разделяют, как сказано, ипостаси после соединения и допускают только сопряжение их по одному достоинству или праву, предложенное анафематство делает чуждыми православно мудрствующих.

Анафематство 4-е

Кто изречения евангельских и апостольских книг, употребленные святыми ли о Христе, или Им самим о Себе, относит раздельно к двум лицам или ипостасям, и одни из них прилагает к человеку, которого представляет отличным от

Слова Бога Отца, а другие, как богоприличные, к одному только Слову Бога Отца: да будет анафема.

Объяснение 4-е

Во образе и равенстве с Богом сущее из Него Слово не считало хищением быть равным Богу, как написано (Филип. 2, 6), но предало Себя на добровольное истощение и по своей воле снизошло до подобия нам, не переставая быть тем, что есть, но и при этом оставаясь Богом и не презирая меры человечества. Посему все Его – и божественное и человеческое: потому что где же Оно умалило себя, если стыдится мер человечества? и если отвращалось человеческого, кто заставил Его как бы по необходимости и принуждению быть подобным нам? Итак все речи евангельские, означают ли они человеческое или божественное, относим к одному лицу. поскольку же мы веруем, что Христос Иисус, т. е. воплотившееся и вочеловечившееся Слово Божие, есть один Сын: то если назовешь что-нибудь человеческое, приписываем человеческое мерам Его человечества, потому что и человеческое опять – Его же; если же говорится о Нем, как о Боге, то веруя, что вочеловечившийся есть Бог, речи, относящиеся к человеческому естеству, опять относим к Нему, как единому Христу и Сыну. А разделяющие на два лица измышляют совершенно двух сынов: потому что как нельзя разделять на два лица какого-либо из нас человека, хотя он состоит из души и тела, но есть один и тот же человек, так (должно мыслить) и об Еммануиле. поскольку воплотившееся и вочеловечившееся Слово Божие есть один Сын и Господь: то значит и лице у Него одно. И человеческое мы приписываем Ему по домостроительству воплощения, и божественное (Ему же) – по неизреченному рождению от Бога Отца. А которые разделяют и разъединяют Его на человека особо, как отдельного от Слова Божия сына, и на Бога особо, как другого сына, которые (таким образом) говорят о двух сынах, те праведно подпадают под силу предложенного анафематства.

Анафематство 5-е

Кто дерзает называть Христа человеком богоносным, а не, лучше, Богом истинным, как Сына единого (со Отцом) по естеству, так как Слово стало плотью и приблизилось к нам, восприяв нашу кровь и плоть (Евр. 2, 14): да будет анафема.

Объяснение 5-е

Слово Божие *плоть бысть*, говорит богодухновенный евангелист Иоанн (Иоан. 1, 14), не по превращению или изменению собственного естества в плоть, как выше мы уже сказали, потому что непричастно изменению, как Бог, но так, что соделалось причастным нашей плоти и крови и соделалось человеком. Богодухновенное Писание имеет обычай называть человека плотью; например написано: *и узрит всяка плоть спасение Божие* (Лук. 3, 6). Изобретатели же нечестивых мнений, Несторий и последующие ему или его единомышленники, хотя притворяются, что допускают слово *воплотиться*, но не говорят, что Слово Божие воплотилось на самом деле, т. е. соделалось человеком подобным нам, не переставая быть тем, чем было, а утверждают, что едиnorodное Слово Божие вселилось в рожденного от святой Девы, как в одного из святых людей, так что (по их мнению) не должно исповедовать, что один Христос и Сын и Господь и поклоняемый, но должно спокланяться Ему, как человеку особно и отдельно рассматриваемому, и славить вместе (с Словом) по причине только сопряжения в единении достоинства. Хотя Бог всяческих и в нас обитает посредством Св. Духа; а посему в древности сказал чрез одного из пророков: *яко вселюся в них, и похожу, и буду им Бог, и тии будут Мне людие* (2Кор. 6, 16. сн. Лев. 26, 13); и блаженный Павел пишет: *не весте ли, яко храм Божий есте, и Дух Божий живет в вас* (1Кор. 3, 16); и сам Христос говорит о святых своих пророках, или (вообще) о святых прежде бывших: *аще оных рече богов, к ним же Слово Божие бысть, его же Отец освяти и посла в мир, вы глаголете, яко хулу глаголеши, зане рех: Сын Божий есм* (Иоан. 10, 35, 36): но не так в нас обитает Бог, как во Христе; потому что Он есть Бог по естеству, соделавшийся подобным нам, единый и единственный Сын и в то время, как соделался плотью. Итак дерзающие

называть Его богоносным человеком, а не воплотившимся Богом, необходимо подпадают под предложенное анафематство.

Анафематство 6-е

Кто говорит, что Слово Бога Отца есть Бог или Владыка Христа, а не исповедует, лучше, Его же самого Богом и вместе человеком, так как, по Писаниям (Иоан. 1, 14), Слово стало плотию: да будет анафема.

Объяснение 6-е

Господь наш Иисус Христос, единый и единственный Сын Бога и Отца – *Слово плоть бысть* и вместе с своим родителем над всем господствует. Ему *всяко колено поклонится небесных и земных и преисподних, и всяк язык исповесть, яко Господь Иисус Христос в славу Бога Отца* (Филип. 2, 10, 11). Итак Он есть Господь всего, потому что разумеется и есть Бог, хотя и с плотию после вочеловечения; а над самим собою ни Бог, ни Господь, потому что весьма нелепо, или лучше поистине исполнено всякого нечестия такое мудрствование или речь. Значит справедливо против этого самого составленное анафематство.

Анафематство 7-е

Кто говорит, что Иисус, как человек, был орудием действий Бога Слова и окружен славою Единородного, как существующий отдельно от Него: да будет анафема.

Объяснение 7-е

Когда блаженный Гавриил благовествовал святой Деве рождение по плоти единородного Сына Божия: то говорил: *родити сына, и наречети имя ему Иисус* (Лук. 1, 31); *той бо спасет люди своя от грех их* (Матф. 1, 21). Назван он также Христом, потому что помазан вместе с нами по человечеству, по словам псалмопевца: *возлюбил еси правду, и возненавидел еси*

беззаконие: сего ради помаза тя Боже Бог твой елеем радости паче причастник твоих (Псал. 48, 8). Хотя Он раздает Святого Духа и не в меру дает Его достойным, ибо сам полон, и от исполнения Его мы вси прияхом, по Писанию (Иоан 1, 16): но по домостроительству, как человек, называется помазанным, потому что духовно и не человечески сошел на Него Дух Святой, чтобы пребывать и в нас, так как отступил в начале по причине падения Адамова. Итак само едиnorodное Слово Божие, соделавшееся плотию, названо Христом, и как имеющее собственное могущество, свойственное Богу, творило чудеса. Потому утверждающие, что к могуществу Христа присоединилась слава Единородного, как будто Единородный отличен от Христа, мудрствуют о двух сынах – одном действующем и о другом, чрез которого, как чрез подобного нам человека, он действует; по этой причине и подлежат силе (высказанного) анафематства.

Анафематство 8-е

Кто дерзает говорить, что воспринятому (Богом) человеку должно поклоняться вместе с Богом Словом, должно его прославлять вместе с Ним и вместе называть Богом, как одного в другом (ибо так думать заставляет постоянно прибавляемая частица – *συν вместе с*), а не чтит Еммануила единым поклонением и не воссылает Ему единого славословия, так как Слово стало плотию: да будет анафема.

Объяснение 8-е

Мы крестились в единого Бога Отца вседержителя, и в единого Сына, и в единого Духа Святого. *Или не разумеете, говорит блаженный Павел, яко елицы во Христа Иисуса крестихомся, в смерть Его крестихомся? Спогребохомся убо Ему крещением в смерть: да якоже воста Христос от мертвых славою Отчею, тако и мы во обновлении жизни ходити начнем (Рим. 6, 3, 4).* Посему как уверовали и крестились, как сказано, в единого Господа нашего Иисуса Христа, т. е. воплотившееся и вочеловечившееся Слово Бога

Отца: так одному же существу Богу и научены поклоняться мы и вышние силы с нами; потому что написано: *егда же вводить Первородного во вселенную, глаголет: и да поклонятся Ему вси ангели Божи*и (Евр. 1, 6). Единородный же соделался первородным, когда явился подобным нам человеком; потому что тогда же назван и братом любящих Его. Итак если кто учит сопоклоняться Ему, как человеку отдельно вместе с Словом Бога Отца, как отдельно от Него существующим, а не почитает единым поклонением, соединяя истинным единением во единого Христа и Сына и Господа: тот праведно подлежит силе этого анафематства.

Анафематство 9-е

Кто говорит, что единый Господь Иисус Христос прославлен Духом в том смысле, что пользовался чрез Него как бы чуждою силою, и от Него получил силу побеждать нечистых духов и совершать в людях божественные знамения, а не почитает собственным Его Духом, чрез которого Он совершал чудеса: да будет анафема.

Объяснение 9-е

Единородное Слово Божие, соделавшись человеком, тем не менее оставалось Богом, имеющим все, что имеет Отец, кроме одного свойства – быть Отцом; и имея существенно в Нем пребывающего Духа Святого, совершало божественные знамения. Посему и после того, как соделалось человеком, оставалось в тоже время Богом и таким образом собственною в Духе силою совершало чудеса. А которые говорят, что Он (Христос), как один из людей подобных нам или как один из святых, прославлен действом силою Духа, потому что будто бы имел действование не свое, а чуждое Ему, и не как прилично Богу, и будто бы (только) по участию в благодати взят св. Духом на небеса: те праведно будут подлежать силе этого анафематства.

Анафематство 10-е

Божественное Писание говорит, что Христос был святителем и посланником нашего исповедания (Евр. 3, Т). что Он принес Себя за нас в воню благоухания Богу и Отцу (Ефес. 5, 2). Итак, если кто говорит, что святителем и посланником нашим было не само Слово Бога Отца, когда стало плотию и подобным нам человеком. а как бы другой некто, отличный от Него, человек, произшедший от жены; или кто говорит, что Он принес Себя в приношение и за самого Себя, а не за нас только одних, так как не зная греха, Он не имел нужды в приношении (за Себя): да будет анафема.

Объяснение 10-е

Поистине ничтожно человеческое для Слова, рожденного от Бога Отца; однакож не презренно по причине домостроительства Потому что, будучи Господом по естеству, Он снизошел до подобия с нами, принявши на Себя образ раба, и назвался святителем и посланником нашим, так как условия человечества призывали Его и к этому. *Предаде себе за ны в воню благоухания Богу и Отцу (Ефес. 3, 2): единым бо приношением совершил есть во веки освящаемых (Евр. 10, 14)*, как написано. Но не знаю, каким образом иномыслящие утверждают, что не самое Слово Божие, соделавшееся человеком, назвалось и посланником и святителем нашего исповедания, а говорят, что будто другой некто, особый от Него человек, рожденный от святой Девы, назван и посланником и святителем, и будто по мере успехов возвышен до этого (состояния), и не только будто за нас одних, но и за себя принес самого Себя в жертву Богу и Отцу. Это (мнение) совершенно чуждо правой и непорочной веры: потому что Он греха не сотворил, а кто выше преступления и совершенно непричастен греху, тот не нуждался и в жертве за себя. Но как иномыслящие, отвергая истину, опять измышляют двух сынов: то по необходимости составлено анафематство, ясно ниспровергающее это нечестие их.

Анафематство 11-е

Кто не исповедует плоть Господа животворящую и собственно принадлежащую самому Слову Бога Отца, но принадлежащую как бы другому кому, отличному от Него, и соединенному с Ним по достоинству, то есть, приобретшему только божественное (в себе) обитание, а не исповедует, как мы сказали, плоть Его животворящую так как она стала собственной Слову, могущему все животворить да будет анафема.

Объяснение 11-е

Мы совершаем в церквах святую, и животворящую, и бескровную жертву, веруя, что предлагаемое тело, равно как и бесценная кровь – не обыкновенного, подобного нам человека, но принимая напротив тело как бывшее собственным и кровь как кровь Слова, животворящего все. Потому что обыкновенная плоть не может животворить: свидетель этому сам Спаситель, который говорит: *плоть не пользуется ничтоже, дух есть, иже оживляет* (Иоан. 6, 63). А так как плоть соделалась собственной Слова, то разумеется и есть животворяща, как говорит сам Спаситель: *якоже посла Мя живой Отец, и Аз живу Отца ради: и ядый Мя, и той жив будет Мене ради* (Иоан. 6, 57). поскольку же Несторий и его единомышленники безрассудно разрушают силу этого таинства: поэтому и весьма справедливо предложено анафематство.

Анафематство 12-е

Кто не исповедует Бога Слова пострадавшим плотию, распятым плотию, принявшим смерть плотию и наконец ставшим первородным из мертвых, так как Он есть жизнь и животворящ, как Бог: да будет анафема.

Объяснение 12-е

Хотя Слово Бога Отца бесстрастно и бессмертно, потому что божественное и неповрежденное естество выше страдания, и само все животворит, и выше тления и всего, что может страдать: однакож, будучи таковым по существу, Слово Бога

Отца соделало собственною плотью способную к смерти, дабы, посредством того, что может страдать, взявши на Себя страдания вместо нас и за нас, избавить всех нас и от смерти и от тления, оживотворивши, как Бог, свое собственное тело, и *начаток умертим быв (1Кор. 15, 20) и перворожден из мертвых (Кол. 1, 18)*. Ибо подъявший за нас честный крест и вкусивший смерть был не обыкновенный какой-нибудь человек, сам по себе и отдельно от Слова Бога Отца рассматриваемый; но сам Господь славы страдал плотию, по писаниям. А поскольку желающие примешивать к правой и непорочной вере пустые и нечестивые мнения говорят, что обыкновенный человек подъял за нас крест: то сделалось необходимо анафематство, открывающее великость их нечестия.

**Кирилла, архиепископа александрийского,
защитение двенадцати глав против
восточных епископов⁴**

Посвятившие свой ум всесвятому Богу и возлюбившие беседовать о догматах истины отвергают скверные пустословия нечестивых еретиков; и устремляя внутренний и сокровенный взор сердца к богодухновенному Писанию и таким образом богато наполняя сердце благими мыслями, весьма мужественно восстают на ниспровергающих православие, как бы говоря: *ревнуя поревновахом по Господе (3Цар. 19, 10)*. Итак, когда Несторий изрыгнул многие и различные хулы на Спасителя всех нас Христа и как бы с оснований сдвинул досточтимое и великое таинство вочеловечения: то мы, видя, что не безопасно молчать в этом случае, часто советовали ему отстать от таких хулений и когда совершенно ничего не успели, по необходимости вышли на защиту догматов благочестия, избрали некоторые главы из его хулений и с пользою анафематствовали их, т. е. желающих по ним мудрствовать, повинуюсь блаженному Павлу, который говорит: *аще кто вам благоветит паче еже прияте, анафема да будет. Но и аще мы или ангел с небесе благовестит вам паче еже благовестихом, анафема да будет (Гал. 1, 9, 8)*. Но не знаю,

почему некоторые сильно вознегодовали на это; – или это люди таких же мыслей и понятий, или которые притворяясь, что отвергают подобное исповедание, стараются всячески покровительствовать ему и сделать ненавистными тех, которые хотят защищать Спасителя. Должно было думать, что укоризны на учащих противному выражали у них искренность любви ко Христу; но ныне (оказывается, что) они сделали не то, что лучше и особенно что должно, а сделались враждебнейшими к тем, которым если бы подражали, получили бы с ними венец нетления. Они порицают анафематства, будто несправедливо составленные, и письменно противопоставляя каждому вымыслы своего ума и некоторые глупые пустословия, думают тем увлечь безрассудных читателей их книг. Поэтому и нам необходимо было противопоставить им истину, опровергнуть их нападения, выказать их любителями хулы, а противников их исследователями истины. Итак, предложивши сначала каждое из анафематств и потом сопоставивши с ними то, что ими составлено, мы присоединили свои опровержения, призывая в судьи знающих божественное Писание и требуя справедливого и беспристрастного суждения от разумеющих истину.

Анафематство 1-е

Кто не исповедует Еммануила истинным Богом, и посему святую Деву Богородицу, так как она по плоти родила Слово, сущее от Бога Отца, ставшее плотию: да будет анафема.

Возражение восточных

И кто станет исповедовать, что Слово Божие, соделавшееся плотию, и родилось плотски? Если она родила плотски, то уже не как Дева. И к чему мы отнесем слова: *Дух Святой найдет на тя, и сила Вышняго осенит тя* (Лук. 1, 35), если, по его⁵ мнению, Дева родила (Его) плотски, а не как прилично Богу? и каким образом указывала на Него звезда странно явившаяся (Матф. 2, 2, 7)? А волхвы, водимые ею, пришли из Персии, отыскивая рожденного и отыскавши принесли дары, приличные и умом постигаемому и видимому; и ангелы, сошедшие с небес,

соединившись с пастырями, воспели рождение словами: *слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение* (Лук. 2, 14). На что указывают эти знамения? На телесное или богоприличное рождение? И притом если мы безрассудно согласимся с его речами, то станем измышлять и превращение Слова и изменение Его в плоть; равным образом допустим и то, что Оно соделалось *грехом и клятвою* (2Кор. 5, 21. Гал. 3, 13), если не будем внимательны к предыдущему и последующему в речи и к самому обычаю Писания (выражаться так или иначе). Но по мысли евангелий, мы под выражением: *Слово плоть бысть*, справедливо разумеем пребывание Его во плоти.

Защитение Кирилла

Таинство воплощения едиnorodного Сына Божия объясняет премудрейший Иоанн, написавший: *и Слово плоть бысть, и вселися в ны* (Иоан. 1, 14). Понимая эти слова, как следует, блаженные отцы, собравшиеся некогда в Никее, назвали Его Словом, рожденным от Бога, чрез которое Отец все сотворил, светом от света, Богом истинным от Бога истинного, воплотившимся и вочеловечившимся, т. е. соединенным с плотью, имеющею разумную душу, и сделавшимся человеком, хотя и оставшимся в тоже время Богом. А что без превращения и без слияния совершилось дело соединения, что Слово Божие осталось, как сказано, тем, что есть, хотя и соделалось плотью, потому что неизменяемо по естеству, то для всякого несомненно. Ибо воплощение не означает превращения в естество плоти, но (здесь) разумеется нечто другое, отличное от нее и соединенное с нею. Таким образом мудрствуя, блаженные отцы называли святую Деву Богородицею: ибо веровали, что родила воплотившегося и вочеловечившего того самого Сына, чрез которого все сотворил Отец. А изобретатель новых для нас хулений Несторий, ратуя против этого мнения, порицает слово *Богородица*, как неистинное; сказал же об этом так: „я, говорит, часто спрашивал их: Божество ли, говорите, родилось от блаженной Девы? Тотчас замолчат при таком вопросе. И кто, говорит, стерпит такую хулу, чтоб о той, которая родила храм, говорить, что чрез Духа в ней создан Бог? Потом когда

присовокупляем: итак что неприличного говорим мы, когда советуем избегать этого названия, а держаться общего для обеих природ выражения? – то слова наши представляются им хулою. Или исповедуй ясно, что родилось Божество от блаженной Марии, или, избегая хульного выражения, почему, говоря мне это, притворяешься, что не говоришь»? Итак когда он настаивает, особенно же нечестиво уверяет, что называющие Деву Богородицею должны исповедовать, что плод родился чуждым плоти и естество Божества отдельно, и что Слово Божие имело начало бытия от жены: то желая доказать, что мы совершенно чужды такого мнения (ибо не так сумасбродны, чтобы стали мудрствовать так, как не должно мудрствовать), говорим, что Дева родила Слово Божие, соделавшееся плотию, по писаниям, т. е. человеком, родила же Его плотски, т. е. по плоти, потому что Бог и Отец по божеству родил из себя Бога Сына. поскольку же рождаемое от плоти плоть есть, то Дева, как сама плоти, родила плотски. Когда говорится плотски, то чрез это не уничтожается вышеестественность рождения, не отвергается деятельность Св. Духа, чрез которую Он образовал в утробе рождаемое; но лучше дается знать, что как Бог рождает по божеству, т. е. богоприлично, сообразно с своею природою, так и человек раждает по человечеству, т. е. плоть – плотски Будучи же Богом по существу, Слово, хотя соделалось плотию, но произошло богоприлично, т. е. как прилично истинному Богу; потому что одно Оно имело мать неискусобрачную и сохранило Девой родившую Его по плоти. Удивляюсь, что опасаящиеся называть святую Деву Богородицею, говорят, что она родила богоприлично: обыкновенный человек не рождается богоприлично. И дары, говорят, волхвами принесены были приличные и умом постигаемому и видимому, и (таким образом) опять разделяют после соединения на двое единого Господа Иисуса Христа: потому что умом постигаемый соделался видимым не чрез изменение существа, но чрез соединение с видимым телом. Священное Писание говорит, что святые апостолы были *самовидцы и слуги Словесе* (Лук. 1, 2), хотя не всякому ли несомненно известно, что Слово Бога Отца бестелесно,

неосязаемо и невидимо? Но встречаю слова святых апостолов: *еже бе исперва, еже слышахом, еже видехом очима нашими, еже узрехом, и руки наша осязаша, о Словеси животнем* (1Иоан. 1, 1). Итак приличные дары те (были принесены) одному, т. е. Христу: потому что Он равно Бог и вместе человек. Поэтому когда Он родился, воспевали хоры святых ангелов и полки духов, называя Его Спасителем и Избавителем. Они опасаются, чтобы в словах евангелиста: *Слово плоть бысть* (Иоан. 1, 14) не разумелось какое-нибудь превращение божественного естества Слова, если выражение *бысть* сохранит свое собственное значение. Я хвалю опасение, но удивляюсь, что опасующиеся этого выражения и истинного и необходимого его значения, говорят, что Слово таким образом соделалось плотию, как соделалось, – говорится о Нем, – клятвою и грехом (Гал. 3, 13, 2Кор. 5, 21). Потом, каким образом имеющие смысл не видят, что блаженный евангелист, сказавши слово: *бысть*, тотчас уничтожает мысль о каком бы то ни было превращении, присовокупляя: *и вселися в ны* (Иоан. 1, 14). Нелепо же и бессмысленно дерзать говорить, что Слово так соделалось плотию, как соделалось, – говорится о Нем, – клятвою и грехом: потому что Оно не соделалось самой клятвой, ни грехом, а (только) вменено было с беззаконниками, будучи праведным, дабы сделать недействительным грех (Марк. 15, 28. сн. Иса. 53, 12); и назван клятвою благословляющий тварь, дабы разрушить клятви, тяготевшую над нами, и освободить от наказания верующих в Него. Итак не соделался на самом деле клятвою и грехом; но назван так, чтобы разрушить клятву и грех. Поэтому, если так соделался плотию, то так же и разрушил плоть, как клятву и грех, и следовательно не соделался человеком и не воплотился на самом деле, но таинство существует в одном воображении и слово *вочеловечение* оказывается пустым названием; уничтожается же совершенно и надежда воскресения. Итак в что смерть мы крестились? где слово веры, которое мы проповедуем? Исповедуя же, что Иисус есть Господь, и веруя, что Бог воздвиг Его из мертвых, спасаемся. Итак не в подобного ли нам и обыкновенного человека будет вера, и поклоняемся ли

уже мы Слову, явившемуся ради нас в человеческом образе? Или не принял рабского образа свободный, как Бог? Или не смирил себя славный в высоте Божества? Или, будучи образом и равным Отцу, не снизошел до истощания Себя, хотя (в тоже время) раздает твари блага от полноты своей? Но прочь злая мысль! Иначе учили нас блаженные отцы: они говорили, что самое Слово Бога Отца поистине воплотилось и вочеловечилось неизменно и неслиянно; а образ домостроительства совершенно непостижим. Во свидетельство сказанного приведу их слова.

Мученика Петра, епископа александрийского

Евангелист истину говорит: *Слово плоть бысть, и вселися в ны* (Иоан. 1, 14), с того, очевидно, времени, как ангел приветствовал Деву, говоря: *радуйся, благословенная, Господь с тобою* (Лук. 1, 28). Слова: *Господь с тобою*, слышимые теперь от Гавриила, сказаны вместо слов: Бог-Слово с тобою; ибо означают, что Он сам зачинается во утробе и делается плотию, как написано: *Дух Святой найдет на тя, и сила Вышнего осенит тя: тем же и рождаемое свято, наречется Сын Божий* (Лук. 1, 35),

Афанасия, архиепископа александрийского

Когда рождалась плоть от Богородицы Марии, сказано было, что родился Сам дающий другим рождение в бытие, чтобы перенести на Себя наше рождение.

Того же из послания к Епиктету

Как дерзнули сомневаться называющиеся христианами, Господь ли произшедший от Марии, который, будучи Сыном Божиим по сущности и естеству, по плоти от семени Давидова, от плоти же святой Марии? Кто же такие были настолько дерзки, чтобы говорить, что страдавший плотию и распятый Христос не Господь, и Спаситель, и Бог и Сын Отца? Или как думают называться христианами те, которые говорят, что Слово вошло в святого человека, как в одного из пророков, а не само

соделалось человеком, принявшим плоть от Марии, но что иной Христос и иное Слово Божие – Сын Отца, прежде Марии и прежде веков бывший? Или как могут быть христианами говорящие, что иной есть Сын и иное Слово Божие?

Таких мыслей святых отцов держимся и мы. Если же кто иначе учит и иначе мудрствует, тот находится не на прямом и царском пути. А что не необычно святым отцам употреблять выражение: *Христос родился плотски*, и что напротив это выражение обыкновенно и у других, не менее истинно и для нас, показывают следующие слова

Амфилохия, епископа иконийского

„Если бы Он не родился плотски, то ты не родился бы духовно; если бы Он не носил рабского образа, то ты не приобрел бы славы сыноположения». – Ясно, что и здесь слово *плотски* тоже значит, что *по плоти*, как например слово *божественно* однозначуще с словом *по Божеству*.

Анафематство 3-е

Кто во едином Христе, после соединения (естеств), разделяет лица, соединяя их только союзом достоинства, то есть, в воле или в силе, а не, лучше, союзом, состоящим в единении естеств: да будет анафема.

Возражение восточных

Опять напомним ему собственные его слова и укажем, как он сам говорит о двух ипостасях. Например, в первом томе он говорит: „итак по отношению к Его природе, Слово Бога Отца отдельно (взятое) не получило освящения. Если же кто будет думать, что рожденный от святой Девы помазан и освящен один, в этом смысле и назван Христом“... Итак на каком же основании он, как бы забывши свои слова, соединяет природы в одну ипостась, сливая их и называя естественным божественное соединение? И кто когда-нибудь примет за естественное божественное соединение в таинстве домостроительства? Если соединение естественно, где

благодать? где божественное таинство? Ибо природы, как мы знаем, однажды установленные всеустроющим Богом, следуют закону необходимости? Опять неужели дело домостроительства, по круговращению и порядку природы, будет продолжаться тысячу лет, как безумствовал и баснословил ненавистный Аполлинарий?

Защитение Кирилла

Божественный Павел, ясно показывая всем, каким образом единокровное Слово Божие соделалось человеком, как строитель таин Божиих и имеющий в себе Христа говорящего, возвещает: *не от ангел бо когда приемлет, но от семени Авраамова приемлет. Отнюдуже должен бе по всему подобитися братии, да милостлив будет и верен первосвященник в тех, яже к Богу (Евр. 2, 16, 17).* Мы, считая это изречение за самое истинное, следуя повсюду богодухновенным Писаниям, и почитая полным удивлением изречения богословов и даже считая их за божественные законы, утверждаем, что Слово Бога Отца заимствовало не от святых ангелов, ни даже от своего естества; веруем, согласно с священным Писанием, что, осенивши святую Деву, как сила всевышнего Отца, Оно образовало Себе из нее тело, действием впрочем Св. Духа, и соделалось человеком, и названо сыном Авраама и Давида, не потерявши чрез вочеловечение свойства – быть истинным Сыном Бога и Отца, напротив оставаясь, хотя и соделалось плотью, в естестве, величии и славе Божества, потому что неизменяемо и выше превращения, как Бог. Итак Оно есть один и тот же Сын и Господь и прежде воплощения и после воплощения. А разделять одного на двух сынов и разрушать дело истинного соединения, разделяя на части и полагая особо человека и особо Бога, дело нечестивое выше всякого описания. Но, мало заботясь об этом, Несторий дерзал говорить теми же словами так: *„сие да мудрствуется в вас, еже и во Христе Иисусе, иже во образе Божии сый, себе умалил, зрак раба приим» (Филип. 2, 5, 6).* Не сказал: сие да мудрствуется в вас, еже и в Боге-Слове, которое, пребывая во образе Божии, приняло зрак раба; но употребивши слово

Христос, как название означающее две природы, без опасения называет Его и принявшим образ раба и Богом, хотя непонятно, каким образом относит слова к двум разделенным природам. В другой проповеди опять говорит: *«да о имени Иисусове всяко колено поклонится небесных, земных и преисподних, и всяк язык исповестъ, яко Господь Иисус Христос (Филип. 2, 10, 11).* Ради носящего почитаю носимого; ради сокрытого поклоняюсь видимому. Бог неотделим от видимого; поэтому не разделяю честь того, кто неразделим; разделяю природы, но соединяю поклонение“. И еще в другой проповеди: „говори о принявшем, что Он Бог; присоединяй принятого, потому что образ раба; после того присовокупляй достоинство соединения, потому что власть у обоих общая, достоинство у обоих одно и то же; при разделении природ исповедуй единство достоинства“. Видишь, как везде разделяет природы одну от другой, соединяет же, как говорит, поклонение и признает общею только власть и единство одного достоинства. Но общее, если оно общее, во всяком случае не у одного, а у двоих или у многих, отдельно и особо взятых. Итак к чему же сделано порицание слова, которое по справедливости анафематствует такое мудрование? Что нелепого, если мы, противопоставляя благочестивые догматы гнусным и сквернейшим словам Нестория, выразили должную заботливость о спасении братьев? поскольку же говорят, что я противоречу своим словам, и в доказательство приводят часть послания, которое я писал к святым монахам: то я считаю долгом ответить и на это, что следует. Говорят, что и сам я назвал две ипостаси, и считают достаточным для себя доказательством, что и мы не отвергали того, что говорят они. Итак по необходимости предложивши эту часть послания, присовокуплю после сего ясное доказательство на то, что они повсюду являются лжецами в своих словах. Она читается так: „итак что касается до Его природы, то не освящено отдельно Слово Бога Отца. Если же кто будет думать, что рожденный от святой Девы помазан и освящен один, и в этом смысле назван Христом, пусть скажет далее, достаточно ли помазание для того, чтобы помазанный явился равнославным и сопрестольным Богу, который выше всего“. поскольку же изобретатель новых

для нас хулений Несторий часто утверждает, что Христом названо отдельно Слово Божие, отдельно же и особо – другой Христос, рожденный от святой Девы: то отвергая такое мнение, как скверное, и безрассудное, и чуждое истины, мы не утверждаем ни того, что Слово Бога Отца, отдельно рассматриваемое, помазано елеем радования, ни того, что (помазан) отдельно и особо взятый, как человек и иной Сын, а не Слово Божие, – тот, который (родился) от святой Девы; напротив утверждаем, что всем должно исповедовать одного Христа – воплотившееся и вочеловечившееся единокровное Слово Божие, потому что *един Господь, едина вера, едино крещение* (Еф. 4, 5). Итак всякому, привыкшему православно мудрствовать, ясно, что они превращают смысл моих слов и чрез то клеветают на истину. Конечно, была бы непогрешительна, весьма справедлива и не заслуживала бы никакого осуждения иная мысль, именно, что плоть по своей природе отлична от Слова, рожденного от Бога Отца, а равно и Единородный есть иной по отношению к своей природе. Но так понимать не значит разделять природы после соединения. Подлинно, если бы кто захотел рассматривать силу таинства острым взором ума, увидел бы, что не от своей природы, как сказано в начале, заимствовал Бог-Слово, но от семени Авраамова; а святое тело от семени Авраамова не единосущно рожденному от Бога Слово. От святой Девы заимствовал произшедший человек, чтобы уподобиться братии и Единородному назваться первородным. Но хотя тело иной природы, нежели Слово Бога Отца; впрочем один Христос, и Сын, и Бог, и Господь, хотя (Оно) и соделалось плотью. И небезвредно разрушать способ истинного соединения, разделяя ипостася на два сына, как будто они существуют в разлучении, каждая отдельно и особо, и имеют одно внешнее единение или союз одного достоинства. Когда же называем соединение естественным, то разумеем истинное; потому что само богодухновенное Писание имеет обычай употреблять это выражение; например в одном месте богодухновенный Павел пишет некоторым (людям): *и бехом естеством чада гнева, яко же и прочии* (Ефес. 2, 3). И никак не скажет кто-либо, что подпали по (самой) природе

божественному гневу, так что грешники суть порождения его; иначе мы совершенно согласны будем с зараженными безумием манихейским. Но слово *естеством* тоже, что *поистине*. Итак, не сливая природ и не смешивая их одну с другою, как говорят противники, говорим, что произошло естественное соединение (их); но везде утверждаем, что из двух природ нетождественных, божества и человечества, соделался один Христос, и Сын, и Господь. Очевидно, что с мнениями Аполлинария у нас ничего нет общего; ибо однажды осужденных, как низвращающих истину, должно отвращаться.

Анафематство 4-е

Кто изречения евангельских и апостольских книг, употребленные святыми ли о Христе, или Им самим о Себе, относит раздельно к двум лицам или ипостасям, и одни из них прилагает к человеку, которого представляет отличным от Слова Бога Отца, а другие, как богоприличные, к одному только Слову Бога Отца: да будет анафема.

Возражение восточных

Прилично и здесь напомнить ему собственные его положения, в которых говорит: „когда услышишь, что преуспевал премудростию, возрастом и благодатию, не думай, что Слово Божие соделалось мудрым постепенно; и опять не дерзай пустословить, что преуспевание возрастом, премудростию и благодатию приписываем человеку». Хотя он и отвергает здесь свидетельство Писания, показывающее, что преуспевание происходило в естестве видимой плоти Господа: но не время теперь обличать это, потому что спешим к подлежащей главе. Чтобы показать, что он сам говорит о двух ипостасях и противоречит себе, предложим давно сказанное им: „не должно соглашаться с словами, разделяющими соединение, т. е. одного Сына на два лица, или ипостаси, или на два сына, потому что неразделимо и неразрывно совершеннейшее соединение, и всяким образом, во всех отношениях и во всяком смысле один Сын. Но когда сохраняется совершеннейшее

соединение и исповедуется один Сын и Христос и Господь: то должно принимать (все) слова об одном и том же Сыне; по силе соединенных природ, без сомнения, должно относить к одному Сыну то, что говорится». Но если не разделять евангельских слов, или сказанных о Господе Им самим, или помещенных в апостольских писаниях: то какой высоты хуления не превзойдет (он)? Если не разделяем речей, то каким образом будем противостоять Евномию и Арию, которые все слова смешивают так, как будто они сказаны были об одной природе, и низкое человечества хульно относят к вышней природе чистого Божества? Или как будем понимать слова Господа, которые Он говорит в отношении к природе видимой плоти: *не сниходу, да творю волю мою* (Иоан. 6, 38), и: *заповедь получил я, что реку и что возглаголю* (12, 48), и: *о себе ничесоже творю* (8, 28), и: *восхожду ко Отцу моему и Отцу вашему, и Богу моему и Богу вашему* (Иоан. 20, 17) и прочие подобные? Если слова, равно как и природы, останутся нераздельными: то, по учению его⁶, Отец будет Богом едиnorodного Бога, а служителем и исполнителем отеческих заповедей – Сын по Божеству. И если уничижение перенесем на божественное естество, то к кому приложим слова: *Аз и Отец едино есма* (Иоан. 10, 30), и то, что Он делает, как Отец; я эти слова: *якоже Отец воскрешает мертвые и живет, тако и Сын, их же хочет*, (а не тех, которых приказывают) *живит* (5, 21)? Но справедливо, по слову самого Господа, отец есть Отец и Бог: Бог возникшего в последние времена от семени Давидова с плотию, Отец же Бога Слова, рожденного бесстрастно и вечно, причем сохраняется и исповедуется сыновство в отдельном смысле. Как же будем понимать: *амин амин глаголю вам, прежде даже Авраам не бысть, аз есмь* (Иоан. 8, 58), и: *вся тем быша* (1, 3), если не будут разделены слова? Неужели отнесем к естеству, явившемуся в последние времена от семени Давидова, слова о бытии прежде Авраама и Давида и о сотворении чрез Него всего? Или, полагая природы неслитно пребывающими и исповедуя соединение неразделимым, скажем благочестиво, что слова по силе соединенных природ, как выше сказано, относятся к одному Сыну и Господу и Христу, но не прилагаются

все к одной природе? так что в одном названии природ разумеется каждая по непонятной для нас высоте соединения, как например: *никтоже възиде на небо, токмо сшедый с небесе, Сын человеческий сый на небеси* (Иоан. 3, 13) и еще: *аще убо узрите Сына человеческого восходяща, идеже бе прежде* (6, 32), – не разумеем ли в одном названии Сыном человеческим и того, кто соединен с ним неслиянно и нераздельно? Ибо хотя и назвался Сыном человеческим в отношении к принятой и видимой природе плоти; но чрез дела, им совершенные, показал себя Богом. И опять: *Иисус Христос, им же всяческая* (Евр. 2, 10); и еще: *Иисус Христос вчера и днесь* (той же и во веки) (13, 8). Каким образом чрез Него всяческая? если же чрез Него всяческая, то каким образом – вчера и днесь? Но истинно и то, что все чрез Него, верно и то, что – вчера и днесь, и то истинно, что – той же и во веки, если по различию природ, соединенных неслитно и нераздельно, будем относить слова вчера и днесь к видимому, во веки – к невидимому, а по единству сыновства – к одному и тому же.

Защитение Кирилла

У тех, которые неразумно желают порицать анафематства, со ставленные с величайшею пользою и по необходимости, кажется, одна цель – ничего истинного не думать и не говорить, а представить ясное доказательство на то, что они заняты одной клеветой. Потому что если бы они с рачением и усердием приложили свой ум к написанному, то поняли бы, что своими мнениями и словами, ими самими произнесенными, (только) утверждают анафематство и доказывают, что оно не неразумно составлено. А каким образом, скажу об этом. Добрый для нас Несторий, проповедуя в церкви, сказал нечто такое, – какъбы это сказать яснее и для всех понятнее, – (сказал, что) Арий, Евномий и Аполлинарий и толпы всех, принадлежащих к такому братству, старались ввести слово *Богородица*, чтобы, когда произойдет смешение и природы не будут разделены, ничто низкое не было принимаемо в человечество и потом им был бы случай встать на Божество, как будто все, что говорится, говорится об одном. Когда таким образом сказано, то весьма

полезно было с нашей стороны анафематство, не позволяющее разделять на два лица и ипостаси одного Господа Иисуса Христа. А что и сами они согласны с нашими словами, ясно будет из тех слов, которые выписали и признали справедливыми. Вот слова эти: „не должно соглашаться с словами, разделяющими соединение, т. е. одного Сына на два лица, или ипостаси, или на два сына, потому что неразделимо и неразрывно совершеннейшее соединение, и всяким образом, во всех отношениях и во всяком смысле один Сын. Но когда сохраняется совершеннейшее соединение и исповедуется один Сын и Христос и Господь: то должно принимать (все) слова об одном и том же Сыне; по силе соединенных природ, без сомнения должно относить к одному Сыну то, что говорится“. Итак когда сохраняется совершеннейшее единение, то возможен ли какой-нибудь (хотя) тайный доступ (к разделению) или даже вид сечения? и кто дерзает разделять, не сойдет ли с правого пути и не отпадет ли совершенно от догматов благочестия? Что же говорит анафематство? Кто разделяет слова таким образом, что одни прилагает к Нему, как к человеку, отдельно рассматриваемому от Слова Божия, а другие, как богоприличные, к одному Слову Божию, да будет анафема“. Итак если разделяющие и разлагающие одного Христа на человека отдельно и особо, и на Бога – Слово отдельно и особо, не разделяют Его и не говорят о двух сынах, то пусть обвиняют нас любящие жаловаться. Если же так мудрствовать, значит (производить) сечение и разделение: то почему они вздумали порицать наши слова, когда и сами, как говорят, исповедуют, что Еммануил неразделим и есть один по совершеннейшему соединению? Итак и я сам похваляю и всякий, думаю, привыкший право мудрствовать, (похвалит) обязанность принимать благоразумно каждую речь, хотя бы и им, пожалуй, сказанную: потому что одни из речей богоприличны, а другие более сообразны с домостроительством по плоти. поскольку же один и тот же Бог и вместе человек: то в этом отношении весьма справедливо говорится иногда божественно, иногда человечески; однако мы утверждаем, что и те и эти слова одного Иисуса Христа; мы и храм от пресвятой Девы не лишаем

Божества, и то знаем, что Слово Бога Отца не бесплотно после неизреченного соединения. Но я удивляюсь, что весьма тщательно исследовавшие и, как думают, тонко разобравшие мои послания, намеренно опускают то, что в них полезно и необходимо для доказательства правоты и верности догматов, а весьма живо бросаются на слова, которые представляют, как им кажется, хотя малейшую возможность сплести из них клевету против нас. Припомню же мои слова; я так писал в письме к Несторию: „а речи нашего Спасителя в евангелиях не разделяем ни между двумя ипостасями, ни между двумя лицами; ибо не двойствен один и единый Христос, хотя и разумеется соединенным из двух и различных природ в неразделимое соединение, подобно как например и человек разумеется (состоящим) из души и тела и недвойственным, а единым из обоих. Но правильно мудрствуем, что как божественные, так и человеческие речи сказаны об одном. Когда Он говорит о себе богоприлично: *видевый мене, виде Отца* (Иоан. 14, 9), и: *аз и Отец едино есма* (10, 30): то разумеем божественное и неизреченное естество Его, по которому Он по отношению к Отцу своему, по причине тождества существа, есть подобие, образ и сияние славы Его (Евр. 1, 3). Когда же Он, не гнушаясь меры человечества, говорит в иудеям: *нынеже ищите убить мене человека, иже истину вам глаголах* (Иоан. 8, 40): опять тем не менее познаем того же Бога – Слово в равенстве и подобии Отца, но в пределах Его человечества. Ибо если необходимо веровать, что истинный Бог по существу соделался плотию или человеком, так вак плоть одушевлена разумною душою: то какое основание имеет кто-нибудь стыдиться слов Его, когда они относились к человечеству? Если бы Он отвергал речи приличные человеку, то кто заставил бы Его сделаться подобным нам человеком? И снисшедший ради нас до добровольного истощения, по какой причине стал бы отвергать слова, приличные этому истощению? Поэтому в одном лице должно относить все слова (находящиеся) в евангелиях, к одной ипостаси воплощенного Слова: ибо един Господь Иисус Христос, по писаниям“. Итак, сколько уже видно из вышеписанного, нас нельзя обличить в незнании

домостроительства и слов приличных каждой природе; но лучше мы не позволяем душевным, не имеющим духа, мудрствовать или говорить о двух сынах, разделяя одну от другой ипостаси после неразрывного соединения. поскольку же они, взявши некоторую малую часть из нашего послания, положили ее в начале своих речей, угрожая со временем обличить нас, что мы будто не умеренно согрешили по отношению к слову Бога Отца и весьма неразумно приписали Его естеству возрастание и преуспеяние, приличные плоти: то, пожалуй, скажем и на это, предложивши целую часть послания; потому что они, опасаясь истины и обманывая слушателей, привели (только) некоторую часть, которая показалась им более годною к тому, чтоб иметь возможность и, по видимому, благовидно составить против нас клевету. Сказано же было так: „когда услышишь, что преуспевал премудростию, возрастом и благодатию, не думай, что Слово Божие соделалось мудрым постепенно. Особенно же припомню, что богодухновенный Павел так написал: *Христос Божия сила и Божия премудрость* (1Кор. 1, 24). И опять не дерзай пустословить, что преуспеяние возрастом, премудростию и благодатию приписываем человеку, ибо это, я думаю, есть не что иное, как разделять на два одного Христа; но как сказано прежде, будучи предвечным Сыном, называется *предопределенным в Сына Божия* в последние времена века, усвояющим себе по домостроительству рождение своей плоти. Таким образом говорится и о сущей Премудрости родившего , что Она преуспевала в премудрости, хотя Она совершенна, как Бог, и в то время, как добровольно приняла на себя чрез совершеннейшее соединение свойства человеческие“. Итак почему они ложными умствованиями низвращают истину, когда Бог говорит: праведно судите (Втор. 1, 16)? Потому что мы не учим о разделении ипостасей после соединения, не говорим и того, что божественное естество имело нужду в возрастании и преуспевании, но только то, что Он по домостроительственному усвоению свойства плоти сделал своими, так что *плоть бысть*, по Писанию (Иоан. 1, 14). А что с такой верой и мнением согласен и сонм святых отцов, постараюсь показать,

предложивши для полного убеждения часть проповеди, произнесенной некогда блаженной памяти Аттиком. Вот она:

Аттика, епископа константинопольского

„Ныне Владыка Христос принял рождение по человеколюбию; ибо рождение по божественному достоинству было прежде“. Потом опять присовокупляет к этому: „Слово по человеколюбию истощается, будучи по природе неистощимым; ибо себе *умалил, зрак раба приим* (Филип. 2, 7). Бесплотный для тебя воплощается; ибо *Слово плоть бысть* (Иоан. 1, 14). Неосязаемый по причине бестелесной природы осязается. Безначальный бывает под телесным началом; совершенный возрастает; неизменяемый преуспевает; богатый рождается в вертепе; одевающий небо облаками одевается пеленами; царь полагается в яслях“.

А что разделять ипостаси после соединения не беспорочно, а напротив значит низвращать достойное поклонения таинство вочеловечения, это не менее узнаем, читая слова Юлия и Феликса, бывших некогда предстоятелями римской церкви.

Юлия, епископа римского

Проповедуется же во исполнение веры Сын Божий и воплотившимся от Девы Марии и вселившимся в человеке; Он не действовал в человеке, ибо это (выражение) имеет место в отношении к пророкам и апостолам; Он есть совершенный Бог во плоти и совершенный человек в Духе; не два сына – один едиnorodный Сын, воспринявший человека, а другой смертный человек, воспринятый Богом, но один, едиnorodный на небеси и едиnorodный на земли, Бог.

Феликса, святейшего епископа римского и мученика

Что же касается до воплощения Слова и веры, мы веруем в Господа нашего Иисуса Христа, рожденного от Марии Девы, (веруем) что Он есть вечный Сын Божий и Слово, а не человек,

воспринятый Богом, так чтобы (человек) был другой от Него; потому что не так воспринял человека Сын Божий, чтобы быть иным от него (существом), но будучи совершенным Богом, сделался вместе и совершенным человеком, воплотившись от Девы.

Анафематство 7-е

Кто говорит, что Иисус, как человек, был орудием действий Бога Слова и окружен славой Единородного, как существующий отдельно от Него: да будет анафема.

Возражение восточных

Никто не станет исповедовать, что в Господе нашем Иисусе Христе Дух действовал, как в простом человеке, или как в пророке, или как в апостоле. Однакож не станем ни отвергать, ни исключать апостольские слова, сказанные о Нем относительно естества видимой плоти, которые гласят: *по действию державы крепости его, юже содея о Христе, воскресив его от мертвых* (Ефес. 1, 19, 20), *разрешив болезни смертные* (Деян. 2, 24); и еще: *десницею Божиею вознесется* (ст. 33) и прочие подобные. Хотя эти слова положены по причине видимой плоти; никто однако не допустит, чтобы в Нем действовала (посторонняя сила) или как в человеке простом, или как в праведнике, или как в пророке, или как в апостоле. И опять не станем уничтожать, или отвергать, или неразумно и богохульно анафематствовать божественные слова, сказанные и положенные относительно естества видимой плоти, и не станем говорить, что в Нем действовал (Дух) или как в простом человеке, или как в праведнике, или как в пророке, или как в апостоле; потому что Он не говорил: „вот что говорит Господь“, но как Сын законоположник: *аз же глаголю вам* (Мф. 5, 22 и др.).

Защитение Кирилла

Против одинаковых слов и теперь мы употребим тот же способ защитения. Без сомнения, один есть Господь наш Иисус

Христос, один и тот же, по верованию нашему, есть вечное и предвечное Слово Бога Отца и в последние времена мира человек от жены, имевший чудное рождение по плоти. Но так как Он есть один Сын и Бог и Господь, то совершал знамения силою, высшею человеческой, научая достаточными доказательствами, что хотя и был во плоти, но тем не менее есть в тоже время и истинный Бог, и сила Отца; потому что не перестал быть тем, чем был, сделавшись человеком. Поэтому совершал необыкновенные дела, – то посрамлял демонские силы и попираал сатану; то открывал свет слепым, воскрешал мертвых, укрощал одним словом волнующееся море, и чрез то не прославлял какого-нибудь человека и другого, отдельно существующего Христа, как например одного из святых пророков или апостолов, но себе самому приобретал славу, дабы все веровали, что Он есть истинный Бог по природе, хотя и соделался человеком. Итак в высшей степени нелепо было терпеть слова Нестория: «общие действия Троицы и имеют разделение только между ипостасями; поэтому слава Единородного иногда усваивается Отцу, иногда Духу, а иногда могуществу Христа». Итак желающие опровергать или пусть покажут нам другого Христа, отдельно и особо существующего и мыслимого, которому Единородное Слово Божие усвоило свое могущество, так как бы Сын был отличен от Него; или если Единородный от Отца и от жены человек по плоти не есть иной и иной, но один и тот же, то уместно ли было молчать, и не должно ли напротив противопоставить силу истины его пустословию, помрачающему красоту догматов благочестия? Итак сам Сын был и есть Бог. Но как однажды снизшел до меры человечества и не считал домостроительство достойным отвержения, а все перенес чрез добровольное за нас истощение: то и говорится о Нем, что Он оживотворяется Отцом, хотя по природе есть жизнь; говорится, что приемлет славу, хотя есть Господь славы. Поэтому Еврей из Евреев, истинно наученный в законе, и из колена Вениаминова, говорил: *Павел апостол ни от человек, ни человеком, но Иисус Христом и Богом Отцом воскресившим его от мертвых (Гал. 1, 1) и славу ему давшим (1Петр. 1, 21)*. Но хотя говорится, что Он

принял славу от Отца, так как это дело подходит под меру человечества: однако Он сам знал, что имеет достоинство высшее твари, поскольку разумеется и есть Бог; поэтому и говорил: *вся мне предана суть Отцом моим, и никто же знает Сына, токмо Отец, ни Отца кто знает, токмо Сын, и ему же аще волит Сын открыти* (Мф. 11, 27). Но может быть кто-нибудь из любознательных скажет: если тебе все предано от Отца, как имеющему нужду в славе и долженствующему иметь данную власть над всем – по причине человечества; то как говоришь ты, что невозможно умам человеческим знать тебя, так именно, как и Отца? Но подлинно, говорит, познание меня не ограничивается видимым, потому что я Бог во плоти и крови; можно познавать меня но плоти, но по природе и славе Божества я имею тоже, что Бог и Отец, и возвышаюсь над всяким умом и словом. Итак, – возвращаюсь к мысли предложенного, – мы не уничтожаем апостольских речей, – да не будет! – и не мудрствуя или не говоря ничего другого несообразного, не разрушаем основ вочеловечения; но везде следуя священному Писанию и приписывая словам богословов твердую непогрешимость, противостоим только тем, которые ниспровергают православные догматы церкви. А если говорится, что Отец воскресил из мертвых Господа нашего Иисуса Христа, то никто не усомнится, что это дело совершаемо было, очевидно, только по отношению к плоти Его. Он сам впрочем, будучи животворящею жизнью и действенною силою Отца, оживотворил свой храм: *разорите, говорит, церковь сию, и три дни воздвигну ю* (Иоан. 2, 19). Итак оживотворяемое (тело) было не чужое, не какого-либо из подобных нам людей, по собственное тело самого Слова.

Анафематство 8-е

Кто дерзает говорить, что воспринятому (Богом) человеку должно поклоняться вместе с Богом Словом, должно его прославлять вместе с Ним и вместе называть Богом, как одного в другом (ибо так думать заставляет постоянно прибавляемая частица – *σὺν вместе с*), а не чтит Еммануила единым

поклонением и не воссылает Ему единого славословия, так как Слово стало плотью: да будет анафема.

Возражение восточных

Сопоклонение и прославление не приписываем как бы двум лицам, или ипостасям, или сынам, так как бы плоти было особое поклонение и Богу Слову особое; но напротив приносим одно поклонение, и прочее, как одному Сыну, и сопоклонение, как и сам он⁷ говорит в первом томе. Ибо хотя Он, как Слово, всегда сидит вместе с Отцом, и из Него и в Нем существует по природе, но, будучи и с плотью, слушал говорящего: *седи одесную мене, дóндеже положу враги твоя подножие ног твоих* (Псал. 109, 1). Так мы говорим о поклонении ему от нас самих и от святых ангелов. Притом скажем на это, что совершенно разумно порицал он⁸ желающих поклоняться с плотью (σὺν) одному и тому же Сыну, так как слово μετὰ есть нечто другое, нежели (σὺν), это и сам он⁹ утверждает, как выше сказано, говоря, что должно поклоняться Ему с плотью μετὰ, но отвергая сопоклонение (σὺν) плоти с божеством.

Защитение Кирилла

Богодухновенный Павел представляет нас весьма способными к рассуждению, говоря: *себе рассуждайте, аще есте в вере* (2Кор. 13, 5). Ибо хотя ум человеческий по причине самолюбия иногда, если находится вне правого пути и имеет отступательное движение от догматов истины, некоторым образом ленится и боится убедить себя в разладе своих мыслей: однако очень удобно исправить себя внимательным исследованием трудов св. отцов, которые всеми прославляются за правоту и верность догматов; тогда он правильно определит свою веру. Все, имеющие непорочный ум, стараются следовать мнениям св. отцов: потому что и сами они, наполняя ум свой апостольским и евангельским преданием и очень легко, право и непорочно исправив дело веры священным Писанием, были светилами в мире, содержащими слово жизни, как написано (Филип. 2, 15, 16). Итак вечной памяти отец наш и епископ

Афанасий пишет о Христе Спасителе всех нас в книгах о воплощении: „исповедуем и то, что Он Сын Божий и Бог по духу, Сын человеческий по плоти; не две природы – одного Сына, одну покланяемую, а другую непокланяемую, но одну природу Бога Слова воплотившуюся и покланяемую с плотию ее единым поклонением; ни двух сынов – одного Сына Божия истинного и покланяемого, а другого от Марии человека непокланяемого, но по благодати бывшего Сыном Божиим, как и люди“; и еще между прочим: „итак родившийся от Девы Марии, Сын Божий по естеству и Бог истинный, а не по благодати и по участию; по одной плоти из Марии человек, а по духу сам Сын Божий и Бог“; и еще: „если же кто иначе учит из божественных писаний, говоря об одном Сыне Божиим и о другом (сыне) от Марии, усыновленном по благодати, как и мы, как бы было два Сына – один по естеству Сын Божий от Бога, а другой по благодати от Марии человек; или если кто говорит, что плоть нашего Господа свыше, а не от Девы Марии; или, что божество превратилось в плоть, или изменилось, или, что божество Господа страдательно; или, что плоть нашего Господа непокланяема, как (плоть) человека, а не (учит, что) покланяема, как плоть Господа и Бога: такого святая и соборная Церковь анафематствует, повинуюсь божественному апостолу, который говорит: *аще кто вам благовестит паче еже прияте, анафема да будет (Гал. 1, 1)*“. Хотя Сей муж так мудрствует и пишет нам, но Несторий, желающий отнять славу у Христа и разверзающий на Него свои незамыкаемые уста, так опять говорит в одном месте: „исповедуем в человеке Бога, почитаем божественным соединением с Богом Словом сопокланяемого человека«. Не ясно ли называет Христа богоносным человеком, и говорит, что произошло соединение простого человека с Богом, подобно тому например, как сказано Павлом: прилепляйся Господеви, един дух есть (с Господем) (1Кор. 6, 17)? Однако почему же не истинно то, что Он сам есть Бог и вместе человек, а не человек какой-нибудь отдельно и особо рассматриваемый и имеющий соединение с Богом (только) по обитанию (в нем последнего)? Ибо после неизреченного соединения если кто назовет *Еммануила Богом вочеловечившимся и*

воплотившимся, следует разумеать Слово Божие; если назовет и человеком, мы знаем, что с Ним и само Слово Отца. Итак иное (дело) говорить, что Слово Бога Отца есть един Сын с соединившеюся с Ним плотию, и иное также говорить, что в человеке есть Бог, как был например и в пророках или и в нас самих, чрез Святого Духа. Безопасно же и непогрешительно, как я думаю, можно бы сказать всякому, что воплотившемуся Слову Божию должно поклоняться не без плоти Его, но с нею лучше, как одному Сыну, подобно тому например, как и душа человеческая почитается с своим телом, а обозначается состоящее из двух одним названием, как одно живое существо (ζῶον). Итак когда, думая говорить о Спасителе всех нас Христе, разделяешь одного на два и рассматриваешь человека отдельно и особо, потом дерзаешь говорить, что ему должно сопокланяться и называть вместе (σὺν) Богом, как будто Христос, Сын Божий по природе, иной от него: то кто может терпеливо сносить и пройти молчанием столь ясное злохуление на Него? Лучше должно было сказать: почитаем Слово Божие, соделавшееся человеком, которое именуют Богом и которому поклоняются в человечестве, потому что Оно и по природе есть Бог и воссияло от Бога Отца. Но, говорят противники, подлинно и сам¹⁰ допустил это, написавши в послании, что Сын с своею плотию (μετὰ) воссел с Отцом; почему же порицает того, кто говорит, что должно сопокланяться (σὺν) человеку с Богом Словом и соименовать Богом? Ибо одно и тоже сказать σὺν и μετὰ. Здесь обличаем их в незнании силы слов и в невникании в природу вещей. Когда речь, исследуя касательно одного лица и природы, т. е. одной ипостаси, из чего она состоит или сложена, естественно, присоединяет σὺν или μετὰ: то предмет остается так, как был, т. е. один по сложению и не разлагается раздельно на два. А когда говорится σὺν или μετὰ об ипостасях, прежде разделенных на две и притом так, что каждую должно разумеать отдельно и особо: в таком случае, говорим, указывается на два или даже более, а не на одно по сложению. Если бы например мы сказали, положим, что душа человека сопочитается с своим телом, когда бы т. е. кто-нибудь стал почитать одного человека, который состоит из двух, т. е.

если кто говорит, что душа есть одно живое (существо) с своим телом: то конечно не разделяет одного человека на двух, но лучше оказывается знающим то, из чего он состоит или сложен естественно. Когда же я говорю, что Петр и Иоанн соназываются (σὺν) человеками, или еще, что с Петром (μετὰ) и Иоанн вошел в храм: то σὺν или и μετὰ уже не указывает на одно что-нибудь, потому что Петр не сложен с Иоанном и оба не входят в состав одного человека. Для чего же они извращают истину, безумно разделяя одного на двоих Христов? Если же думают, будто мы, говоря, что Сын соседит с своим телом Отцу, учили разуместь двух сынов: то пусть исследуют, не говорили ли мы, что один Сын почтен одним соседением, а не двумя, так чтоб одно и особое было приписано телу, а другое и опять особое – Слову. Но этого они не могли бы указать: ибо каким образом, или откуда? Мы утверждаем, что должно почитать одним соседением с Отцом Сына с Его плотию, одного и того же Бога и вместе человека. А говорить, что человек сопокланяется с Богом и соназывается Богом, совершенно тоже, что исповедовать двух покланяемых или даже соназываемых друг с другом. Но такая речь весьма глупая и совершенно чуждая правоты и истины мыслей. Итак анафематство составлено против тех, которые каким бы то ни было образом разделяют Еммануила на человека отдельно и на Бога Слово отдельно; потому что одного и того же проповедует нам слово богословов и непогрешительное разумение св. Писания.

Анафематство 9-е

Кто говорит, что единый Господь Иисус Христос прославлен Духом в том смысле, что пользовался чрез Него как бы чуждою силою, и от Него получил силу побеждать нечистых духов и совершать в людях божественные знамения, а не почитает собственным Его Духом, чрез которого Он совершал чудеса: да будет анафема.

Возражение восточных

Опять хорошо вывести на середину сказанное им¹¹ давно и напомнить ему, вероятно, забытые им свои слова; потому что не только утверждал, что Господь совершал чудеса Духом, но что и Сам, когда умер, оживотворен Духом, о чем говорит в первом томе: „итак если не претерпел смерти по плоти, как написано, то и не оживотворен Духом“. Здесь должно заметить его противоречие с самим собою: в своих анафематствах он отрицает, что Господь Духом Божиим изгонял демонов и творил другие чудеса, и отвергает написанные в евангелиях слова Господа: *аще ли же Аз о Дусе Божии изгоню бесы* (Матф. 12, 28). Но мы исповедуем, что Господь наш Иисус Христос совершал чудеса и своею силою и действием Духа; но не потому впрочем пользовался Силою св. Духа, что бы не имел своей силы. А говорить, что Дух Святой не присутствовал (при чудесах), свойственно, как я думаю, только тем, которые отвергают божественное Писание. Ибо хотя божественное Писание говорит, что Отец совершал дела чудес, о чем говорится: *Отец во Мне пребываяй, той творит дела, яже Аз творю* (Иоан. 14, 10, 12), впрочем сам Сын совершает все дела Отца; и хотя говорится, что Дух совершает дела Сына, о чем сказано: *аще ли же Аз о Дусе Божии изгоню бесы* (Матф. 12, 28), но сам Господь совершает их Духом: потому что Сын не отчужден от Отца или Духа, и неразграничены и нераздельны действия Троицы, но действие, приписываемое в Писании той или другой ипостаси, есть собственное (действие всей) Троицы. Например Писание все творение иногда называет делом Сына, говоря: *Словом Господним небеса утвердишася*, а иногда – Духа, присовокупляя: *и Духом уст его вся сила их* (Пс. 32, 6). Ибо не потому, что бы Отец не мог сделать всего, делает и Сын, и опять не потому, что бы Сын бессилен был для творения, присоединяется и Дух, потому что истинно сказано: *вся тем быта* (Иоан. 1, 3); но чтобы показать нам, что Троица единосущна и равночестна и равносильна, говорится об одном и том же иногда, что сделано Отцом, иногда – Сыном, иногда – Святым Духом. Так мы думаем, что все основывается на одной божественной сущности: потому что как Слово, – существенный и ипостасный Единородный, родился от нее бесстрастно, так и

Дух, от нее же исходящий, существует в собственной ипостаси, так что одна сущность выражается в трех ипостасях, и ни одна из них не может быть рассматриваема отчужденною в отношении к сущности, а может быть понимаема в одних отличительных свойствах, отделяющих их друг от друга. Итак каким образом будет отдельное действие у тех, у которых и сущность одна, и сила, и воля? Потому что у кого это обще, без сомнения и действие одно.

Защитение Кирилла

Неужели нужен будет мне голос свидетелей для того, чтобы показать, что противники хотят пустословить и безрассудно употребляют клевету против нас? Думаю, что это докажет и одна речь их. Ибо хотя в предложенном анафематстве мы ясно утверждали, что Дух Святой есть собственный Сыну и что чрез Него последний совершал божественные знамения: однакож часто утверждающие, что я забыл свои собственные слова, сами доходят до такой глупости и даже безумия, что думают, будто я говорю, что Иисус не чрез Духа изгонял бесов. Не явная ли это клевета? Если они не удостаивают почитать изгнание бесов одним из видов божественных знамений: пусть говорят, что хотят, пусть заводят тяжбу со мной, пусть обвиняют, что я не сказал этого ясно, умолчавши о божественных знамениях. Если же и изгнание бесов вместе с другими есть вид божественных знамений, достойный удивления: то почему незнающие умеренности в речах, как бесполезной, и избегающие говорить истину, как занятия постыдного, пустили в ход против нас суесловие и сочли неважным дело столько ненавистное у Бога и у людей? Но, кажется мне, забыли они слова Христовы: *како речеши брату твоему: брате, остави, да изму сучец из очесе твоего: и се бервно во оце твоем? Лицемере, изми первее бервно из очесе твоего: и тогда узриши изъяти сучец из очесе брата твоего* (Матф. 7, 4, 5). Что святая Троица единосущна, равносильна и равнодействительна, мы узнали не из ваших слов, а лучше научены богодухновенным Писанием; а что предложенное анафематство никоим образом не противоречит словам правой веры, а напротив приносит пользу, это без труда

можно видеть. Ибо оно разделяющим одного Господа Иисуса Христа и разлагающим Его, как уже много раз говорили мы, на человека отдельно и на Бога-Слово отдельно, так что представляются два лица и две ипостаси, отделенные друг от друга, – таким не позволяет делать это; и не дозволяет говорить, что в Иисусе Дух действовал, как в одном из обыкновенных людей, для того т. е., чтоб Он мог совершать божественные знамения; иначе Он ничем не отличался бы от святых апостолов или пророков, которые, по благодати свыше наделенные божественными дарами, справедливо могли говорить: *благодатию Божиею есмы, еже есмы* (I Кор. 15, 10). Но к святым мужам, на которых нисходит раздаяние даров от Бога, очень идет такая речь; ко Христу же – никак; потому что Св. Дух собственный Его, также как и Бога Отца; и как Отец действует чрез Духа, так и Он. И хотя Он говорит иудеям: *многа добра дела явих вам от Отца моего* (Иоан. 10, 32), и: *о себе не глаголю, Отец же во Мне пребываяй, той творит дела* (14, 10); но также говорит: *еще ли Аз о Дусе Божиим изгоню бесы*, – приписывая действие чрез Духа Себе и Отцу по причине тождества существа. И много и обширно можно было бы говорить об этом; но желающие должны, я думаю, в свободное время распространять свою речь. Итак мы говорим, что в Еммануиле Дух действовал не как чуждою (Ему) силою, но что напротив Он божественно употреблял ее и имел собственную силу единосущного Духа. Блаженные ученики, совершая чудеса, говорили: *мужие, на ны что взираете, яко своею ли силою или благочестием сотворихом ходити сидящего у красных врат хромого* (Деян. 3, 12)? но у Христа Дух собственный Его. Желаящим же низвращать наши слова скажем вот что: если их умам нравится разделять неразделимого и говорить, что Дух действовал в Иисусе, как в обыкновенном человеке, то и не следует много говорить с теми, которые настроены таким образом. Если же они исповедуют, что один Христос и Сын и Господь, тот же самый Бог и вместе человек: то пусть веруют с нами, что сила Св. Духа действует в Нем не как высшая Его и чуждая, но что напротив Он сам совершает божественные знамения Духом, как собственным, в котором и вся сила

сотворенного (Псал. 32, 6). Таким образом замолчат напрасно издевающиеся над нами и изощряющие на нас зубы ненависти.

Анафематство 10-е

Божественное Писание говорит, что Христос был святителем и посланником нашего исповедания (Евр. 3, 1), что Он принес Себя за нас в воню благоухания Богу и Отцу (Ефес. 5, 2). Итак, если кто говорит, что святителем и посланником нашим было не само Слово Бога Отца, когда стало плотию и подобным нам человеком, а как бы другой некто, отличный от Него, человек, произшедший от жены; или кто говорит, что Он принес Себя в приношение и за самого Себя, а не за нас только одних, так как, не зная греха, Он не имел нужды в приношении (за Себя): да будет анафема.

Возражение восточных

Если Бог Слово есть архиерей, то какому своему Богу Он приносит свои службы? Но забыл он¹² слова блаженного Павла: *не имамы бо архиереа не могуща спострадати немощем нашим, но искушена по всяческим по подобию разве греха* (Евр. 4, 15). Кто же этот искушенный? Бог Слово или человеческое естество – семя Давидово? И еще: *никтоже сам себе приемлет честь, но званный от Бога, якоже и Аарон. Тако и Христос не себе прослави быти первосвященника* (5, 4, 5). Итак кто же сравнивается по достоинству священства с Аароном и, подобно ему, не от себя приемлет эту честь, но призывается Богом и восходит на степень священства? Божественное ли естество, совечное Отцу, имеющее все собственным, что имеет Отец? На какое достоинство, высшее его, оно восходит? И неужели скажем, что достойнее божественного естества то священство, на которое оно не само собою, но призванное от Бога возшло и чрез которое прославилось? Или это от семени Давидова бывшее и предопределенное (естество), которому и клялся Бог, по псалмопевцу, дать священство на веки: *ибо, клятся, говорит, Господь, и не раскается: ты иерей во век, по чину*

Мелхиседекову (Псал. 109, 4)? Неужели божество Единородного принимало от Бога клятвенные обещания, что оно получит священство на веки и чрез него прославится? И кто стерпит, чтобы мы так говорили или думали, и кто не зазрит, если будем утверждать, что Бог рукополагается в архиерея и принимает клятвенные обещания, что Он будет призван к достоинству священства, и не сам собою принимает такую честь, но призывается к ней, сравнивается с первым принявшим священство? И опять говорит, как и в другом месте: *ты иерей во век по чину Мелхиседекову* (там же). И кто опять сравнен по священству с Мелхиседеком? Неужели можно думать это о самом Боге, или о занятой от нас плоти, соединенной с Ним нераздельно и связанной неслиянно? И опять говорится: *уже во днях плоти своя, моления же и молитвы к могущему спасти его от смерти, с воплем крепким и со слезами* (принес и услышан быв от благоговейства) (Евр. 5, 7). Неужели это Бог Слово приносил молитвы и моления и (притом) с воплем крепким и со слезами к кому-то могущему спасти Его, услышан был за благоговение и научился послушанию чрез то, что претерпел? Итак если Бог Слово архиерей, то Он же и учился и усовершенся чрез то, что претерпел. Но пусть не смущается сердце ваше, слушая о пострадавшем: *аще и Сын быше* (Евр. 5, 8); ибо мы не полагаем двух сынов, – одного страждущего, а другого остающегося бесстрастным. Бывший от семени Давидова не особо и не раздельно от божества назван Сыном, как и божество после соединения называется Сыном не без видимой плоти. Сыновство после соединения одно у той и другой природы, так как они нераздельны одна от другой; после соединения не было разделения; потому что соединение остается вечным. Даже в страданиях плоти божество было неотдельно, оставаясь бесстрастным, и совершало чрез плоть богоприличное. Посему исповедуем одного и того же Сына, хотя природы оставались неслитными не говорим об одном и другом, – да не будет, – но об одном и том же. Итак всякий будет исповедовать, что архиереем и апостолом нашим соделался, по божественному Писанию, Господь наш Иисус Христос, а не человек от жены, отделенный особо от Слова Бога Отца; так что

естество, бывшее от семени Давидова и соединенное неслитно, несказанно и нераздельно с Словом Отца, есть архиерей, искушенный по всяческим кроме греха и от своих страданий научившийся послушанию, принесший же свою плоть (в жертву) Богу и Отцу не за себя, но за одних нас. Ибо не станем говорить неразумно, что Бог Слово есть архиерей, принесший себя Богу и Отцу; потому что Отец не есть Бог божества Единородного, но Отец.

Защитение Кирилла

Опять благовременно скажем нашим противникам: *доколе вы храмлете на обе плесне ваши (3Цар. 18, 21)?* Вам должно иметь здравый и правый ум для надлежащего познания правоты догматов, а не храмлющий двоедушием, не зараженный великим бессилием и не могущий попасть на правый путь: ибо *муж двоедушен неустроен во всех путех своих и ничего не примет от Бога (Иак. 1, 8, 7).* Это я говорю от великого удивления, что противники хотят так бесстыдно и безрассудно порицать и теперь предложенное анафематство. И нет ничего странного, что они не хотят называть апостолом и архиереем нашего исповедания Слово Бога Отца, когда Оно соделалось человеком: потому что как же не отвергнут и способов домостроительства те, которые стараются всецело низвергнуть рождение Его по плоти и дерзают отвергать его как неистинное, и не соглашаются называть святую Деву Богородицею? Поэтому пусть выслушают слова Исаии: *еще не уверите, ниже имате разумети (Иса. 7, 9).* Ибо хотя богодухновенный евангелист Иоанн прогремел для поднебесных нечто великое и необычайное, говоря: *Слово плоть бысть (Иоан. 1, 14);* но скрадывающие силу истины говорят, что Оно в том же смысле соделалось плотию, в каком – клятвою и грехом (Гал. 3, 14, 2Кор. 5, 21). И хотя мы прежде говорили уже об этом достаточно для того, чтобы показать их речи лживыми и пустыми; но и в настоящее время скажем против клеветников вот что: научитесь слушать, маломыслящие, допустите основание таинства во Христе, первые начала домостроительства и самую, так сказать исходную точку; веруйте с нами, а более священному Писанию

веруйте; дайте же, дайте голос истины, исповедуя, что само единокровное Слово Божие, сущее в лоне Отца, чрез которое все сотворено и в котором все, соделалось плотию, не потерпевши превращения или смешения, но будучи всегда по своей природе тем, чем было, и есть, и будет. Соделалось же плотию, принявши рождение от святой Девы, говорю по плоти, и назвалось сыном человеческим и, подобно нам, соделалось причастным крови и плоти. Кто так думает и содержит такую досточтимую и истиннейшую веру, тому все потом является доступным и ясным, и ничто – недоступным и трудным; потому что написано: *вся права разумевающим, и права обретающим разум* (Притч. 8, 9). Должно же, думаю, и теперь сказать причину, по которой составлено анафематство. Несторий, все ниспровергший, все смешавший вверху и внизу, сказал нечто такое о Спасителе всех нас Христе: „послан возвестить пленным отпущение, сей соделавшийся верным Богу первосвященником; ибо Он соделался, а не вечно был; он мало помалу возвышен (о еретик!) до степени первосвященника». К этому присовокупил он и многое другое, поражающее одинаковое нечестие. Итак кто бы, выслушав такие постыдные слова, захотел все сносить или избрал ненавистное Богу молчание? Христос умер за нас, презревши позор, претерпел крест и смерть по плоти: мы ли после этого не возблагодарим от сердца (хотя) словами нашего благодетеля, но будем сидеть спокойно, слыша такие гнусные хулы или даже, может быть, участвуя в вине злохуления против Него? Увы, что ты говоришь: „достиг постепенно первосвященства“?! Но Слово истощило Себя, будучи Богом; свободное по природе приняло образ раба, высшее всего сотворенного и сияющее славою божества смирило себя. Если же Оно преуспевало, то каким образом истощено или как снизошло до уничижения? Не самое ли уничижение служило Ему к чести и славе, скажет кто-нибудь? После сего какое место будет иметь истощение? Но подлинно, говорит, если само Слово Бога Отца соделалось архиереем, то кто бóльший Его и пред кем совершало Оно священное служение? Итак опять скажу нечто: веруй, что хотя, будучи Богом по существу и Сыном в образе Отца, Оно не считало

хищением быть равным Богу, но истощило Себя, принявши образ раба. Если же соделалось человеком и приняло образ раба, то как будет почитать низким и несообразным с условиями домостроительства называться апостолом и архиереем? и не презревшее меру нашего человечества, как отвергнет человеческое? И конечно вовсе нетрудно было бы и больше сказать и гораздо длиннее сделать рассуждение об этом; но отлагая это до случая, приведу слова их самих. Они написали так: „*пусть не смущается сердце ваше, слушая о пострадавшем: аще и Сын бже (Евр. 5, 8); ибо мы не полагаем двух сынов, – одного страждущего, а другого остающегося бесстрастным. Бывший от семени Давидова не особо и не отдельно от божества назван Сыном, как и божество после соединения называется Сыном не без видимой плоти“; и еще: „*посему исповедуем одного и того же Сына, хотя природы оставались неслитными; не говорим об одном и другом, – да не будет, – но об одном и том же. Итак всякий будет исповедовать, что архиереем и апостолом нашим соделался, по божественному Писанию, Господь наш Иисус Христос, а не человек от жены, отделенный особо от Слова Бога Отца*“. Итак, если они говорят об одном Сыне, никоим образом не разделяют на двух – одного от семени Давидова, а другого – Слово Бога Отца: то как же не делают они преступления против таинства, когда разделяют домостроительство между Богом и человеком? а не говорят напротив, что один и тот же есть Бог и человек, которому принадлежит все, и богоприличное и человеческое? Потому что, когда говорится о Нем что-нибудь самое богоприличное, мы говорим, что это совершенно верно и истинно, потому что знаем, что Он Бог; если будет сказано что-нибудь и человеческое, допустим и это, ибо исповедуем, что Оно есть Бог во плоти и крови и чрез человеческое познаем меру человечества; потому что тысячи тысяч святых ангелов служат Ему и серафимы окружают божественный престол Его. А когда Слово соделалось человеком, то назвалось и архиереем, не так, что бы большему Богу приносило службы, но так, что Себе самому и Отцу священнодействует исповедание нашей веры. Ты краснеешь, слыша, что назвалось иереем по причине*

человечества? После сего как ты не удивился, что не пред другим, по обычаю иереев, совершает Он дело служения, но напротив пред Собой самим и пред Отцом, как сказал я? Когда говоришь ты, что недостойно Бога совершать служение, согласен и я; но если бы Слово было одно и без плоти, ты говорил бы правду; а как Оно соделалось человеком, то смотри на Него, как на совершающего служение по причине человечества, и как на Бога, высшего твари по достоинствам, потому что соседит Богу и Отцу. Итак смотри на Него, как на священнодействующего по человечеству и как на соседящего по божеству. Ибо что говорит блаженный Павел? *Такова имамы первосвященника, иже седе одесную престола величества на небесех* (Евр. 8, 1). Итак зная, что сущий Бог соделался человеком, а есть один и тот же Сын, все приписываем Ему, как одному, и не будем не знать способов домостроительства, всегда искусно и благоразумно обращая силу мыслей в послушание Ему.

Анафематство 11-е

Если кто не исповедует плоть Господа животворящую и собственно принадлежащую самому Слову Бога Отца, по принадлежащую какъбы другому кому, отличному от Него, и соединенному с Ним по достоинству, то есть, приобретшему только божественное (в себе) обитание, а не исповедует, как мы сказали, плоть его животворящего, так как она стала собственной Слову, могущему все животворить: да будет анафема.

Возражение восточных

Хорошо исповедовать, что господственная плоть Слова чрез соединение соделалась Его собственной, но разумея однакож, что она заимствована от нас. Присовокупление же: «а не другому кому, отличному от Него», излишне, если только не отвергает, что она заимствована от нас. Ибо постоянно называть ее собственной, свойственно (только) отвергающему, что Господня плоть нашей природы. И где же прославление

наше, по которому, говорит Павел, совоскресил и спосадил нас (Ефес. 2, 6)? И плоть каждого (из нас) какому другому человеку принадлежит? Не всякий ли из нас имеет общую с каждым плоть в смысле единосущества, собственную же (в том смысле), что плоть каждого не есть (плоть) другого, а одного того, которого есть плоть? Итак что хочет он сказать словом собственная, как будто говорит что-то другое? Если он понимает, что владычня плоть взята из нашей, понимает же, что она, как и плоть каждого, принадлежит ему, а не другому, то не странно ли, когда говорит, что она собственная? Или, вероятно, прикровенно отвергает, что она взята от нашего естества, как яснее учит в первом своем томе: „и младенец, говорит, был не как мы, т. е. не в чистом и совершенном подобии нам, но – в человечестве чрез плоть, и божественный, так как выше нас и с неба“; и еще во втором томе так говорит: «тело было не другого кого-либо подобного нам, но напротив собственное Слова Бога Отца, от нея рожденное». Кто же когда говорил, что плоть Господня была другого кого-либо из бывших от века людей, например Авелева, Ноева, или Илиина, или кого-нибудь другого из бывших от века людей? Но не только о владычней плоти утверждаем, что не была другого кого-нибудь из бывших от века людей, а собственная одного только самого Господа, неслиянно и нераздельно соединенная с Богом Словом; но что плоть каждого из нас, как сказали, никогда ее есть плоть другого кого-либо, кроме того, которого есть плоть. Если таким образом исповедуют все сыны Церкви, то что хочет он сказать, постоянно называя ее собственной, как не то, вероятно, что отвергает в ней нашу природу? Как же он запрещает называть ее соединенною с Ним по достоинству и власти, когда сам говорит в первом томе: «таким образом и мы нищетою Его обогащены, так как в Нем человеческое естество возвышено в богоприличное достоинство»? Но мы скажем ему, противоречащему и самому себе: итак если природы пребывают неслитными, то остается и соединение; но мы говорим, что поклонение, и силу, и достоинство, и власть достойно приписывать Ему как одному Сыну, потому что природы остаются неслитными в соединении. Если остается что-нибудь

иное, чтб точнее выражает соединение, то уступим и согласимся, кроме слияния природ. Но ясно, что ему ничего не остается для выражения совершенства соединения, кроме того, чтобы слать природы. А мы будем сохранять природы неслиянными и исповедуем совершеннейшее, божественное и непостижимое для нас соединение, все принося в славословие (Ему) как Богу и одному Сыну и говоря Ему слова блаженного Петра: *ты еси Христос Сын Бога живаго* (Матф. 16, 16).

Защитение Кирилла

Изощрялись некогда к беззаконной ненависти несчастные иудеи, уязвившие ум стрелами зависти. А как к тому и нечестивые руки поднимали на Христа Спасителя всех нас, то Он требовал от них сказать причины таких дерзостей, говоря: *многа добра дела явих вам от Отца моего: за кое их дело каменеие мещете на Мя* (Иоан. 10, 32)? Но они дошли до такого безумия и вместе нечестия в мыслях, что старались возвести на Него хульные обвинения; ибо говорили: *о добре деле каменеие не мещем на тя, но о хуле, яко ты человек сый, твориши себе Бога* (ст. 33). Спаситель же сказал им: *несть ли писано в законе вашем: Аз рех, бози есте* (Псал. 81, 6)? *Аще оных рече богов, к ним же слово Божие бысть, и не может разоритися Писание; Его же Отец освяти и посла в мир, вы глаголете, яко хулу глаголеши, зане рех, Сын Божий есмь* (ст. 34–36). Мы же, исследуя образ послания, о котором говорится здесь, от священного Писания собираем знание об нем. Итак Он сам говорит словами Исаии: *Дух Господень на мне, его же ради помаза мя благовестити нищим, посла мя, проповедати плененным отпущение, и слепым прозрение* (Лук. 4, 11. сн. Иса. 61,1). Послан же, говорим, Сын от Отца, соделавшись человеком; и послано, как я сказал, не простое и бесплотное Слово Бога Отца, но лучше восприявшее рождение по плоти, т. е, взявшее тело от святой Девы и соединившее его с собою несказанно и неслитно, как часто говорили мы: *Бог Господь, и явился нам, по Писанию* (Псал. 117, 27). Итак, говорим, тело соделалось собственным Слова, а не человека какого-нибудь особо и отдельно, не иного, кроме Него, понимаемого Христа

и Сына. Как тело каждого из нас называется собственным, потому что есть отдельно – его: так должно думать и об едином Христе; ибо хотя Его тело сродно нашим телам, т. е. одинакового существа, потому что родилось от Девы, но разумеется и называется, как я сказал, собственным Его. А как Слово Бога Отца есть жизнь по природе, то и тело свое соделало животворным; поэтому оно сделалось для нас животворящим благословением. Поэтому Христос говорил: *аминь аминь глаголю вам: Аз есмь хлеб животный, иже сшедый с небесе, и даяй живот миру (Иоан. 6, 47, 48. 51, 53);* и еще: *и хлеб, его же Аз дам, плоть моя есть за живот мира (51);* и еще: *ядый мою плоть, и пияй мою кровь, во мне пребывает, и Аз в нем (ст. 56).* Итак смотри, как везде тело от жены называет своим, по причине совершеннейшего соединения. Между тем как таинство имеет такой смысл, Несторий в своей проповеди опять говорит: „итак слушайте, вникая в слова: *ядый, говорит, мою плоть.* Помните, что речь идет о плоти, и что не от меня прибавлено имя плоти, чтобы не показаться им неправильно изъясняющим: *ядый мою плоть, и пияй мою кровь.* Ведь не сказал: *ядый мое божество и пияй мое божество? Ядый мою плоть, говорит, и пияй мою кровь, во Мне пребывает, и Аз в нем.* Помните, что это сказано о плоти. Но я никогда не толкую превратно; послушаем, что дальше: *якоже посла Мя живой Отец (ст. 57).* Он¹³ говорит о божестве, я о человечестве. Посмотрим, кто превратно толкует: *якоже посла мя живой отец.* Еретик разумеет здесь божество. Но говорит ли Он, что послал Меня Бога Слово живой Отец, как они думают, и Я Бог Слово живу Отца ради“? Потом после сего: „и опять: *ядый Мя и той жив будет. Что ядим, – божество или человечество“?* Но о такой нелепой и безрассудной его болтовне с нашей стороны была уже длинная речь. Что же он хочет разуметь, говоря, что послан не Бог Слово, воплотившийся и вочеловечившийся, и полагая видимое отдельно и особо, как видно из его слов, – я не буду говорить, но сам собою очевиден софизм. Ибо он разрушает образ соединения для того, чтобы тело Христово оказалось обыкновенным, а не принадлежащим Тому, кто истинно может

все животворить. Без сомнения, все человеческое ничтожно для Бога Слова; но как Он благоволил ради нас воспринять спасительное для мира истощение, то хотя говорится, что послан проповедовать пленным свободу и слепым прозрение, но более прославляется, как понесший промыслительное уничтожение во плоти; и никто, думаю, из благомыслящих не станет отвергать, что Он ради нас смирил себя в подобии нам. Или же утверждающий, что видимый есть другой некий Сын и Христос, отличный от Бога Слова, которому одному и припишет дело посольства, не объясняет нашего таинства тела и крови (ἀνθρώποφαυία), нечестиво приводя ум верующих к ложным мыслям и стараясь обнять человеческим рассуждением то, что приемлется одной неиспытующей верой. Ибо, так как природа божества не вкушается, никто не скажет поэтому, что святое тело Христа обыкновенное. Но должно знать, что тело, как выше мы сказали, есть собственное Слова, все животворящего; а как оно есть тело жизни, то (и само) животворяще; ибо поэтому сообщает жизнь нашим смертным телам и упраздняет владычество смерти. Равным образом оживотворяет нас и Дух Христа: потому что *Дух есть, иже оживляет*, по словам самого Спасителя (Иоан. 6, 63). А чтобы не казалось, что я один называю тело Слова собственным, нет ничего трудного привести и мнения святых отцов, чтоб видели противники, как напрасно кричат против нас, повсюду следующих их словам. Итак всеславный отец наш и епископ Афанасий в слове о Троице говорит: „и показывал, что не призрачно, но истинно имел тело; ибо прилично Господу, облекшемся в человеческую плоть, принять ее всецело с свойственными ей страданиями, дабы, как говорим, что тело Его было собственное, так (можно было) сказать, что и самые страдания тела были только Его собственные, хотя и не касались божества Его“; и еще: „по необходимости прежде мы исследовали это, чтобы, если видим Его действующим божественным образом чрез свое тело, как орудие, или говорящим, знали бы что сущий Бог это делает“. Вот что (говорит) блаженный отец наш Афанасий. Впрочем хотя тело называется собственным Слова, однакож оно от жены и сродно нашим, поскольку оно разумеется, как плоть. И хотя

блаженный Павел говорит: *первый человек перстен, второй с небесе (1Кор. 15, 47)*; сам же Христос говорит: *никтоже взыде на небо, токмо сшедый с небесе Сын человеческий (Иоан. 3, 13)*: но мы утверждаем, что этими словами не выражается того, будто Слово с неба принесло тело соединенное с Ним. А как Оно, будучи само свыше и с неба, соделало собственным тело, соединенное с Ним неизреченно, непостижимо, без превращения и слияния: то в этом смысле и говорит о Себе, что Оно с неба, и тогда, когда соделалось Сыном человеческим. Итак, если право и непорочно наше слово, то желающие противоречить нам какой будут иметь предлог к возражениям против нас, когда анафематство опровергает хулы чьи бы то ни было, лжи противопоставляя истину? Думаю же, что я никоим образом не погрешил в истине, когда сказал о Христе, что Он выше нас. Ибо хотя Слово Божие и соделалось человеком, но и при этом выше не только нас одних, но и всей твари: потому что не только разумеется человеком и подобным нам, но (и при этом) есть сам Бог свыше и с неба.

Анафематство 12-е

Кто не исповедует Бога Слова пострадавшим плотию, распятым плотию, принявшим смерть плотию и наконец ставшим первородным из мертвых, так как Он есть жизнь и животворящий, как Бог: да будет анафема.

Возражение восточных

Опять напомним ему здесь его собственные слова, как он называет божественную природу совершенно бесстрастной, говоря в первом своем томе так: „итак единый достойнейший всех положил за всех душу свою; и промыслительно благоволил низвести на краткое время до смерти плоть (свою) и опять уничтожил силу смерти, как жизнь, не будучи в состоянии терпеть то, что противно Его природе“. Итак скажем ему, противоречащему самому себе: как же благоволивший низвести на краткое время до смерти плоть и, как жизнь, уничтоживший силу смерти, не бывший в состоянии терпеть то, что противно

Его природе, как теперь, по твоему, страдает чрез плоть? Но не страдал соединенный с плотию Бог, а плоть, соединенная с Богом. Словом, по Его благоснисхождению претерпела свойственное ей; ибо если бы Он не соблаговолил, не допустил бы ни страдания, ни смерти. Если не бывает смерти, когда присутствует (еще) душа: то каким образом, когда присутствует Бог, и не просто только присутствует, но и соединен некоторым совершеннейшим и Ему одному понятным соединением, каким образом страдание и смерть возобладали Его храмом без Его благоизволения? Но не божество, соединенное с плотию, страдало, а плоть, по Его благоизволению, претерпела свойственное ей. Но что у него¹⁴ с злым намерением положено выражение „пострадало плотию», для обольщения простодушных, ясно отсюда: кто сказал „пострадало плотию», тот не сохранил у божественной природы бесстрастия, – сказал не что иное, как то, что пострадал (Божий Сын, но только) с плотию. Если же пострадал с плотию, то исповедуется страстным: Он пострадал или как имеющий способность страдать, или вопреки природе. И если пострадал по природе, то и Отец, единосущный Сыну, будет страстным; потому что совершенно необходимо приписывать родившему все, что приписывается рожденному. Или будем исповедовать, что Он пострадал, как имеющий способность страдать, а Отец не имеет способности к страданию. Но так говоря, сойдемся с еретиками, которые утверждают, что божество едиnorodного Сына страстно, а божество Отца неспособно к страданию, потому что, говорят, оно другой сущности. Если же скажут, что Он пострадал вопреки природе, скажем: какое же страдание сильнее божественного естества, так что подвергает страданию бесстрастное по природе вопреки природе? Но говорит: Его воля. А мы скажем: Его воля бесстрастна; мы же ищем страдания, которое переводит бесстрастное естество в состояние страдательности. Притом и божественная воля желает того, что ей прилично. А что, говорит, приличнее, как не спасти род человеческий? Но каким образом имел быть спасен род человеческий, сам переходя в бесстрастие, а божественное и бесстрастное естество вовлекая в страдание? Конечно,

страстное естество, как сильнейшее, сообщило бесстрастному свою способность к страданию. И какая польза страстному, если и бесстрастное сделалось страстным? А спасение страдательного не (есть) общение с ним бесстрастного в страданиях; ибо это скорее возрастание зла, а не уничтожение, потому что от подобного другое не уничтожается, но возрастает. Итак какое спасение страдательного? Как сказали, не общение с ним бесстрастного, но возведение его к бесстрастному. Это и сделал Владыка Христос, не сам низведенный в страдание, но все человечество чрез святую плоть поднявший на высоту, и лежавшее долу возведший на небеса, и прежде лишенное свободы удостоивший сыноположения. Кто же, без сомнения, был должником смерти от непослушания? Конечно, человеческое естество, а не божественное. Итак какую прилично было разрушить смерть от непослушания?

Защитение Кирилла

Поистине достойна удивления сила истины: опыт свидетель этому. Немного нужно будет говорить мне в защитение или для убеждения (т. е. в противном) оболыщенных, которые думают, будто мы говорим, что божественная природа Слова страдательная: потому что противники раз уж были побеждены и добровольно сознались, и очень ясно, как мало мы заслуживаем их обвинения в этом. Но как неразумно делая для своего удовольствия положение, которое не нуждается в доказательствах, и пользуясь острыми изворотами мыслей, стараются показать силу возможного для них остроумия и очень усиливаются доказать, что Слово Божие по своей природе бесстрастно: то пусть выслушают от нас, что напрасно сражаются, когда им никто не противоречит, и бьют воздух, когда никто не думает противного. Итак для чего же напрасно потеют и расширяют бесполезное? Кто так безрассуден, чтобы считать страстную природу, которая выше всех, и дерзать низводить до немощи страданий то, что выше всего сотворенного и бестелесно? Но как смысл таинства тот, что единородный Сын Божий по природе сделался человеком от жены по промыслению, и мы утверждаем, что святое тело,

принятое от блаженной Девы Марии, есть Его собственное: по этой причине и весьма справедливо говорим, что страдания плоти называются Его страданиями по промыслительному усвоению, повсюду оставляя за Его природой бесстрашие, потому что Он есть Бог от Бога. Итак когда говорится, что Он страдал плотию, не сам, разумеется, страдал в своей природе, по которой есть Бог, но лучше усвоил себе страдание. Ибо соединенное с Ним тело соделалось Его телом, как недавно сказал я; потому и богодухновенный Павел называет перворожденным из мертвых того самого, чрез которого все и в котором все сотворил Отец. Пишет же так: *благодаряще Бога и Отца призвавшего вас в причастие наследия святых во свете: иже избави нас от власти темные, и престави в царство Сына любви своей, о нем же имамы (избавление кровию его и) оставление грехов: иже есть образ Бога невидимого, перворожден всея твари: яко тем создана быша всяческая, яже на небеси, и яже на земли, видимая и невидимая, аще престолы, аще господствия, аще начала, аще власти: всяческая тем и о нем создашася: и той есть прежде всех и всяческая в нем: состоятся: и той ест глава телу церкви, иже есть начаток, перворожден из мертвых, яко да будет во всех той первенствуя: яко в нем благоизволи всему исполнению (божества) вселитися (телесне): и тем примирити всяческая к себе, умиротворив кровию креста его, (чрез него), аще земная, аще ли небесная (Кол. 1, 12–20).* Смотри же, как, говоря, что все чрез Него сотворено, видимое и невидимое, престолы и власти, говорит, что Он дан во главу Церкви, и утверждает, что Он сделался перворожденным из мертвых, и что все чрез Него примирено с Ним (Отцом) и умиротворено кровию креста Его, как земное, так и небесное. Итак кто и после этого усомнится и будет напрасно бояться, будто слово таинства представляет естество Сына страдательным, когда говорится, что Он пострадал плотию? Ибо Он усволяет себе, как я сказал, страдания своего тела. Так мудрствовать угодно было и богодухновенному Петру, который говорит: *Христу убо пострадавшему за ны плотию (1Петр. 4, 1).* Но иное дело сказать: пострадал плотию, и иное также сказать, пострадал

божественным естеством. Ибо как Он есть Бог и вместе человек, бесстрастный в отношении к божественной природе, а по человечеству страстный: то что неуместного, если говорится, что страдало, о том, что по природе способно страдать, и что пребывало бесстрастным незнающее страдания? А что такую же верую сиял и лик святых отцов, узнаем из того, что они написали, соблюдая заповедь Спасителя; потому что помнили говорящего: *туне приясте, туне дадите* (Матф. 10, 8).

Григорий, епископ нисский

Сие бо, говорит, да мудрствуется в вас, еже и во Христе Иисусе: иже во образе Божии сый, не восхищением непщева быти равен Богу: но себе умалил, зрак раба приим (Филип. 2, 5, 6). Что уничиженнее для Бога образа раба? Что уничиженнее для царя вселенной, как добровольно сойти до причастия нашей бедной природы? Царь царствующих и Господь господствующих облекается в образ раба; Судия всех подчиняется властям; Господь твари в вертепе находит приют; все содержащий дланию не находит места в гостиннице, но полагается в яслях бессловесных; чистый и неповрежденный не отвергает нечистоты человеческой природы и, прошедши всю бедность нашу, доходит до вкушения самой смерти. Вникните в меру добровольной нищеты! Жизнь вкушает смерть; Судию ведут на судилище; Господь всего живущего подвергается приговору судьи; Царь всей вышешмирной силы не уклоняется от рук рабов. В этом, говорит, пусть усмотрит пример мера (твоего) смирения.

Василий, епископ кесарийский

Небо, и земля, и пространства морей, и живущие в водах, и земноводные животные, и растения, и звезды, и воздух, и времена года, и разнообразное украшение всей вселенной, не представляют того величия могущества, какое выражается в бесстрастном сопряжении чрез плоть со смертью бесконечного Бога, для того, чтобы даровать нам своим страданием бесстрастие.

Афанасий, епископ александрийский

Он (Христос) показывал, что не призрачно, но истинно имел тело; ибо прилично было Господу, облекшемуся в человеческую плоть, принять ее всецело, с свойственными ей страданиями, дабы, как говорим, что тело Его было собственное, так (можно было) сказать, что и самые страдания тела были именно Его, хотя и не касались божества Его. А если тело другого, то и страдания назывались бы страданиями этого (другого). Если же плоть – Слова, потому что *Слово плоть бысть* (Иоан. 1, 14), то необходимо и страдания плоти называть страданиями того, которого и плоть. Ибо кому приписываются страдания, каковы особенно: осуждение, бичевание, жажда, и крест, и смерть, и другие немощи тела, того же и заслуга и благодать. Поэтому справедливо и прилично говорится, что эти страдания не иного кого, а Господа, чтобы и благодать была от Него и чтобы мы не были идолослужителями, а истинными богочтителями; потому что призываем не какую-нибудь тварь, не обыкновенного какого человека, но Бога по природе и истинного Сына, сделавшегося человеком, но тем не менее пребывшего самым Господом и Богом и Спасителем.

Итак совершенно, я думаю, достаточно предложенных изречений для убеждения мыслящих, по ясному свидетельству божественного закона: *при устех двою, или триех свидетелей станет всяк глагол* (Матф. 18, 16). Если же кто и после сего захочет состязаться, пусть выслушает от нас: иди своим путем, а мы будем следовать правым писаниям и вере святых отцов; ибо таким образом приобретем награду вышнего звания во Христе, чрез которого и с которым слава Богу и Отцу со Святым Духом во веки. Аминь.

Послание Кирилла, епископа александрийского, к Евоптию, против опровержения двенадцати глав, составленного Феодоритом

Кирилл богобоязливейшему и вожделеннейшему брату и сослужителю Евоптию о Господе желает всякого блага.

Прочитавши письма, посланные от твоего благочестия, я удивился и расположению и искренности любви во Христе. И теперь считаю долгом сказать, как истинно сказанное в книге Притчей: *брат от брата помогаем, яко град тверд* (18, 19). И мне кажется, дело любви очень высоко ценится в богодухновенном Писании, – и весьма справедливо. Ибо содержит полноту закона, и превосходит все добродетели, и в великом находится почитании у душ святых. Исполняется же она, говорим, не в пустых только звуках слов, но (когда) свидетельствуется самыми делами. Ибо как в драгоценнейших камнях, которые называются индийскими, удивляются не тому, что об них рассказывают, но тому, чем они представляются взорам: таким же, думаю, образом и блестящая красота любви тогда сияет, когда свидетельствуется во всех прекрасных делах самыми поступками. Много ценит ее твое благочестие, которое идет по следам благоразумия святых и выражает благую жизнь их в свою славу. А теперь твое благочестие совершенно убедило меня в расположении (ко мне), приславши книгу, которую составил, говорят, Феодорит кирский; так, говорят, называется городок. Прочитавши же написанное, я принес Богу благодарственное пение, не оставил и сих слов: *Господи, избави душу мою от устен неправедных, и от языка льстива* (Псал. 119, 2). Ибо везде вижу клеветы на себя, и это в каждой главе. Я увидел, что хотя, как говорят некоторые из близких, этот муж упражнялся в красноречии и, может быть, приобрел непосредственное знание священного Писания, но слишком мало понял силу этих глав. Поэтому мне остается думать и предполагать, что он поблажает желаниям некоторых, когда притворяется незнающим, что не считают его – не хорошо и слишком, но напротив – удачно воспользовавшимся клеветами против нас, хотя, мне кажется, ничего не было трудного и высокого и ничего неудобопонятого в моих словах. Но как нужно было, хотя мы уже писали об этом, сказать несколько и против него, дабы кто не подумал, что мы замолчали в следствие сознания (своей неправоты), то сделаю свое защищение,

сколько можно, короче, Итак надлежало ему, упражнявшемуся в богодухновенном Писании, если у него была одна цель – рассуждать с нами о божественных тайнах, надлежало вспоминать только о священном Писании и таким образом составлять свое изложение святоприлично, а не выносить на средину старые для нас и смрадные басни. Он удостаивает сравнить мои слова с яблоком раздора, может быть для того, чтобы показать этим, сколько он приобрел себе премудрости. Поэтому и мы имеем чрезвычайное удивление к нему: он представляется нам и красноречивейшим и многоученейшим, потому что знает, что такое яблоко раздора и Парис Приамов. Впрочем, оставивши это до удобного времени, обратимся лучше к предположенной цели.

Послание Феодорита, епископа кирского, к Иоанну, епископу антиохийскому

Чрезвычайно опечалился я, прочитавши анафематства, которые ты послал к нам с приказанием опровергнуть их письменно и обнажить пред всеми еретический смысл их. Опечалился я от того, что муж, которому поручено пасти, и вверено такое стадо, и повелено врачевать немощных овец, не только сам болен и весьма сильно, но и старается заразить болезнью и овец, и хуже диких зверей терзает своих овец. Эти похищают и терзают овец заблудших и отделенных от стада; а он, находясь в середине его и считаясь пастырем и хранителем, вносит скрытое заблуждение в тех, которые повинуются ему. Ибо когда (кто) открыто сражается, можно и уберечься; а если под видом дружбы приготовляет коварство, то находит неприготовленным того, против кого сражается, и удобно наносит ему вред. Поэтому сражающиеся скрытно вреднее, нежели те, которые сражаются открыто. Меня особенно сокрушает то, что под именем и под ведом благочестия, и состоя в достоинстве пастыря, он изрыгает еретические и хульные слова, и возобновляет уничтоженное прежде, пустое и вместе нечестивое учение Аполлинария; а сверх того он не только уважает это (учение), но и дерзает анафематствовать

тех, которые не хотят соглашаться с ним, если впрочем это действительно его произведения, а не кто-нибудь из врагов истины, поднимая пламень на высоту, сложил от его имени и бросил на средину, подобно яблоку раздора, о котором сложена баснь. Итак он ли это или другой кто, только под его именем, сложил их, я, при пособии света всесвятого Духа, рассматривая еретическое злословие, по мере данной мне силы, обличил его, сколько можно было, противопоставил евангельское и апостольское учение, показал нелепость его мнения и сделал ясным, сколько оно несогласно с божественными догматами, сличая главы с словами божественного Духа и показывая, сколько они чужды и несогласны с божественными. А против дерзости проклятия скажу только, что Павел, великогласнейший проповедник истины, дерзающий и против ангелов, анафематствовал тех, которые повреждают евангельское и апостольское учение, а не тех, которые пребывают в преданных богословствующими мужами определениях (ῥοις); потому что таковых оградил и благословениями, говоря: *елицы правилом сим жительствуют, мир на них и милость, и на Израили Божи*и (Гал. 6, 16). Итак пусть собирает отец таких слов от апостольского проклятия плоды трудов своих и снопы еретических семян; мы же останемся при учении святых отцов. Присоединил я к своему посланию и сделанные возражения, чтобы ты прочитавши увидел, сильно ли разрушили мы еретические предложения. На каждое из анафематств, отдельно взятое, я сделал возражение, чтобы для читателей удобнее было разумение и яснее обличение таких мнений.

Кирилла, архиепископа александрийского, 12 глав против тех, которые дерзают защищать мнения Нестория, как правые

Анафематство 1-е

Кто не исповедует Еммануила истинным Богом и посему святую Деву Богородицею, так как она по плоти родила Слово, сущее от Бога Отца, ставшее плотию: да будет анафема.

Феодорита, епископа кирского, опровержение двенадцати глав

А мы, которые следуем евангельским словам, не говорим ни того, что Бог Слово соделалось плотию по естеству, ни того, что Оно превратилось в плоть; потому что божество непревращаемо и неизменяемо. Поэтому и пророк Давид говорит: *ты же тойжде еси, и лета твоя не оскудеют* (Псал. 101, 28). Эти слова великий Павел, проповедник истины, отнес к Сыну в послании к Евреям (1, 12). И в другом месте Бог говорит чрез пророка: *Аз есмь, и не изменяюся* (Малах. 3, 6). Итак если Божество непревращаемо и неизменяемо, то неспособно к превращению и к изменению. Если же невозможно превратить непревратимое, то и Бог Слово не соделалось плотию так, как бы превратилось, но приняло плоть и вселилось в нас, по евангельскому слову (Иоан. 1, 14). И богодухновенный Павел ясно говорит об этом в послании к Филипписеям так: *сие да мудрствуется в вас, еже и во Христе Иисусе: иже во образе Божиим сый, не восхищением непщева быти равен Богу: но себе умалил, зрак раба приим* (Филип. 2, 5–7). Итак ясно из сказанного, что образ Бога не превратился в образ раба, но оставаясь тем, чем был, принял образ раба. Итак Бог Слово не соделалось плотию, но приняло плоть живую и разумную; не родился от Девы естеством, зачавшись и образовавшись, и с того времени получивши начало существования, Тот, который – прежде веков есть Бог, и у Бога, и с Отцом вместе пребывающий и с Отцом познаваемый и поклоняемый; но образовавший Себе храм в девической утробе был вместе с образованным и рожденным. Поэтому и святую Деву называем Богородицею, не потому, что она родила Бога по естеству, но человека соединенного с Богом, который образовал его. Если же образовавшийся в утробе Девы не человек, но Бог Слово, которое было прежде веков: то Бог Слово будет творением Духа: *рождающееся бо в ней от Духа Свята*, говорит Гавриил (Матф. 1, 20). Если же едиnorodное Слово Бога не сотворено, а соединоуочно и совечно Отцу, то не есть образование или творение Духа. Если же Дух Святой образовал во чреве Девы

не Бога Слово, то остается думать, что и образовался, и принял вид, и зачался, и родился естеством зрак раба. Но как зрак (раба) был не без Бога, а был храмом живущего в нем Бога Слова, по слову Павла: *ибо в нем, говорит, благоизволи всему исполнению божества вселиться телесне* (Кол. 1, 19, 2, 9): то называем Деву не человекородицею, а Богородицею, прилагая первое название к образованию и зачатию, а другое к соединению. Поэтому и родившийся младенец называется Еммануилом, – и Богом, не отделенным от человеческого естества, и человеком, нечуждым божества, потому что Еммануил толкуется: *с нами Бог*, по евангельскому слову (Матф. 1, 23). А выражение: *с нами Бог*, и означает зачатого от нас ради нас, и проповедует воспринявшего (его) Бога Слово. Итак младенец называется Еммануилом по той причине, что воспринят Богом; и Дева – Богородицею по причине соединения образа Божия с зачатым образом раба; потому что Бог Слово не превратился в плоть, но образ Бога принял образ раба.

Защитение Кирилла

Много раз мы восклицали против тех, которые не хотят исповедовать, что Еммануил есть поистине Бог и что святая Дева есть Богородица, потому что родила по плоти Бога Слово, когда Оно соделалось плотию, т. е. человеком. А клеветник на эти справедливые слова, – если не знал, что Еммануил есть поистине Бог, если не родилось по плоти от святой Девы Слово Божие, соделавшееся плотию, по писаниям, – для чего лучше не сказал ясно: что делаешь, благородный муж? Ты изрыгаешь странные и противные истине слова. Для чего ты извращаешь догматы истины? Еммануил поистине не есть Бог и святая Дева не есть мать Божия! – Благоразумно основываясь на священном Писании, мы должны убедить его в незаконности и нечестности его усилий и еще более в бесстыдном сопротивлении слову Божию, противопоставляя его возгласам и учению предание апостольской и евангельской Церкви, и исповедание отцов, собиравшихся некогда в Никее. Но ловкий и коварный повествователь оставляет в стороне то, о чем прилично и необходимо было говорить, и, нисколько не

размышляя об этом, избирает иные пути. Ибо тотчас говорит о необходимости доказывать, что божественное Слово выше превращения и не применялось в естество плоти, как будто это именно утверждает и хочет показать анафематство. Итак пусть выслушает он, не умеющий опровергать того, с чем не хочет согласиться: ты говоришь слишком пространной речью и опровергаешь то, что нам самим ненавистно. Мы знаем, что божественное и превысшее естество не допускает и тени превращения; но Слово Божие приняло естество плоти, не переставая быть тем, чем Оно есть. А как он сказал, что образ божества восприял образ раба, то в учении своем уже не должен касаться того, сходятся ли между собой эти образы сами по себе, независимо от своего существа. Я думаю, он тут же опровергает сам себя. Ненужно сходства, без труда отыскиваемого, и соединения образов, сообразных между собою, чтоб верить в действительность воплощения, а нужно соединение сущностей. Таким образом, когда говорим, что Слово стало плотью, то разумеем, что тут произошло не слияние, не смешение, не превращение, не замещение, но неизреченное и неопишемое соединение Его с плотью, имеющею разумную душу. Что до слова – соединение, то оно не означает тотчас смешение, а преимущественно значит восприятие другого. После всего этого утверждаем, что Слово, которое от Отца происходит, восприяло святую и одушевленную плоть, соединилось с ней поистине неслиянно и из того и другого произошел человек пребывающий в тоже время истинным Богом, а отсюда – и святая Дева есть мать Божия. Я считаю неуместным думать, что ее должно называть матерью человека. Если бы нашлись такие, которые, по великому безумию своему, стали бы говорить, что плоть составляет как бы источник для естества Слова Божия и начало Его бытия, то пожалуй, было бы у желающих называть ее человекородицею, некоторое, не совсем нелепое и презренное основание. Но как это мнение для всех гнусно и ненавистно, то святую Деву и не представляют иначе, как Богородицею, исключая разве того, кто верит, что Слово, от Отца исходящее, стало в собственном смысле плотью, то есть, человеком. Святая Дева

действительно, как я сказал, родила не одно божество; какая ж отсюда польза в настойчивости говорящих, что ее должно называть и человекородицею? Но, как видно, у них изобретено ядовитое злоухищрение против Христа. Они не позволяют мыслить или говорить, что Сам, который прежде веков был Сын Бога и Отца, в последние дни века, без смешения и без изменения для Себя, во чреве соединившийся с оживленною разумной душой плотию, сделался подобным нам человеком; но стараются проповедовать, что Он носил обитающего в Себе Бога, как какой-нибудь праведник, и убеждают так думать, не помышляя о том, что и во всех нас обитает Бог благодатию Духа (Святого), как во святых храмах. Писано: *не весте ли, яко храм Божий есте, и Дух Божий живет в вас? аще кто Божий храм растлит, растлит сего Бог: храм бо Божий свят есть, иже есте вы* (1Кор. 3, 16, 17). Но хотя мы и должны называться храмами Божиими, так как, силою Духа, носим в себе обитающего Бога; однакож во Христе мы видим другой образ тайны, утверждаем, что с Богом Словом истинно соединилась плоть, одаренная разумною душою. Я бы охотно спросил, что он признает, – то ли, что поистине произошло присоединение Слова к человечеству или, что тоже, к святому телу, одушевленному разумною душою, – или, как и другие (думают), связь служебного и несущественного образа с существенным образом божества, как в ношешии (человеком) божества, – или еще иной какой-нибудь способ соединения, выводимый из различных видов усыновления, при равенстве достоинств, если он допускает что-нибудь кроме союза (ношения). Но, как оказывается, я напрасно докучаю и предлагаю излишний вопрос: передо мной его слова и открытое исповедание. В первой главе он говорит следующее: „родившийся младенец называется Еммануилом, – и Богом, не отделенным от человеческого естества, и человеком, нечуждым божества». Ему следовало сделать тщательное и точное изложение этих предметов. Однакож это следует заметить; ибо вот в этом месте он называет Бога неотделенным от человеческого естества, ясно выражая единство, даже признает при этом, что Христос вместе Бог и человек; ибо знает, что Он един по соединению

промыслительному (οἰκονομικῇ). Как же он не краснеет, осуждая то, что мы говорим?

Анафематство 2-е

Кто не исповедует, что Слово, сущее от Бога Отца, соединилось с плотию ипостасно, и что посему Христос един с своею плотию, то есть, один и тот же есть Бог и вместе человек: да будет анафема.

Возражение Феодорита

Веруя учению святых апостолов, мы исповедуем, что Христос един есть, и, по причине единства, называем его Богом и человеком; единства же ипостасного, как странного и чуждого Ему, не знаем никоим образом ни из божественного Писания, ни из отцов, изъяснявших Писание. А если тот, кто предложил это, понимает под единством ипостаси то, что тут образовалась середина между плотию и божеством, то мы возражаем ему со всею ревностью и обличаем в богохульстве. Ибо середина необходимо предполагает слияние, а слияние уничтожает особенность того и другого естества. Что́ переменяется, то́ перестает быть тем, чем было раньше. А это в высшей степени нелепо сказать о Боге Слове, происшедшем от семени Давида. Должно веровать Господу, который в следующих словах, произнесенных к иудеям, указывает в Себе два естества: *разорите церковь сию, и трети денми воздвигну ю* (Иоан. 2, 19). Если же произошла середина, то Бог уже – не Бог, и храм указанный – не храм, а и храм представляется Богом и Бог храмом (таков дальнейший смысл середины), и Господь излишне сказал иудеям: *разорите церковь сию, и трети денми воздвигну ю*. Должно бы сказать: умертвите Меня, и чрез три дня Я воскресну. Если бы действительно произошла некоторая середина, то с ней и слияние; а вот тут Он показывает, как разрушается храм и восстанавливает его Бог. Итак не нужно единство по ипостаси, которое, как мне кажется, предлагают в смысле середины. А довольно называть единство таким

единством, которое и показывает самобытность естеств, и научает почитать Христа Богом.

Защитение Кирилла

Вот, как ни восстанет против нас необузданными устами этот искусник, старающийся везде найти удобный к тому случай, снова злословит выражение- *по ипостаси*. Он осуждает его за новость, и утверждает, что сказано странно, не помышляя того, что правдивость выражений, противопологающая истину вымыслам нечестивых еретиков, направлена к тому, чтоб ниспровергнуть то, что они противопологают (ей). Итак в то время, как Несторий повсюду уничтожает рождение Бога Слова телесное, уверяя нас в одном единении достоинств, и говорит, что человек, почтенный двузnamenательным названием сыновства, присоединен к Богу, мы говорим, что соединение произошло ипостасное, опровергая его слова выражением – ипостасное, выражением, означающим не иное что, как то, что естество Слова, или ипостась, (что означает самое Слово), поистине соединилось с естеством человеческим без всякого превращения или изменения, как весьма часто мы говорили, и мыслится и есть единый Христос – Бог и человек. А это, как я думаю, допускает и сам Феодорит, коль скоро он говорит, что Бог неотделен от человеческого естества и что человечество не мыслится без божественности. Итак мы не говорим того, что соединение образа Божия и образа раба исключает ипостась, ни того, что обыкновенный человек, почтенный одним равенством достоинств, присоединен к Слову чрез обитание; но говорим, что сам едиnorodный Сын Божий, чрез восприятие, как я сказал, одной плоти, одушевленной разумною душою, стал истинным человеком так, что пребывает и Богом. Но этот велеричивый человек, привыкший к умствованиям, определил слово – *ипостасное* в смысле ограничения и отваживается называть и выставлять на вид те несообразности, которые истекают из этого, как будто мы того не знаем. Может быть ему нравится и услаждает многословие и красноречие, и он ничего другого не имеет в виду, кроме мысли, что может пространно говорить, принимая за истинну то, чего никто еще не

говорил, чтобы показаться чем-нибудь между неумеющими правильно рассудить: кто безрассудно баснословит и говорит ложь, или кто вступил на правый путь истины и употребляет мудрую и необходимую речь. Признаюсь, я сначала думал, что он понимает смысл глав, а притворяется в незнании и этим угождает кому-нибудь. Теперь я верно знаю, что он действительно не понимает этого.

Анафематство 3-е

Кто во едином Христе, после соединения (естеств), разделяет лица, соединяя их только союзом достоинства, то есть, в воле или в силе, а не, лучше, союзом, состоящим в единении естеств: да будет анафема.

Возражение Феодорита

Неясен и темен смысл сказанного (для благочестивых же очевидна его нелепость). Ибо для кого не очевидно, что сочетание и стечение (σύνθεσις) не имеют различия. Стечение есть соединение разделенного (κεχωρισμένων), а сочетание (συνάφεια) есть совокупление различаемого (διηρημένων). Но мудрый виновник этих слов полагает несовместным между собой τό, что одинаково звучит. Не должно, говорит, соединять ипостаси сочетанием, а стечением и стечением природ. Или он, быть может, не знает, что говорит, или, если знает, то богохульствует. Природа есть нечто движимое необходимостью и лишенное свободы. Например, к чувству голода мы возбуждаемся природою, – не намерением, а необходимостью; те, которые живут в нищете, не были бы в нищете, если бы имели свободную власть не голодать; по природе мы чувствуем жажду, спим, дышим воздухом. Все это бывает не по воле нашей, я говорю. Кто ничего этого не принимает в себя, тот необходимо встречает конец жизни. Если таким образом произошло природное соединение образа Бога и образа раба, то Бог Слово был вынужден необходимостью, а не человеколюбием соединиться с образом раба и Законодатель всего находится в необходимости следовать законам. Но не

тому учит апостол, а противному, именно, что, восприяв зрак раба, (Бог) *истоцил себя* (Филип. 2, 7) В словах – *истоцил себя*, – Он представляет Его не вынужденным. Таким образом, ежели Он по намерению и свободно соединился с природою, взятою от нас, то уже не нужно присовокуплять слово – природный, довольно будет того, чтоб признавать единство. Единство принимается в разделенном и никогда не мыслится, если ему не предшествовало разделение. Таким образом, принимая единство, он наперед принимает разделение. Отсюда – почему же говорит, что не должно разделять ипостаси или природы, зная, при этом, что совершенная ипостась Бога Слова существовала прежде веков и что восприяла совершеннейший образ раба. Поэтому он говорит – ипостаси, а не ипостась. Если обе природы имеют совершенство, оба сходятствуют, то есть, образ раба с восприимлющим его образом Бога, и благочестно исповедовать одно лице, единого Сына и Христа: то не будет нелепостью говорить – соединились две ипостаси или природы, но согласно с основанием. Ежели в одном человеке разделяем природы, говорим – смертное тело и бессмертный дух и оба суть одно – человек: то тем более сообразно с здравым разумом познавать особенности природы воспринимающего Бога и воспринимаемой человеческой природы. Мы находим, что и блаженный Павел разделял человека на двое и говорил некогда: *аще и внешний наш человек тлеет, обаче внутренний обновляется по вся дни* (2Кор. 4, 16), и в другом месте: *соуслаждаюся бо закону Божию по внутреннему человеку* (Рим. 7, 22), и опять: *во внутреннем человеце вселится Христу* (Еф. 3, 17). Если апостол разделяет естественную связь природ вместе созданных: то на каком основании обвиняет в нечестии отделяющих особенности природ – естества Бога, существовавшего прежде веков, и естества человеческого, воспринимаемого в последнее время, обвиняет тот, кто учит нас ограничению под другим только именем?

Защитение Кирилла

Смотри, как этот умнейший муж сначала ложно обличает неясность слов, и, сам имея ум не светлый, а туманный,

называет темною такую речь, которая для желающих мыслить праведно столько очевидна и понятна! Он вообразил, будто речь наша учит говорить – стечение, (σύννοδος), а не сочетание (συναφεία). Потом, выказывая свое искусство, провозглашает, что у нас равная сила в смысле, станет ли кто говорить – стечение, или станет употреблять – сочетание. Но я еще дивлюсь проницательности и уму его, обладающему такую остроту, по следующему: – он один, как кажется, знает то, что всякий везде знает, что так общеизвестно, что совершенно ясно для людей, вовсе незнакомых с мирской наукой и с искусством речи, обладающих знанием самым посредственным, приобретаемым чрез недостаточное слушание при малом прилежании. Удивленный его ученостью, я говорю: ты, который разверзаешь против нас величественные уста, ты утонченно созерцаешь таинство едва едва в бодрственном состоянии, как будто сквозь сон и в опьяненном состоянии. Некоторые порицают единство, которое во Христе, перетолковывая его неправо, на собственный лад, помимо того, что предложено в священном Писании. Говорят, что природы взаимно разделены и разделяются всеми способами, та и другая существует особенно и разделенно, а человек, спорят, соединен с Богом чрез обитание, по одному достоинству, то есть, по силе или по известному наименованию сыновства. Такие мнения уничтожает анафематство и восстает против столь возмутительного пустословия. Оно утверждает, что никоим образом не должно разделять Слово, естественно, то есть, не по обитанию, а истинно присоединившееся к святой плоти, имеющей разумную душу, чтобы не изобразить двух сынов и не разделить нераздельного. Но он, не понимая, в чем состоит естественное единство, то есть, единство истинное, не сливающее естество и не смешивающее так, чтобы тому и другому следовало существовать иначе, чем тогда, употребляет слабое и свойственное детям доказательство для утверждения того, что будто бы правильно мыслит и говорит: если единство произошло естественное, то истощение Слова было не произвольное, а вызванное как бы силою и необходимостью. Природа обыкновенно действует принудительно. На это пусть

кто-нибудь скажет ему: голод, жажда и прочее, что ты сам назвал, суть природные несовершенства и производят в нас движение, так как мы обладаем природою, подлежащею возбуждениям; божественное же и неизреченное естество Слова, отнюдь не подлежащее недугам и необходимости, ни кем, ни само собой не было принуждено к тому, чтобы против воли принять плоть, усвоить себе меру человечества и воспринять семя Авраамово. Ни для кого не составит труда увидеть, если захочет, как несмысленно у него сказано. Говорит, что природное совершенно подчинено законам необходимости, и в доказательство этого приводит то, что мы чувствуем голод и жажду независимо от нашей воли, по призыву к этому природы, хоть бы кто и не хотел. Человеку искусному, имеющему сведущий в этих предметах ум, следовало бы усматривать серьезные вещи, стоящие бóльшего затруднения. Если справедливо, что человек по природе разумен, то поэтому он против воли и по принуждению разумен! Что же? Скажи мне, ужели Бог не по природе есть Бог, или не по природе свят, праведен, благ, жизнь, свет, мудрость и добро? Ужели и сам против воли и по принуждению есть то, что есть? Но я думаю, желая так рассуждать, надобно ясно обнаружить величайшее безумие. Итак какая ложь у нас, хоть он и воздвиг непобедимую и неодолимую стену? И столько слабые высказывает предположения, и слыша, что произошло природное соединение, то есть, истинное, непричастное превращению и совершенно неслиянное стечение субстанций, усиливается ниспровергнуть силу сказанного так, чтоб казалось, что не действительно произошло, но по подобию, которое берет от нас. Дерзкий не боится подчинять естество Слова неотразимой необходимости! Истошил Себя не без воли; но Единородный добровольно соделался человеком, и не так, как говоришь ты, принял человечество, даровав ему только обитательное соединение, и увенчав благодатию сыновства, как нас. Итак хотя и прилично нам мыслить, что соединились субстанции, что Слово соделалось человеком и воплотилось, что соединение, сообразно сему, называется некоторым образом природным, чтоб не дать места неистинному, обитательному соединению,

которое принадлежит нам, как участникам божественной природы, о чем говорит Павел: *прилепляйся Господеви, един дух есть* (1Кор. 6, 17); однакож Слово Божие, чуждое и свободное от возбуждений, не подлежит необходимости и власти природы. Не хотеть разделять на двое соединенное после соединения, по моему мнению, дело совершенно неукорительное и незаслуживающее обвинения, тем более, что этот добрый Феодорит берет в пример человека, который даже, по нашему, мыслится как один, и не позволяет делить его на двое, хотя самое его рассуждение не отвергает дробления и деления на сколько нужно для того, чтоб знать, что одно по природе своей есть душа, а другое по природе – тело. Итак чрез размышление о божестве и человечестве, тщательно доискиваясь единения, в подобном смысле, совершившегося во Христе, говорим, что произошло истинное стечение в единении, при чем не забываем, что Слово Божие по природе есть нечто иное, чем плоть, и – иное плоть по своей природе. Не рассекай однажды соединенное – это еще не все; дух истинной веры никому не позволяет делить на двух сынов единого Христа и Сына и Господа, как учит святое и богодухновенное Писание. Но очевидно, что он мало заботится об истинных догматах и с большим старанием избегает уразуметь нечто из того, что необходимо для пользы, как что-либо такое, что может принести вред, ложью, как видно, хвалится и даже чрезвычайно настроен к злословию. Пусть выслушает от нас: *что хвалишися во злобе, сильнее? беззаконие весь день, неправду умысли язык твой* (Пс. 51, 3, 4).

Анафематство 4-е

Кто изречения евангельских и апостольских книг, употребленные святыми ли о Христе, или Им самим о Себе, относит отдельно к двум лицам или ипостасям, и одни из них прилагает к человеку, которого представляет отличным от Слова Божия, а другие, как богоприличные, к одному только Слову Бога Отца: да будет анафема.

Возражение Феодорита

И это родственно тому, что уже сказано. Хочет, как бы сделав ограничение не видеть никакого различия в словах евангельских и апостольских писаний, и это тот, который, быть может, хвалится тем, что ратует против Ария и Евномия и других ересиархов. Пусть прилежный учитель священных догматов скажет, каким образом он обличает богохульство еретиков, в то время, как усвояет Богу Слово то, что смиренно и прилично сказано об образе раба? Допуская это, они устанавливают догмат, что Сын Божий есть меньший и творение и создание и раб и принадлежит к несуществующему. И так мы мыслящие не то, что они, исповедуя, что Сын Отца сосуществует и совечен Богу, художник и творец всего, украститель, кормчий и правитель, во всем премудр и всемогущ, утверждая даже, что Он есть само могущество, сама жизнь и сама премудрость, кому мы припишем следующее: *Боже мой, Боже мой, вскую мя оставил еси* (Мф. 27, 46)? еще: *Отче мой, аще возможно есть, да мимо идет от Мене чаша сия* (Мф. 26, 39); и еще: *Отче, спаси мя от часа сего* (Иоан. 12, 27); *О дни же том, или о часе, никто же весть, ни ангели, иже суть на небесех, ни Сын, токмо Отец* (Марк. 13, 32), и все прочее, что сказано самим Им, или святыми апостолами сказано и написано смиренно? Кому припишем голод и жажду? Кому бодрствование и сон, неведение и страх? Кто нуждался в помощи ангелов? Если это свойства Бога Слова, то каким образом Он называется мудростию и мудрость обнаруживает неведение? Еще почему носит имя премудрости, коль скоро подвержен немощи неведения? Каким образом будет истинен, когда говорит, что имеет все, что имеет Отец, и не имеет ведения Отца? *О дни же том (и часе) никто же весть, ни ангели небеснии, токмо Отец мой един* (Мф. 24, 36). Каким образом будет неизменный образ Отца, когда не все имеет, что имеет Отец? Итак если истинен был говоривший, что он не знает, то кто бы мог думать об нем это? А если и зная день, говорил, что не знает его, то смотри, к какому богохульству должно привести соединение, как (обманывает) истина, незаслуженно называемая истиною, если заключает в себе что-нибудь противное истине? А если не обманывает истина, то Слово Божие не незнает день, который

само сотворило, и в который имеет судить вселенную; но имеет ведение Отца, как непреложный образ. Таким образом неведение принадлежит не Богу Слово, но образу раба, который лишь настолько имел знания, сколько открывало обитающее в нем божество. Это же должно сказать и о прочем, подобном тому. Сообразно ли с здравым смыслом, чтобы Бог Слово мог сказать Отцу: *Отче, аще возможно есть, да мимо идет от меня чаша сия: обаче не якоже аз хочу, но якоже Ты (Господи)* (Мф. 26, 39). Ибо здесь опять встречается много несообразного. И во-первых то, что несогласны будут Отец и Сын, одного хочет Отец, другого хочет Сын: *обаче не яко же аз хочу, но якоже Ты (Господи)*. Далее большее неведение в Сыне. Он не знает, возможно ли, или не возможно, чтоб миновала чаша. А сказать это о Боге Слове вполне нечестиво и богохульно. Тот, который затем я пришел, и добровольно восприял нашу плоть, кто истощил Себя, Тот знал в совершенстве, какой долженствовал быть конец домостроительственной тайне; потому и святым апостолам предсказывал: *се восходим во Иерусалим, и Сын человеческий предан будет языком на поругание и биение и пропятие, и в третий день воскреснет* (Мф. 20, 18, 19). Кто предсказал это прежде, и возбранял Петру, молящему, чтоб этого не было, – каким образом Он молился, чтоб этого не было, если в совершенстве знал все, имеющее случиться? Ужели не странно: Авраам за много веков предвидел день этот и возрадовался, подобно и Исаия предсказал спасительное Его страдание, Иеремия также, Даниил, Захария и весь лик пророков, а сам Он не знает, просит избавления и молится, чтоб служить спасению мира? Следственно эти слова относятся не к Богу Слову, а к образу раба, который боялся смерти, потому что смерть не была еще сокрушена. Дозволив страх, Бог Слово допускает этому образу говорить такие слова, чтоб нам не принять его за естество Отца и происшедшего от Авраама и Давида не заподозрить как мечту или фантазию, как предположила жалкая толпа нечестивых еретиков. Итак что сказано и произошло приличное Богу, то мы припишем Богу Слову, что же сказано и совершилось смиренно, мы усвоим

образу раба, чтоб не заболеть недугом богохульства, как Арий и Евномий.

Защитение Кирилла

Как было бы хорошо, если б ум твой, свободный от ненависти и страстей, отыскал истину в наших словах! Но он не заботится об том и опять направляет это к тому же, что ему нравится. Ибо говорит: и это подобно тому, что уже было сказано; хочет, как бы сделав ограничение, не видеть никакого различия в словах апостольских и евангельских Писаний; и это тот, который, быть может, хвалится тем, что ратует против Ария, Евномия и других ересиархов. Это он; я же говорю, что я настолько же далек от того, чтоб говорить, что природы взаимно ограничивали одна другую, что допущено смешение, слияние или превращение, насколько он далек от истинного образа мыслей. Мы не устраним различного образа выражений; знаем, что некоторые из них таковы, что говорят прилично о Боге, другие приспособлены к человеческой природе; первые соответствуют великой славе, последние же мере истощения. Повторяем, что их мы не распределяем между двумя лицами, во всех отношениях различными одно от другого. Если един есть Господь наш Иисус Христос и едина вера в Него и едино крещение, то одно должно быть и лице у него, как у одного. поскольку Бог есть и человек вместе, и Он обнаруживает себя даже без укоризны, потому что сам употребляет слова, или достойные Бога, или приличные человеку: то божественное и неизреченное естество ни в каком отношении не уменьшается, сравнительно с Отцом, из за того, что говорится об ней мыслимое о человечестве, не отрицается вера в домостроительство с плотию от проповедания, что Бог, с тем, что Он есть по божеству, сделался вместе и человеком, подобным нам. Итак все принадлежит одному Христу – и то, что приличествует Богу, и то, что относится к человечеству. Если Слово, происходящее от Бога Отца, не сделалось человеком, то не должно говорить о Нем человечески, как об нас. А если истинно, что Бог сделался причастным плоти и крови, подобно нам, и во всем уподобился братии (Евр. 2, 12, 14), то есть, нам:

то зачем так неразумно порицают премудрое домостроительство, отказывая в человеческом названии, и скромность речи, говорящей о домостроительстве, усиливаясь разуметь о другом отдельном от Сына, об образе раба, как говорят они сами? Вполне неразумно делать вид, что боятся безумства еретиков, и в тоже время позволять себе понимать предание истинной веры вне благоприличного смысла. Лучше и разумнее будет, если сказать, что человеческие названия приписываются не другому лицу, мыслимому особенно и отдельно от Сына, и, как у них принято говорить, образу раба, а преимущественно мере человечества, Его. Ибо Тому, кто Бог и человек вместе, должно приписывать оба рода названий. Но я дивлюсь, каким образом он (Феодорит) и сам представляется исповедающим единого Христа, который есть Бог и человек вместе, и несмотря на то, как бы вдруг позабывши то, что, полагаем, хорошо знает, снова делит одного на двое. Ибо предлагает слова: о дни же том, или о часе, никтоже весть, ни ангели, иже суть на небесех, ни Сын, токмо Отец (Марк. 13, 32). Далее присовокупляет, что Слово, рожденное от Бога Отца, есть премудрость, которая должна предузнавать все будущее, и говорить: „итак неведение принадлежит не Богу Слову, но образу раба, который настолько имел ведения в то время, насколько открывало ему обитающее в нем божество. Это же должно сказать и о прочем, подобном тому“. Итак ежели не лжешь, говоря, что един есть Господь и Иисус Христос, то зачем разделяешь и не стыдишься называть двух сынов? Не ясно ли произойдут два, если тот, кто имеет ограниченное знание, не одно и тоже с тем, кто знает все, если кто совершен в премудрости, и знает столько же, сколько Отец, не одно и тоже с подучающим откровение по частям? И если есть един, един по причине истинного соединения и нет другого в отдельности, особенности, то выходит, что ему принадлежит знание и вид незнания. Итак знает сам по божеству, как премудрость Отчая; но ставши под уровень неведущего человечества, домостроительственно совершает то, что свойственно и другим, хотя, как я сказал прежде, нет ничего, чего бы Он не знал, но все знает с Отцом. Ибо зачем Он называется чувствующим

голод (Матф. 4, 3), утрудившимся от пути (Иоан. 4, 6), коль скоро сам есть жизнь и Бог животворящий, сам есть хлеб живой, сходящий с небеси и дающий жизнь миру и наконец сам Владыка добра (Иоан. гл. 6)? Затем, чтобы веровали, что Он поистине соделался человеком, восприял Себе человеческое, имеет постоянное пребывание в совершенствах своего естества и безразлично содержит то, в чем всегда был, есть и будет. Кто сказал, что откровение дано природе раба обитающим в ней Богом, притом откровение ограниченное, тот уже превращает Еммануила в пророка нашего, богоносного человека и нечто другое. Далее думает, будто говорит нечто остроумное и неопровержимое: „если Божие Слово восклицает“, – говорит он, – „Отче, аще возможно есть, да мимо идет от Мене чаша сия: то во первых Оно разногласно с Отцом и неправедно молится о том, чтоб не пить чаши, зная, что Его страдания принесут спасение миру“. Итак пусть и от нас выслушает в свою очередь блуждающий в непотребных умствованиях: поскольку ты думаешь, что должно удалять от Бога Слова такие выражения и усвоить их одной природе раба, то не дробить ли снова одного на двух сынов? И кто из людей умных не сознает очевидности этого? Может быть кто-либо, разделяющий твои умствования, скажет, что невероятно и несообразно с здравым смыслом, чтобы образ раба избегал страдания и казался в противоречии Отцу или даже обитающему в этом образе Слову. Думаю, что Он знал, что страдание Его спасительно для всего небесного и земного, и принесет жизнь тем, которые подчинены смерти. Говорит, должно было здраво взглянуть на объятых великим страхом и готовых повиноваться божественному мановению. Скажи пожалуй, ужели ты не чувствуешь, что безрассудно пустословишь? Что значит эта нелепая неосновательность мыслей? Я без замедления сказал бы, что малозначительно в Слове, рожденном от Бога, все человеческое. Я спрошу, кому принадлежит истощение и кто понес его добровольно? Ибо если, как они говорят, природа раба, которая происходит от семени Давидова: то каким образом или при каком условии дошла она до истощения, ежели была воспринята Богом? Если же называется

истощившимся Слово, которое существует в одном образе и равенстве с Богом Отцом: то опять каким образом или по какому условию истощилось, если избегало истощения? Приписывать истощение Богу Слову, который не знает превращения или страдания, – значит заключать и говорить нечто о человеке, по домостроительственному присоединению к плоти. Хотя Он и сделался человеком, однакож сущность таинства никаким образом не вредит Его природе. Он пребывает тем же, чем был, даже и отдаваясь человечеству для спасения и жизни мира. Поэтому, относя евангельские и святых апостолов слова не к двум лицам, но к единому Христу и Сыну и Богу, мы и не уменьшаем божественное Его естество и славу, ради Его человечества, и не отвергаем домостроительства, но веруем в воплощение самого Слова, ради нас совершившееся.

Анафематство 5-е

Кто дерзает называть Христа человеком Богоносным, а не, лучше, Богом истинным, как Сына единого (со Отцом) по естеству, так как Слово стало плотью и приблизилось к нам, восприяв нашу плоть и кровь: да будет анафема.

Возражение Феодорита

Мы говорим, что Слово Божие, подобно нам, соделалось причастным плоти и крови и души бессмертной, по единению с ними. Но что бы Бог Слово соделался плотью чрез некоторое превращение, этого мы не только не говорим, но и обвиняем в нечестии тех, которые говорят это. А сие, кажется, противно и этим словам. Ибо если Слово превратилось в плоть, то не приобщилось нашей плоти и крови. А если присоединилось к плоти и крови, то каким образом иначе, а не так, Оно присоединилось? А если плоть есть нечто иное, чуждое Его состава, то Он не превратился в плоть. Таким образом, употребляя слово приобщение, мы боготворим Сына, как единого, боготворим и воспринявшего и воспринятое в Нем; но помним разность естеств и не избегаем называть его богоносным человеком, как и называется Он у многих из святых

отцов, из коих например употребил это имя святой Василий великий в слове к Амфилохию о Святом Духе и в изъяснении 59 псалма. Называем же богоносным человеком не в том смысле, что Он принял какую-нибудь частную благодать, а в том, что всецело обладает единым божеством Сына. Изъясняя это, блаженный Павел говорил: *братие, блюдитесь, да никто же вас будет прелщая философиєю и тщетною лестию, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христе: яко в том живет всяко исполнение божества телесне* (Кол. 2, 8, 9).

Защитение Кирилла

Опять весьма легко показать, как беспутно он здесь пустословствует. Мы говорим, не должно называть Христа Богоносным человеком, чтобы не представлять Его, как одного из святых, но Богом истинным, вочеловечившимся и воплотившимся Словом Божиим. Опять преследует то, что сказано справедливо, и на разные лады говорит необыкновенное и лживое. Говорит, что мы называем Божие Слово превратившимся в естество плоти и выкапывает основания, коими усиливается показать, что Божие Слово исключает превращение. Я по необходимости должен сказать здесь то, что весьма часто говорил. Так как никто не говорит, что божественная и невредимая природа Слова преобразовалась в земную плоть, а все единогласно исповедуют, что она неспособна к превращению: то напрасный поднимаете вы на себя труд, чтоб научить чуждых оболъщения, что Слово Божие по природе своей непревратно и неизменно. Кто будет столько несмыслен и безумен, что захочет верить и говорить столь гнусное и, быть может, презираемое самыми несмысленными? Я не понимаю, каким образом обвиняется в том, что ставит Еммануила под один уровень с пророками, обвиняется тот, кто повсюду говорит, что Еммануил есть Бог. Он называет Его (Сына) Богоносным человеком, который подобен нам, носящим в себе обитающего Духа Святого и Бога всяческих. Ибо (Дух) обитает в сердцах наших и мы – храмы Бога живого. И не будет говорить, что Слово стало человеком и

думать, что Бог обитает в человеке. И хотя истинно слово блаженного Павла: *яко в том живет всяко исполнение божества телесне* (Кол. 2, 8), разумеется, не чрез обитание; однакож он говорит, что *един Бог Отец, и един Господь Иисус Христос, им же вся* (1Кор. 8, 6). Кроме этого скажет кто-нибудь, что даже в человеке живет дух его, почему и написав о об некоторых: *живущих же в бранных храминах* (Иов. 4, 19), в числе коих и мы сами обитаем в подобной же храмине; но ведь человек мыслится и на самом деле есть один по причине устройства своего из плоти и разумной души, в ней обитающей. Итак от чего не перестает поносить правое и отнюдь непревратное учение веры? Иногда называет единым Христом и Сыном и Господом Богом и человеком вместе; иногда же, давая Ему меру пророков, называет богоносным человеком, быть может не зная, что тем равняет его с нами, если, то есть, Он не есть воистину Бог, а храм, в котором обитает Бог Слово, подобно как в нас. Но божественное Писание говорит иначе: *Слово плоть бысть, говорит оно, и вселися в ны* (Иоан. 1, 14), чтобы кто не стал думать, что Он преобразовался в природу плоти по превращению и переменению. А коль скоро стал плотию, то есть, человеком, не есть уже богоносный человек, но Бог, по своему изволению предающий Себя истощению, и принимающий в собственность плоть, занятую от жены, плоть, говорю, не чуждую души и ума, но обладающую душою и разумом. Мы знаем, что Он называл тело свое храмом, но не по обитанию, какое например основал в нас чрез Святого Духа, – а исповедуется, по причине единения, как единый Христос, Сын и Господь.

Анафематство 6-е

Кто дерзает говорить, что Слово Бога Отца есть Бог или Владыка Христа, а не исповедует, лучше, Его же самого Богом и вместе человеком, так как по писаниям (Иоан. 1, 14) Слово стало плотию: да будет анафема.

Возражение Феодорита

Блаженный Павел говорит, что природа раба воспринята Словом Божиим; но поскольку восприятие предшествует единению, то блаженный Павел, различая эти понятия, называет образ раба природою воспринятою; имя рабства не имеет места в происшедшем соединении. В послании к верующим в Него, апостол говорил: *тем же убо неси раб, но сын* (Гал. 4, 7), и Господь ученикам: *не к тому вас глаголю рабы... вас же рекох други* (Иоан. 15, 15); тем более свободен от рабства первенец нашей природы, чрез которого и мы достигли дара усыновления. Итак исповедуем Бога и самый образ раба, по причине присоединения его к самому Богу; и веруем слову пророка, называющего еще младенца Еммануилом, и рожденного отрока Ангелом великого совета, Чудным, Советником, Богом крепким, Властелином, Князем мира и Отцом будущего века (Иса. 7, 14, 9, 6). Однакож, проповедуя восприятие природы после соединения, пророк называет рабом того, кто произошел от семени Авраамова, и так говорит: *раб мой еси ты, Израилью, и в тебе прославлюся* (Иса. 49, 8), и опять: *так о глаголет Господь, создавый мя от чрева раба себе* (5), и немного спустя: *дах тя в завет рода (израилева), во свет языком, еже быти тебе во спасение, даже до последних земли* (6). А то, что образовалось во чреве, то не есть Бог Слово, но образ раба. Ибо Бог Слово стал плотию не чрез превращение, но чрез восприятие плоти, одаренной разумною душою.

Защитение Кирилла

Таинство домостроительства Единородного с плотию здесь также не менее оградит слова сказанные нами выше, и покажет их сообразность и разумность, и это легко. Ибо единородный Сын, сущий в образе Бога Отца, равный Ему во всем, во славе и свободе, называется, по восприятии природы раба, братом тем, которые были под игом рабства, то есть, братом нам. Таким образом, как один из нас, Он отдал дидрахму требующим дани и был под законом, как человек (Мф. 17, 24–27), будучи законодателем по божеству, и учил своих учеников: хотя по естеству своему был свободен, как Бог и от Бога, потому что во-

истину есть Сын и в образе раба по плоти. Однакож почитая, по причине истощения, образ раба как бы своею собственностью, подчинялся сборщикам податей. Таким образом, если кто скажет, что Он называется рабом по словам пророков, то оскорбляться этим никоим образом неприлично. Ибо они знали чрез откровение Святого Духа, что Слово, сущее от Бога Отца, соделавшись человеком, с одной стороны было так свободно, как Сын, и с другой стороны не отвращалось меры истощения, сообразуясь с игом нашего рабства. Так и Бога называет своим Отцом, хотя по естеству и сам собою был Бог и никоим образом не менее Отца по величию. Итак когда Несторий следующее писал о Христе: „но столько пострадавший милосердый первосвященник – не Бог, воскреситель того, кто пострадал“, и Слово Божие называл Богом Христа, присовокупляя при этом: „был и младенец и Господь младенца“: то мы утверждаем, что его речи не только безобразны, но и в высшей степени нечестивы. Ибо если Слово, которое от Бога, есть Бог Христа, то, во всяком случае и без всякого сомнения, выйдут два. А как представить младенца и вместе Господа младенца. Итак не следует говорить, что Еммануил есть Бог и Господь сам Себе, коль скоро Он в одно и тоже время Бог и человек, с тех пор, как Слово Божие воплотилось и вочеловечилось. Когда же кто станет сомневаться, что божество есть нечто иное по своему естеству, и нечто другое – человечество по своему естеству? Не смотря на то, оба естества – божество и человечество составляют одного Христа по единению домостроительственному.

Анафематство 7-е

Кто говорит, что Иисус как человек был орудием действий Бога Слова и окружен славою Единородного, как существующий отдельно от Него: да будет анафема.

Возражение Феодорита

Если природа человеческая смертна, а Бог Слово, будучи жизнь и податель жизни, восстановило и вознесло на небеса

храм, разрушенный иудеями: то как образ раба не прославляется чрез образ Божий? Если смертная природа сделалась бессмертною чрез единство с Богом Словом, то она получила то, чего не имела. Если же получила то, чего не имела, и прославлена, то прославлена тем, от кого получила это. Потому и апостол восклицает: *кое преспеющее величество силы Его в нас верующих по действию державы крепости Его, юже содея о Христе, воскресив Его от мертвых* (Еф. 1, 19, 20).

Защитение Кирилла

Те, которые называют Христа, выражают тем не то, что Он есть подобный нам, обыкновенный человек, но что Он есть вочеловечившееся и воплотившееся Слово, рожденное от Бога; и потому, если говорится, что Он совершил что-либо приличное преимущественно Богу, чрез свое тело, которое сделал своим служебным органом: то тем не менее действие принадлежит Христу, самому Господу добра, не уступающему другому это действие; так как Он дал власть блаженным апостолам против духов нечистых, власть изгонять их и исцелять всякий недуг и всякую язву в народе. Поэтому блаженный Павел говорит: *не смею бо глаголати, что, их же не содея Христос мною, в послушание языков, словом и делом, в силе знамений и чудес, силою Духа Божия* (Римл. 15, 18, 19). Блаженные ученики некогда с радостию приступили ко Христу и говорили: *Господи, и беси повинуются нам о имени твоем* (Лук. 10, 17). Говорим, что святые люди были подвигнуты к действованию Христом в духе; но Иисус, мыслим, не так был возбужден в Духе Словом к действованию, как будто бы был другой сын, кроме Единородного от Отца. Единение показало одного, и потому мы остерегаемся делить Его на двух. Ибо хотя, по Писанию, Слово стало плотию; однакож, по истинному единству, которое превышает и разум и слово, есть такой единородный Сын. Итак один и единый Христос Иисус чрез тело свое, как чрез орган, совершал Божии веления, но силу совершения получил не по подобию святых. Говорить это было бы нечестиво и весьма непристойно. Если, будучи жизнью и жизнеподателем, Он воскресил тело свое от мертвых и прославил Себя самого,

показав свое животворящее естество: то и не предоставил никому другому, кроме Себя, славу совершения своего дела. И так говорил Богу Отцу, который на небесах: *Отче, прослави Мя славою, юже имех у тебе прежде мир не бысть* (Иоан. 17, 5), хотя был Бог и от Бога по естеству и Владыка славы. Потом каким образом, будто нуждаясь в славе, просит славу, которую имел прежде мир не бысть? Потому, что стал человеком и по благоволению Божию за всех вкусил смерть по плоти (Евр. 2, 9), по словам блаженного Павла; отсюда, как бы предотвращая поношения бесчестия, предсказал свое воскресение, по которому и познается нами, как животворящий, и веруем в Него, как в Бога. Итак прославил не иного кого-нибудь, но Себя самого, когда присоединенный к себе храм поистине сделал превосходнейшим чрез смерть. Что же до веры в то, что присоединенное к Нему тело не чуждо души и ума, но имеет душу и тело, то об этом мы говорили весьма часто.

Анафематство 8-е

Кто дерзает говорить, что воспринятому (Богом) человеку должно поклоняться вместе с Богом Словом, должно Его прославлять вместе с Ним и вместе называть Богом, как одного в другом (ибо так думать заставляет постоянно прибавляемая частица – *συν вместе с*), а не чтит Еммануила единым поклонением и не воссылает Ему единого славословия, так как Слово стало плотью: да будет анафема.

Возражение Феодорита

Я говорил часто, что мы одно усвоили прославление Христу Господу и исповедуем Его Богом и вместе человеком. Ибо этому научает смысл единства; но говорить об особенностях естеств мы не перестанем. Ибо ни Бог Слово не потерпел превращения в плоть, ни человек перестав быть тем, чем был, не преобразовался в естество божественное. Таким образом мы поклоняемся Господу Христу, признавая в Нем разности того и другого естества.

Защитение Кирилла

Но мы, превосходный муж, привыкшие верить в лучшее и истиннейшее, прилагая тонкую проницательность к тщательному уяснению и познанию сего таинства, согласно тому, что представляется в священном Писании и объяснениях на оное у святых отцов, говорим, что не человек воспринят Богом Словом и присоединен к нему чрез некоторое внешнее отношение, но определяем, что Он (Бог Слово) стал человеком, и что по этой причине удалились от благочестия догматов те, которые отваживаются называть человека воспринятым и утверждать, что он спокланяем Сыну Божию, как особый особому. Если Он есть Бог и человек вместе, и поклонение Ему, как одному, единое, а не сопокланяется (только) и не соименуется Богу, то не должно верить, что Еммануил есть простой и подобный нам человек, лишь по благодати причастный божественной славе; но должно исповедовать, что Он есть Бог во плоти ради нас, то есть, стал человеком не чрез изменение естества но отчуждению от него или преложению, но единственно чрез строительство единения.

Анафематство 9-е

Кто говорит, что единый Господь Иисус Христос прославлен Духом, в том смысле, что пользовался чрез Него как бы чуждою силою и от Него получил силу побеждать нечистых духов и совершать в людях божественные знамения, а не почитает собственным Его Духом, чрез которого Он совершал чудеса: да будет анафема.

Возражение Феодорита

Очевидно, он предпринял предать анафеме не только тех, которые ныне благочестиво мыслят, но даже тех, которые были в древние времена провозвестниками истины, даже самих евангелистов, лик святых апостолов и архангела Гавриила. Ибо он первый провозвестил, что Христос, который является во плоти, рождается от Святого Духа, и так еще прежде зачатия, как и после зачатия, учил Иосифа. На вопрос Марии: *како*

будет сие, идеже мужа не знаю? – он говорил: Дух Святый найдет на тя, и сила Вышняго осенит тя: тем же и раждаемое свято, наречется Сын Божий (Лук. 1, 35, 36). Иосифу сказал: не убойся прияти Мариам жены твоея: рождшееся в ней от Духа ест Свята (Матф. 1, 20). Евангелист: обрученной бо бывши матери Его Марии Иосифови, обретется имущи во чреве от Духа Свята (18). И сам Господь, пришедши в иудейскую синагогу и взяв книгу пророка Исаии, когда прочитал то место у него, где говорится: Дух Господен на мне, его же ради помаза мя и прочее, присовокупил: днесь сбытся писание сие во ушию вашею (Лук. 4, 21). Да и блаженный Петр в беседе с иудеями свидетельствует это: Иисуса, иже от Назарета, яко помаза Его Бог Духом Святым (Деян. 10, 38). Исаия еще задолго изрек такое пророчество: изыдет жезл из корене Иессеова, и цвет от корене его взыдет: и почиет на нем Дух Божий, Дух премудрости и разума, Дух совета и крепости, Дух ведения и благочестия; и исполнит Его Дух страха Божия (Ис. 11, 1–3); и опять: Иаков отрок мой, восприиму и: Израил избранный мой, прият его душа моя, дах Дух мой нан, суд языков возвестит (12, 1). Это свидетельство и евангелист привел в своем писании. И сам Господь в евангелии говорит иудеям: аще ли же о персте Божии изгоню бесы, убо постиже на вас царствие Божие (Лук. 11, 20); и Иоанн: пославый мя крестити водою, той мне рече: над Него же узриши Духа сходяща и пребывающа на нем, той есть крестяй Духом Святым (Иоан. 1, 33). Таким образом этот тонкий исследователь священных догматов не пророков только и апостолов, не одного архангела Гавриила предает анафеме, но простирает богохульство на самого Спасителя всех. Мы показали, что и сам Господь после изречения: Дух Господен на мне, Его же ради помаза мя, сказал: днесь сбытся писание сие во ушию вашею; теперь опять говорит, что о Духе Святом изгоняет демонов, когда некоторые говорили, что Он изгоняет их силою Веельзевула. Мы не говорим, что Бог Слово, сосущественный и совечный Отцу, образован (во чреве Марии) и соединен Духом Святым, но что в последние дни Он воспринял человеческое естество. Что до

того, свойствен ли Дух Сыну, то, если он (Кирилл) говорит, что (Дух) одного с Ним (Сыном) естества и от Отца происходит, то мы исповедуем это вместе с ним и приемлем, как благочестивое слово. Если ж говорит, что Он от Сына и чрез Сына имеет бытие, то это отвергаем, как богохульное и нечестивое. Ибо веруем словам Господа: *Дух, иже от Отца исходит* (Иоан. 15, 26) и подобным же словам святого Павла: *мы же не духа мира сего прияхом, но Духа, иже от Бога* (1Кор. 2, 12).

Защитение Кирилла

Я уже сказал, что сила глав (XII) ниспровергает и пустословие и богохульство и в высшей степени презрительные слова Нестория. Ибо по поводу слов о Святом Духе: „это тот, кто доставил Христу такую славу, кто соделал Его страшным для демонов, кто даровал Ему восшествие на небеса“ – по поводу такого суемудрия о Христе, как о каком-либо подобном нам, обыкновенном человеке, необходимо провозглашена анафема – не против тех, которые называют Иисуса прославленным от Духа Святого, то есть, вочеловечившимся Словом Божиим, но против тех, которые бесстыдно говорят, что Он чрез Духа пользовался как бы постороннею силою. Помним, что Он ясно сказал о Святом Духе: *Он мя прославит* (Иоан. 16, 14). Знаем при этом, что действием Духа Святого Он попирает лукавые и нечистые силы, но не так говорим об Нем, как о ком-либо из святых, пользующимся силою Святого Духа, совершенно постороннею для него. Ибо Дух был и есть *Его*, как, без сомнения, и Отца. И это весьма достаточно изъяснит нам божественный Павел в следующих словах: *сущии же во плоти Богу угодиши не могут, вы же несте во плоти, но в Дусе, понеже Дух Божий живет в вас; аще же кто Духа Христова не имать, сей несть Егов* (Римл. 8, 8, 9). Дух Святой исходит, по слову Спасителя, от Бога Отца, но нечужд и Сыну; ибо Сын имеет все отчее. Он сам научил этому, говоря о Святом Духе: *вся, елика имать Отец, моя суть: сего ради рех, яко от моего приимет и возвеслит вам* (Иоан. 16, 15). Итак Дух Святой прославил Иисуса, совершая дивное, однакож прославил, как

Дух *Его*, а не как чуждая сила, и Дух тем более совершеннейший, что исповедуется, как Бог. Итак мы не вознесли хулы ни на святых ангелов, ни на пророков, как поставил себе в обязанность сказать тот, кто только обвинять и знает. Как цель у него и его сообщников та, чтобы делить единого Христа на двух и называть Его прославляемым и возбуждаемым к действию, а сего (Духа) прославляющим и возбуждающим к действию: то они безумно поносят всякое благочестивое слово, равно как и тех, которые отвлекают их от превратного образа мыслей. Поэтому, заведя речь о блаженном Гаврииле, клеветник этот говорит: он первый провозгласил, что тот, который во плоти, Христос, рожден от Духа Святого. Таким образом один Христос, который во плоти, потом другой опять особенный Христос – Слово, сущее от Отца! Где же единство? И какая польза из того, если мыслить и проповедовать, что два Христа, оба отдельные и особенные один от другого? Хотя по этой причине и надевают они личину благочестия, говоря, что Христос один, однакож на самом деле представляющие двух, пусть выслушают от нас: *доколе вы храмлете на обе плесне ваши* (3Цар. 18, 21). Лучше идти прямо, имея правую и твердую веру, нежели колеблемую бессмысленными мудрованиями.

Анафематство 10-е

Божественное Писание говорит, что Христос был первосвященником и ходатаем нашего исповедания, что Он принес Себя за нас в приятное благоухание Богу и Отцу. Итак, если кто говорит, что первосвященником и ходатаем нашим был не сам Бог Слово, когда стал плотью и подобным нам человеком, а как бы другой некто, отличный от Него, человек, произшедши от жены; или кто говорит, что Он принес Себя в приношение и за самого Себя, а не за нас только одних, так как, не зная греха, Он не имел нужды в приношении (за Себя): да будет анафема.

Возражение Феодорита

Неизменяемое естество не превратилось в естество плоти, но восприняло человеческое естество и поставило его превыше общих первосвященников, как учит блаженный Павел: *всяк первосвященник, от человек приемлем, за человеки поставляется на службы, яже к Богу, да приносити дары же и жертвы о гресех, спострадати могий невежествующим и заблуждающим: понеже и той немощию обложен есть. И сего ради должен есть якоже о людех, такожде и о себе приносить за грехи* (Евр. 5, 1, 2, 3). И немного ниже в изъяснение сего говорит: *якоже и Аарон, тако и Христос* (ст. 4, 5). Потом показывая слабость воспринятого естества, говорит: *уже во днех плоти своя, моления же и молитвы к могущему спасти его от смерти, с воплем крепким и со слезами принес, и услышан бысть от благоговеинства, аще и Сын бже, обаче навиче от сих, яже пострада, послушанию; и совершився бысть всем послушающим его виновен спасения вечнаго: наречен от Бога первосвященник, по чину Мелхиседекову* (ст. 7, 8, 9, 10). Итак кто это, который совершен подвигами добродетели, а не по естеству? Кто это обнаружил повиновение, не зная его, пока не испытал? Кто это жил в благоговении, с воплем крепким и со слезами приносил моление, не имея силы спасти себя, но молился могущему его спасти и просил освобождения от смерти? – Не Бог Слово, который бессмертен, бесстрастен, бестелесен, память о котором, по слову пророка, есть радость и свобода от слез. Ибо Он сам отер слезу с всякого лица. Еще слова пророка: *помянух Бога и возвеселихся* (Пс. 76, 4). Он увенчивает живущих по вере, знает все, прежде нежели что получило бытие, имеет все, что есть у Отца, и есть неизменяемый образ Отца, в Себе самом изображает Отца. Но это – то, что Он воспринял от семени Давида, что смертно, подлежит страданию и трепещет смерти, хотя это самое впоследствии разрушило власть смерти по причине единства с воспринявшим его Богом; это – то, что ходило во всякой правде и говорило к Иоанну: *остави ныне, тако бо подобает нам исполнити всяку правду* (Мф. 3, 15). Оно получило имя священника по чину Мелхиседекову, облечено в немощь нашей природы и не есть всемогущее Слово Божие.

Почему немного прежде и говорит блаженный Павел: *не имамы бо архиереа не могуца спострадати немощем нашим, но искушена по всяческим о подобии, разве греха (Евр. 4, 15)*. Естество, взятое от нас и ради нас, которое, не зная греха, перенесло искушение наших страданий, не то, которое восприняло его ради нашего спасения. Но в начале главы сей апостол учит опять следующему: *разумейте посланника и святителя исповедания нашего Иисуса Христа, верна суща сотворшему Его якоже и Мои – сей во всем дому Его (Евр. 3, 1, 2)*. – Никто из православных не скажет, что творение есть несотворенное, несозданное и совечное Отцу Божие Слово, но – что это тот, кто произошел от семени Давида, и непричастный никакому греху, соделался святителем нашим и жертвой, принеся за нас самого себя, и нося уже в себе Слово Божие, сущее от Бога, соединенное и неразрывно связанное с ним.

Защитение Кирилла

Пророк Иеремия, преисполненный скорби, говорил Израилю, оскорбляющему и вызывающему на гнев Бога: *кто даст главе моей воду и очесем моим источник слез: и плачуся день и ночь, о побитых дочере людей моих (Иер. 9, 1)*. Я думаю, что эти слова относятся не к Израилю только, но и к тем, которые имеют необузданные и невоздерживающиеся против Христа уста; они – *продерзатели, себе угодницы, славы не трепещут хуляще (2Петр. 2, 10)*, как написано. Поистине достойны плача и стенания те, которые, по великому безумию, оставив правый и неукоризненный путь благочестия во Христе, избирают лукавые стези и искажают красоту истины развращенными вымыслами чувств. Итак пусть выслушают полюбившие мыслить то, что всеми презираемо: *прельщается, не ведуще писания (Мф. 22, 29)*, ни преславного и великого таинства воплощения. Ибо богодухновенные Писания учат, что Еммануил есть вочеловечившийся Бог, что приобщился плоти и крови, подобно как и мы, утверждают, что Он есть Слово Бога Отца и стал плотью, то есть, человеком, не чрез превращение или изменение, но по силе неизреченного соединения. И потому мы говорим: един Господь Иисус Христос, едина вера и едино

крещение. Те, которые уклонились от истинных догматов и грубым и надменным умом своим возмущаются против священных Писаний, одно то лишь признают, что самим представляется хорошо, те говорят, что человек воспринят Богом Словом также, может быть, как сказано чрез одного из святых пророков: *не бех пророк аз, ниже сын пророчь, но пастырь бех, и ягодиция обирая: и поя мя Господь от овец* (Амос. 7, 14, 15), и как сказал Давид: *приемляй кроткия Господь* (Пс. 140, 6), говорят, что воспринят чрез внутреннее расположение или духовное сродство, которое состоит в изволении, благодати, освящении, подобно тому, как и мы сами соединены с Господом – *един дух с Господом* (1Кор. 6, 17). Но не так вочеловечился Бог и не так приобщился плоти и крови подобной нам, но сделал человека более сродственным Себе и притом не иным образом, а только как говорят пророки, апостолы и все другие святые. Или думаешь, что Святой Павел обманывает освященных чрез веру, весьма ясно говоря об Единородном: *яко вас ради обнища богат сый* (2Кор. 8, 9)? Нет! Провозвестник истины говорит совершенную истину. Но кто богат, и каким образом он обнищал? Еще спросим, если человек воспринят Богом, как они и сами положили себе мыслить и говорить, то каким образом воспринятый делается беден, тот, который украшен вышеестественными богатствами? Ибо прославлен! А если это не истинно, то они уничтожат восприятие, как нечто низводящее человечество в худшее и низшее состояние. Но мыслить таким образом нелепо. Отсюда не беден тот, кто воспринят. Итак остается сказать, что тот, кто богат, как Бог, стал бедностию подобен нам. Итак каким же образом обнищал? Станем рассуждать, потому что это необходимо. Исповедуемый неизменным по естеству не превратился в естество плоти, оставив свое. Ибо пребывает тем, чем был, то есть, Богом. Итак где видим допущение нищеты. Ужели в том, что Он воспринял некоего подобного нам, как положили себе говорить шуты Несториева нечестия? И что за обнищание и истощение в том одном, что восхотел почтить человека подобного нам? Бог всяческих отнюдь не унижается через добро. Итак каким образом обнищал? Тем, что будучи

Богом и Сыном Бога Отца, сделался человеком, родившись по плоти от семени Давида, приняв образ рабства, то есть, человечества, – Тот, который был в образе Бога и Отца, в котором и чрез которого все, который всего творец. Но сделавшись человеком, Он не стыдится человечества. Ибо кто не возгнушался сделаться человеком подобно нам, тот как станет стыдиться того, чрез что мог действительно сделаться подобным нам ради нас? Если устранить от Него человеческие отношения и наименования, то мы никаким образом не будем различаться от тех, которые, если только это может быть, почти совлекают с Него плоть и, не веруя божественным Писаниям, ниспровергают таинство вочеловечения, спасение мира, надежду, воскресение. Но, быть может, кто-нибудь скажет, что недостойно и унижительно для Бога Слова проливать слезы, страшиться смерти, избегать чаши, быть первосвященником? Правда и я сам скажу, что это само по себе несовместно с божественным и превышим естеством и славой; но в этом мы созерцаем то обнищание, которое Он добровольно понес за нас. Если тебе кажется столько важным уничтожение истощения, то ты тем более должен удивляться божественной любви к тебе. Что ты называешь унижительным, то добровольно совершил он ради тебя; Он проливал слезы по человечески, чтобы предотвратить твою слезу. Промыслительно предавая на страдание плоть, временно собственную Ему, страшился, чтобы сделать нас мужественнейшими. Избегал чаши, чтобы крест обличил нечестие иудеев. Называется слабым по человечеству, чтобы чрез Него ты перестал быть слабым. Вознес молитвы и моления, чтобы преклонить слух Отца к твоим молитвам. Спал, чтобы научить тебя бодрствовать в искушениях и быть прилежнее к молитве. Упрекая некоторых спавших святых апостолов, Он говорил: *так ли не возмогосте единого часа побдети со Мною? Бдите и молитесь, да не внидете в напасть (Мф. 26, 40, 41)*. Показав дела свои и образ святого жительства своего на земли, Он усвоил себе и немощи человечества. Для чего? Для того, чтобы веровали, что Он стал истинным человеком, хотя пребывал тем, чем был, то есть, Богом. Но я не знаю, каким образом те, которые делают вид,

что веруют во единого Христа, Сына и Господа, Бога и человека, не хотят называть Слово, рожденное от Отца, святителем и посланником нашего исповедания, когда Оно стало человеком, но утверждают, что это как бы некоторый другой, подобный человек, призванный для сего от семени Давида, быть может, из опасения, чтобы, отвергнув превратное учение Нестория, не подвергнуться подозрению в правом образе мыслей. Ибо он (Несторий) так сказал: „сделался верен Богу первосвященник; *сделался*, следовательно не от века был первосвященником тот, кто мало помалу возвышался в достоинство первосвященника“. Потом, думая подтвердить истину своих слов, указывает на основание, говоря: „о нем в евангелии сказано: *отроча растяше и крепляшеся духом, исполняяся премудрости: и благодат Божия бе на нем (Лук. 2, 40)*; также: *отнюдуже должен бе по всему подобитися братии, да милостив будет и верен первосвященник (Евр. 2, 17)*“. Усердный подражатель его мерзости, этот превосходный Феодорит не стыдится говорить: „воспринял человеческую природу и возвысил ее пад обыкновенными первосвященниками, как говорит и божественный Павел: *всяк бо первосвященник от человек приемлем, за человеки поставляется на службы, яже к Богу, да приносит дары же и жертвы о гресех, спострадати могий невежествующим и заблуждающим: понеже и той немощию обложен есть, и сего ради должен ест якоже о людех, такожде и о себе приносить за грехи*“ (Евр. 5, 1, 2, 3). Но скажи мне, страшит что ли тебя образ святительства в Спасителе нашем Иисусе Христе? Говоришь, что неприлично Богу Слово человечески священнодействовать в деле спасения? Итак отнимай образ, отрицай вочеловечение Слова, по причине коего Оно наименовано первосвященником. Ужели находишь, что Оно священнодействует Отцу, как другому и высшему Богу? Ужели ты нашел, что он приносит жертвы по обычаю тех, которые избираются от человек и могут спострадать невежествующим и заблуждающим, потому что и сами обложены немощию? Не заметил ты, что Он от всех требует в жертву Себе и всесвятому Духу веры или исповедания веры? Скажи, ужели думаешь, что в

характере человеческого жертвоприношения требовать веры от тех, которые принесли себя в жертву благоухания в духе? Созерцай иначе существо Бога, хотя и говорится, что Он человечески священнодействует в деле спасения. Ибо он восседит с Богом и Отцом и на горнем седалище является совершенным. Тебя смущает человеческое? И приличествующее Богу не освобождает тебя от этого смущения? Не соглашаешься из самых дел видеть, что Еммануил есть Бог и человек, но бесстыдно и упорно блуждая во всяком нечестии, говоришь, что Они трудами усвершается в добродетели и понемногу возвышается до достоинства первосвященства. Если возвысился, то каким образом дошел до истощения и обнищания? Если усвершился в добродетели, то сделался совершенным из несовершенного и притом во времени; а все, что несовершенно, все то – худо: а что худо, то – грех. Каким же образом написано об Нем, что *не совершил греха* (1Петр. 2, 22)? Не задал ли ты себе цель говорить о том, что подчинено? Итак кто, говорит (Феодорит), отправлял священство? Кто достиг совершенства в добродетели трудами, а не по естеству совершен? Кто в испытаниях научился повиновению, а прежде не знал онаго? Кто жил в благоговении, с плачем крепким и со слезами возносил молитвы, и, сам не имея силы спасти себя, просил о том могущего спасти его от смерти? – О дерзостный и беззаконнейший голос! Что сделают слезы для обмытия греха тех, которые дали себе обязанность так мыслить? Если ты принимаешь единство, то каким образом не знаешь, что говорено было тебе о Боге, соделавшемся человеком? Унизился Он в тебе и ты злонамеренно восклицаешь: *милосерд ты Господи: не имать быти тебе сие* (Мф. 16, 22). И таким образом услышишь слова: *иди за мною сатано, соблазн ми еси* (ст. 23). Но в конце слов своих говорит (Феодорит): „итак это – сущий от семени Давида первосвященник, носящий в себе присоединенное и неразделимо связанное Слово, происходящее от Отца“. Каким образом говоришь, что Слово Божие присоединено к происшедшему от семени Давида, если первосвященство приписываешь одному происшедшему от семени Давида? Ежели истинно единство, то во всяком случае

не два, а один Христос и один из обоих. Итак явно, что они притворяются исповедующими единство, обманывая простые умы, и признают связь внешнюю – по обитанию, связь, которая присуща и нам, соделавшимся чрез Духа причастными Его божественному естеству. Итак отвратим внимание от их безумства; обратимся к правой и неповрежденной вере, к евангельским и апостольским уставам.

Анафематство 11-е

Кто не исповедует плоть Господа животворящую и собственно принадлежащую самому Слову Бога Отца, но принадлежащую как бы другому кому, отличному от Него, и соединенному с Ним по достоинству, то есть, приобретшему только божественное (в себе) обитание, а не исповедует, как мы сказали, плоть Его животворящую, так как она стала собственной Слову, могущему все животворить: да будет анафема.

Возражение Феодорита

Я думаю, что он представляется заботящимся об истине с тою целью, чтобы, покрыв тем лживость своего мнения, не показаться проповедующим тоже, что проповедуют и еретики. Но ничего нет могущественнее истины, которая рассеивает лучами своими мрак обольщения. Просвещенные сею истиною мы разоблачим лживость его веры. Во-первых, он никогда не упоминает о том, что плоть (Слова) разумная, и не исповедует, что воспринятый есть человек совершенный; но, следуя учению Аполлинария, всегда называет ее просто плотию; во-вторых он распространяет в своих речах мысль о смешении, только иными словами, и ясно говорит, что плоть Господня неодушевлена. Кто, говорит он, учит, что плоть Господа несобственна Слову Бога Отца, но как бы другому, помимо Его, анафема да будет. Из этого открывается, что он не исповедует, что Слово восприняло душу, но только плоть, вместо же души служило для этой плоти само Слово. Мы называем плоть Господа и животворною, и одушевленную, и разумною но силе

соединения с нею божественного животворящего естества. А он по неволе признает разделение двух естеств, когда говорит о плоти и Слове Божиим, и плоть называет собственной Слову. Итак Бог Слово не превратился в естество плоти, но имеет собственную плоть, то есть, воспринятое естество, и чрез единение соделывает его животворным.

Защитение Кирилла

Те, которые отпали, по неведению, от правых и истинных учений и почти говорят: *положимом лжу надежду нашу, и лжею покроемся* (Иса. 28, 15), проповедуют безрассудно, забывая внушения божественного Писания, которое говорит: *суд праведен судите* (Зах. 7, 9), и опять: *свидетель лжив без муки не будет* (Притч. 19, 5). Святое тело Спасителя нашего Христа мы называем животворным; ибо оно собственно не одному только, подобному нам, обыкновенному человеку, но и поистине собственно Слову все животворящему, собственно так, как если бы случилось кому-нибудь из нас называть свое тело собственным. Но этот добрый муж, не забыв ни одного рода злоречия против нас, хотя и согласен с тем, что я сказал, однакоже налагает на меня позор Аполлинариевой ереси, и не стыдится говорить, будто я под другими словами скрываю заблуждение о смешении или слиянии и утверждаю, что не одушевлена плоть, соединившаяся со Словом. Но, превосходный муж, скажет кто-либо и справедливо: неужели тоже преступление возводишь на блаженного евангелиста Иоанна? ибо говорит: *Слово плоть бысть* (Иоан. 1, 14). Также нагло устремляешься на него, и говоришь, что не упоминает о душе разумной и плоть Господа называет неодушевленной. Что, если услышишь слова самого Христа, Спасителя всех нас: *аминь аминь глаголю вам, аще не снете плоти Сына человеческого, ни пиете крове Его, живота не имате в себе* (Иоан. 6, 53); и еще: *ядый мною плоть, и пияй мою кровь, во мне пребывает, и Аз в нем* (ст. 50); и опять: *и хлеб, его же Аз дам, плот моя есть, юже Аз дам за живот мира* (ст. 51). Обвиняй, если угодно, и эти слова Его! Ибо называет единственно плотию и не делает в них совершенно никакого

упоминания о душе разумной. А если бы ты был мудр и проницательного ума, то не не знал бы, что существо, состоящее из души и тела, то есть, человек, иногда означает одним именем плоти. Ибо говорите: *и узрит всяка плоть спасение Божие* (Лук. 3, 6). Итак когда сказано, что Слово стало плотию, не не знал (Феодорит), что вполне упоминается здесь и о душе разумной. Но, как я уже сказал, он прикрылся ложью и старается злословить, чтобы показать, что говорит нечто, потому что не знал, что сказать против нас. Между тем отцы не так мыслили. Отцы утверждают, что Слово Бога Отца стало человеком, соединившись с плотию, имеющею разумную душу. Соединение же произошло без слияния и совершенно свободно от изменения. Ибо неизменно Слово, рожденное от Отца. И так веруем.

Анафематство 12-е

Кто не исповедует Бога Слова пострадавшим плотию, распятым плотию, принявшим смерть плотию и наконец ставшим первородным из мертвых, так как Он есть жизнь и животворящ, как Бог: да будет анафема.

Возражение Феодорита

Страдания свойственны подверженному страданию. Бесстрастное выше возможности страдать. Поэтому потерпел страдание образ раба, то есть, в соединении с образом Бога, по соизволению его на страдание ради приобретения спасения чрез него по усвоению страданий себе самому в силу соединения. Таким образом пострадал не Христос, но человек, воспринятый от нас Словом. Отсюда Исаия, пророчествуя, восклицает: *человек в язве сый, и ведый терпети болезнь* (Иса. 53, 3). И сам Господь Христос говорит иудеям: *нынеже ищите мене убити, человека, иже истину вам глаголах* (Иоан. 8, 40). Убивается не сама жизнь, но тот, кто имеет природу смертную. И в другом месте, уча иудеев, Господь сказал следующее: *разорите церковь сию, и тремя днями воздвигну ю* (Иоан. 2, 19). Разоренный есть тот, кто от семени Давида;

восстановило же сего разоренного едиnorodное Слово Божие, от Отца бесстрастно рожденное прежде веков.

Защитение Кирилла

Естество Бога Слова, по общему исповеданию, бесстрастно. Я думаю, что это очевидно для всякого и ничье безумие не восстанет против Слова настолько, чтобы сказать, что Его таинственное, превысшее природы и возможности страдания естество обложено нашими немощами. Но как страдание должноствовало принести спасение миру, а Слово, рождающееся от Отца, не могло страдать в собственном естестве: то совершает дело спасения с великим искусством, делает собственностью тело, могущее страдать, почему и называется пострадавшим плотию, подверженною страданию, пребывая сам, божественною природою, вне страдания. Таким образом, поскольку пострадал добровольно плотию, то и называется Спасителем всех.

Так говорит Павел: *яко да благодатию Божиею за всех вкусит смерти* (Евр. 2, 9). Свидетельствует это и св. Петр, премудро говоря: *Христу убо пострадавшу за ны плотию* (1 Петри 4, 1), а не божественным естеством. Иначе каким образом Господь славы называется распятым? Каким образом Тот, чрез которого, по словам св. Павла (Евр. 2, 10), все сотворено, дан Богом Отцом во главу телу Церкви, даже стал перворожденным из мертвых? Чрез усвоение себе страданий, которые были собственны Его плоти! Господь же славы не может быть обыкновенным человеком и таким, каковы мы. Но ты, быть может, скажешь, что довольно соединения (естеств) для того, чтобы единого Христа и Господа назвать пострадавшим. Итак всем должно исповедовать, что Слово Божие есть Спаситель, пребывший бесстрастным в божественном естестве, но пострадавший, как говорит Петр, плотию. Ибо, по причине истинного соединения (естеств), для Него стало собственностью тело, которое вкусило смерть. Иначе каким образом происшедший от иудеев по плоти есть Христос и *сый над всеми Бог благословен во веки, амин* (Рим. 9, 5)? В чью смерть мы крестились? В чье веруя воскресение,

получаем оправдание? Слово Божие, по собственному естеству, не может умирать, даже есть самая жизнь. Итак ужели мы крестились в смерть обыкновенного человека и, чрез веру в него, получаем оправдание? Или лучше, что и истинно, провозглашаем смерть Бога воплотившегося и пострадавшего за нас плотию, и исповедуя воскресение слагаем с себя тяжесть греха? *Куплени бо есте ценою (1Кор. 6, 20)*, не истленным серебром или златом но честною кровию яко агнца непорочна и пречиста Христа (*1Петр. 1, 18, 19*). И кроме сего можно бы многое другое говорить; нетрудно бы привести свидетельства святых отцов. Но, я думаю, и этого довольно для наученных. Ибо написано: *даждь премудрому вину, и премудрейший будет; сказуй праведному, и приложит приимати (Притч. 9, 9, 10)*.

Кирилл, архиепископа александрийского, о воплощении Бога Слова

Правильное понимание божественного Писания, отличающее умы святых, служит украшением их душ. Дух Святой открывает им бездну вечного познания и премудрости Христовой. Бог, Отец всех, прославляется ими. „Я открою тебе, сказано в Писании, тайные и невидимые сокровища“ (*Ис. 45, 3*). Сокровищами истинного познания я считаю очи ума, которые смотрят прямо и беспристрастно. На тех, которые познали Бога, Он изливает всесовершенные и непостижимые для человеческого ума дары. Всесовершенный Бог наш, Господь всех, обильно награждает совершенствами и благами ведущих добрую жизнь. Особенная любовь Его и благоволение объемлет тех, которые служат Ему чистым и не лицемерным сердцем. – Итак все, обихшие истинно мудрствовать, да приступают ко Христу, – вечному источнику (премудрости, слыша евангельский глас: *аще кто жаждет, да приидет ко Мне, и пьет (Иоан. 7, 37)*). Не узнав наперед таинства благочестия, не следует безрассудно исследовать и рассуждать о Христе. Обманщики и обольстители сердец слушателей те, которые утверждают, что Бог Слово, приняв (плоть) человека, прошел чрез святую Деву, и что этот человек создан самим же Богом Словом. Такие не

понимают таинства благочестия и унижают цену домостроительства Единородного. Мы же, братия, не так научены. Родившегося от святой Девы мы признаем и совершенным Богом и совершенным человеком, одаренным разумною душою. Поэтому святую Деву мы называем Богородицею и говорим, что Бог Слово существенно, не мыслию только, а на самом деле, обитал в ней, и что Он, когда был и двух или трех месяцев, есть Сын Божий и вместе Сын человеческий. Особенности же, приписываемые божественным Писанием то Его человеческому естеству, то Его божественному могуществу, по нашему убеждению, соединились в Нем в одну личность. Он был один и тот же, когда спал и когда укротил своим могуществом море и ветры; один и тот же, когда утомлялся на пути, и когда ходил по морю и проходил пустыню, по своему могуществу. Итак, без всякого сомнения, Он был Бог и вместе человек. Ибо что было бы удивительного, если бы какой-нибудь человек, подобный нам, одаренный могуществом, совершал чудеса? Божественное Писание показывает нам, что Бог Слово не воображением или мнимым образом умалил Себя, а на самом деле. Чрез пророков и апостолов оно ясно возвестило нам, что Он есть Бог и вместе человек. Итак на самом деле были: зачатие Бога от Девы, Его рождение, Его сходство с нами во всем, Его страдание, проповедь во тьме и сени (сидящим), Его воскресение и наконец вознесение на небо. Невместимый, приняв плоть от Марии, определяет заключиться в девическом чреве.» Беспредельный, содержится плотию. Неизменяемый, принимает человеческий образ. Бесстрастный, страдает по нас и за нас своею плотию. Неразлучно пребывающий с Богом и Отцом, *на земли*, по Писанию, *явися, и с человеки поживе* (Варух. 3, 38). Неприкосновенный, прободается копьем от нечестивых. Бесстрастный, добровольно переносит для нас крест. Бессмертный свет, подвергается смерти крестной. Бывший в лоне Отчем, не оказывается вознестись с своею плотию на небо. Тех же, которые говорят, что Бог Слово принял какого-нибудь человека, подобного нам, не быв с ним ипостасным, действенным и

живым Сыном, и в видах домостроительства живя по-человечески, святой собор, бывший в Ефесе, отвергает,

Прение о том же

Вопрос. Зачем невместимый Бог вместился в девическом чреве? – *Ответ.* Затем, что Он благоволил искупить род смертных и привести его от рабства к свободе.

Вопрос. Зачем безначальный претерпел рождение от жены? – *Ответ.* Так как все люди состояли под проклятием (ибо были под владычеством греха), то Он проник в начала нашего естества затем, чтобы освятить рождение людей и саму утробу.

Вопрос. Зачем непреложное и неизменяемое Слово Божие поселилось между людьми, и сделалось человеком? – *Ответ.* Слову Божию благоугодно было жить по-человечески и уподобиться нам во всем, кроме греха, затем, что Оно благоволило спасти род человеческий.

Вопрос. Каким образом вы осмеливаетесь усвоить бесстрастному сон, утомление, крест, голод и все прочее, свойственное тому, что подвержено тлению? – *Ответ.* Прошу беречься злословия. Я уже сказал, что Слово Божие, по преданию писаний, облеклось в страстную плоть и соединилось с ней. Явившись в этой плоти, Бог Слово и Сын Божий переносил труд, сон и все человеческое, кроме только греха. Тлению Он не подвергался, потому что неврежденное и животворное Слово Божие выше тления и гибели, но Его цель была избавить род человеческий от гибели. Нельзя, по моему мнению, упрекать царя, если он, желая спасти свою собственность, облекается в рабскую одежду. И кто дерзнет упрекнуть Того, который, будучи свободным по своему естеству, не погнушался для нас сделаться человеком и жить между нами? Прими благоволение Отца, даровавшего нам своего собственного Сына. Не исследуй, прошу, этого дела. Оно не нуждается в языческой мудрости и мирском чувстве, а чуждо того и другого. *Блажен еси, Симоне вар Иона*, сказал Господь Петру, *яко плоть и кровь не яви тебе, но Отец мой иже на небесех* (Мат. 16, 15). Уразумение пришествия Сына Божия есть небесный дар.

Вопрос. Каким образом Творец всего, Бог Слово, неприкосновенный, невидимый, неизменяемый, беспредельный, претерпел крест и смерть на обыкновенном дереве? – *Ответ.* Крест и смерть претерпел своею плотию Бог Слово для того, чтобы нас освободить от смерти и тления. Он положил за нас собственную, а не чужую душу. Такое соединение необъяснимо. Ибо Он сам говорит: *область имам положити душу мою, и область имам паки прияти ю (Иоан. 10, 18).* Его душе свойственно тужить, печалиться, расставаться с телом, равно как и плоти свойственно утомляться, распинаться, воскресать, возноситься в горняя. Все это однакоже неразлучно с Ним как Богом. Душа и тело неразлучны с божеством.

Вопрос. Каким образом всемогущее Слово Отчее воскресло и неистленное повинно было истлению? – *Ответ.* Плоть Бога Слова не потерпела истления. Уже давно пророк возвестил о Христе: *не даси преподобному твоему видети истления (Пс. 15, 10).* Сын Божий претерпел добровольное страдание, содержа в Себе необъятного Отца, и обратно Им содержимый. Пребывая в лоне Отчем, Он неизъяснимым образом заключался в собственной плоти. В третий день Сын Божий, по разрушении ада, ожил и в своей плоти явился нам, освободив нас от смерти и тления. Итак страдание Бога, воскресение, вознесение и наконец сходство с нами во всем, кроме греха, были не мнимые, а истинные. Тому вместе со Отцом и Духом Святым да будет слава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

**Определения епископов, бывших на соборе
в Никее, о воплощении Бога Слова, Сына
Отца, и изложение этого собора против
Павла самосатского**

Исповедуем Господа нашего Иисуса Христа, прежде веков рожденного от Отца по существу, а в последние дни родившегося от Девы по плоти; одно лице, состоящее из небесного божества и человеческой плоти, и как человек одно; совершенного Бога и совершенного человека; совершенного же Бога с телом, но не по телу Бога; совершенного же человека с

божеством, но не по божеству человека; всецело поклоняемого с телом, но не по телу поклоняемого; всецело поклоняющегося с божеством, но не по божеству поклоняющегося; всецело не созданного с телом, но не по телу несозданного; всецело образовавшего ся (во чреве Девы) с божеством, но не по божеству образовавшегося; всецело единосущного Богу с телом, но не по телу единосущного Богу. Не единосущен есть людям по божеству, но единосущен нам по плоти, пребывая с божеством. Говорим, что Он единосущен Богу по духу, но не говорим, что Он единосущен людям по духу. Напротив же проповедуем, что он единосущен людям по плоти, но не проповедуем, что Он единосущен Богу по плоти. Как по духу не единосущен нам, так единосущен по нему Богу; и как не единосущен по плоти Богу, так единосущен по ней нам. Как высказываем эти разности и объяснения, не для разделения одного нераздельного лица, но для обозначения свойств Слова и плоти, и не для слияния раздельного: так проповедуем и то, что касается нераздельного сочетания.

Беседа Кирилла, архиепископа александрийского, сказанная в Ефесе

Внимающие святому Писанию имеют сердце мудрое, пламенеющее светом добрых дел и истинной веры. Любовь к истинному познанию сопровождает такую жизнь. Ясный свидетель этого сам Спаситель, взывающий к небесному Отцу и Богу: *се же ест живот вечный, да знают Тебе единого истинного Бога, и Его же послал еси Иисус Христа* (Иоан. 17, 3). Итак познание Сына, соединенное с познанием Отца, при одинаковом условии есть животворное познание Бога. Если отделить одно от другого, совершенно невозможно будет познание Бога. Господь наш Иисус Христос говорит Иудеям: *ни Мене весте, ни Отца моего; аще Мя бысте ведали, и Отца моего ведали бысте* (Иоан. 8, 19). Иудеи думали, что их отцы видели на горе Сына Божия по естеству, когда Он сходил на гору синайскую в виде огня; думали, что они слышали Его голос, и по этой причине Моисея, служителя таин, почтили

особенным удивлением, а Господа нашего Иисуса Христа презрели за человеческое естество, говоря: *мы вемы, яко Моисеови глагола Бог, сего же не вемы откуда есть* (Иоан. 9, 29). И что им на это сказал Христос: *аминь, аминь глаголю вам, ни гласа Его нидеже слышасте, ни видения Его видесте, и словесе его не имате пребывающа в вас, зане, Его же той посла, сему вы веры не емлете* (Иоан. 5, 38). Истина говорит совершенную правду. Естество Бога не было видимо на горе синайской, а виден был только огонь. При этом издавались звуки труб, восходил дым, и образы истины прообразовали саму истину. Бог всех сходит на гору синайскую в виде огня. Для чего в виде огня? Намереваясь дать иудеям закон, Богу удобнее было сойти в виде огня для того, чтобы вразумить этих преступников закона, что они будут иметь дело с огнем. Потому блаженный Моисей, устрашая грешников, обыкновенно восклицал: *Бог наш огонь потребляй* (Втор. 4, 24). При этом были еще дым и мрак. Мрак давал знать, что Бога невозможно познать, а дым означал слезы своевольных презрителей закона, так как телесный глаз источает от дыма слезы. Итак Иудеи не видели лица Отчего, а мы видели его во Христе. Он есть точнейшая и чистейшая красота родившего, Его образ и сияние. Хотя Слово, пребывая Богом, приняло плоть и кровь и назвалось сыном человеческим, приняв тело не бездушное и не чуждое ума, как утверждает безумный еретик Аполлинарий: не смотря на это, Оно всегда было Богом. Тайну эту Он открывал некогда святым отцам, и ее можно видеть из многих изречений святых пророков. Из книги Бытия, частью, мы видим, что Сын был виден в образе человеческом, и что Он назван при этом Богом.

Когда блаженный Иаков, оставив Месопотамию, спешил возвратиться в дом отца, и взяв обеих дочерей Лавана с детьми, прижитыми от них, привел их к потоку, по имени Иавок: тогда, как повествует Писание, отпустив детей и жен, он остался один, – и с ним до утра боролся муж. Увидев, что нельзя его осилить, этот муж коснулся его бедра и повредил его *И рече ему муж, боровшийся с ним: пусти мя, взыде бо заря. Он же рече: не пущу тебе, аще не благословиши мене... И благослови*

его тамо. И прозва Иаков имя месту тому: вид Божий, видех бо Бога лицом к лицу, и спасеся душа моя (Быт. 32, 26, 29. 30). О мудрость, достойная святых! Патриарх видел пред собой борца, а между тем восклицал: *видех Бога лицом к лицу, и спасеся душа моя*. По откровению Святого Духа он тотчас уразумел таинство воплощения. Заметь следующее. Целую ночь боролся с Иаковом муж, когда же воссиял день, он сказал: *пусти мя, взыде бо заря*. Что это означает? То, что Христос борется и сражается с теми, которые, подобно находящимся во мраке и ночи, имеют в уме и сердце мрак неведения; но когда в их умах занимается заря, и свет истинного богопознания начинает сиять в них, подобно дню, тогда Христос оканчивает борьбу. Ибо Он вооружается против тех, которые имеют, подобно находящимся во тьме и мраке, темное и мрачное сердце, а не тех, которые ходят во свете и имеют духовную зарю. Итак, человек, прими духовную зарю, да воссият тебе свет истины. Перестань бороться со Христом. Не знающий над собой победы, всегда побеждает. Единородное Слово Божие хотя и сделалось человеком, но не престало по естеству быть и Богом. Измениться Он никак не может. Итак по Отцу Он есть Слово, а по Матери человек по плоти. Един есть Бог Отец, из которого все, и един Господь Иисус Христос, чрез которого все, и един Дух Святой, в котором все. Тому слава во веки веков. Аминь.

Беседа Акакия, архиепископа мелитинского, сказанная в Ефесе, в собрании отцов

При взгляде на это светлое и духовное общество святого собора, я ощущаю, возлюбленные, и радость и вместе упование. Радость, – так как и мне, меньшему из всех, в это обширное море мудрости приходится пустить легкий челн слова; упование, – потому что великие волны раздора скоро прекратятся, и во всей Церкви водворится тишина мира Господня. Если двенадцать учеников, воззвав ко Господу, тотчас утишили бурю, когда их корабль был обуреваем ветрами, то тем более, без сомнения, можно надеяться этого теперь, когда столько учеников, единодушно собравшихся, умоляют

Господа своими голосами, когда здесь присутствует великий и мудрый правитель, не боящийся никаких ветров и бурь, но благоразумно допускающий к рулю и других гребцов, убеждая их взяться за него и не переставая единодушно взывать ко Господу: *Господи, не радиши ли, яко погибам* (Мар. 4, 38)? Тотчас вняв его голосу, Он сказал, не смотря на шум жестоких волн моря: *молчи, престани* (ст. 39). Весьма прилично порадоваться о настоящем положении вещей, и воздать должное благодарение Богу. Ибо буря, поднявшаяся по-видимому против истины, собрала во едино земные светила, которых жизнь есть благая воня для Бога, а цель единодушное проповедание одной и той же истины. Ибо мы поучаем приходящих к нам тому, чему сами веруем. А веруем мы, что един есть Господь наш Иисус Христос, едиnorodный Сын Божий, Бог Слово; прежде всех веков от единого Отца, и в последние дни в образе раба, един от единого горе, един от единой долу: то и другое божественно, а человечески потому, что рожден в нашей плоти и младенчестве; бесстрастный по божеству, но добровольно пострадавший за нас плотию; не неволю подъемлющий домостроительство, но добровольно Себя умаливший, приняв зрак раба И для чего приняв? для того, чтобы и тебя сделать участником славы. Об этом свидетельствует Павел, говоря: *наше житие на небесех есть, отъонудуже и Спасителя ждем Господа нашего Иисуса Христа, иже преобразит тело смирения нашего, яко быти ему сообразну телу славы Его* (Филип. 3, 20, 21). Приняв добровольно тело раба и соединившись с плотию, каким образом Он избежал рабских страданий, а если избежал, то зачем принимал страстный зрак раба? Приняв зрак раба, Он не отказался от рабских страданий, потому что был послушлив. Владычествующий на небе, на земле сделался покорным. Бывший Сыном горе, на земле сделался отроком. Я напому тебе известное пророчество. Блаженный Исаия восклицает: *отроча родися нам, Сын и дадеся нам* (Ис. 9, 6). Что значит дадеся? то, что Он не только был рожден, но и дан, Сый дан был. *Егоже начальство на раме Его*. Какая область воплощенного Бога Слова? Церковь. А что Он сам? Глава тела

Церкви. Зачем Он носит свою область *на раме*? Потому Он возложил ее на свои рамена, что она была поправа. *Его же начальство на раме Его; и нарицается имя Его велика совета Ангел*. Нарицается по таинству домостроительства. Что значит: *Советник, Бог крепкий, Властелин, Отец будущего века*? то, без сомнения, что Он владыка горе, долу подданный; Сын горе, долу отрок; дивный советник горе, долу человек; Бог крепкий горе, на земле человек, заушаемый, подвергающийся бесславию, пригвождаемый ко кресту и претерпевающий на нем смерть. Ибо из того, что касается зрака раба, принятого Богом, Он ничего не отринул, чтобы устроить нам жизнь спасения и излить на нас благодеяние, заслуженное этим великим уничижением. *Не отметаю благодати Божия* (Гал. 2, 20). Я отказываюсь высказывать то, что Он перенес для меня. Бестрастный, соединив Себя с страстною плотию, не отказался от страданий, но перенес их для моего спасения. Деву Богородицу я не лишаю той нести, какую она усвоила себе заслугами в домостроительстве. Если прилично, возлюбленные, прославлять на ряду с жертвенниками Христовыми бесславный крест, носивший Христа, тем более прилично чтить Богородицу, принявшую в себя Божество для столь великого благодеяния. Итак святая Дева есть Богородица. Бог, родившийся от нее, не заимствовал от нее никаких начал бытия, кроме тех, чтобы быть человеком. Итак, еретик, не обещавай себе извинения, когда ты злословишь такого человека, поставляя его в ряд рабов и творений. Не хвались, иудей, как будто ты распял простого человека. Не за простого человека восклицал с негодованием блаженный Давид против этого рода: *да помрачатся очи их, еже не видети, и хребет их выну сляцы* (Пс. 68, 24). Не падет упование Церкви, если она возложила свою надежду на такого человека. Она должна иметь веру блаженному Павлу, который говорит: *Аще бо по человеку со зверем боряхся в Ефесе, кая ми польза* (1Кор. 15, 32)? Не по человеку, не за человека блаженные апостолы положили свою жизнь в ранах, темницах, бичеваниях, не по человеку, не за человека святые мученики, сражаясь по всему лицу земли, убиваемые и поражаемые, оставили сей мир, а за Господа нашего и Бога, который был

прежде всех веков, а после явился на земле и жил с человеками, как овца веден был на заклание, воскрес в третий день, явился пятидесяти братьям, вместе бывшим, и в виду учеников вознесся на небо, откуда подобным образом имеет опять прийти судить живых и мертвых. Сия есть вера наша; на этом основании построена наша Церковь, которую *врата ада не одолеют* (Матф. 16, 18). О если бы, вашими молитвами укрепляемый, я мог воздать достойные хвалы святейшему Богу, которому да будет слава во веки веков. Аминь.

**Беседа Феодота, епископа анкирского,
сказанная в день рождества Спасителя
нашего Иисуса Христа, и читанная на том же
соборе**

Радостна и удивления достойна причина настоящего торжества. Радостна, потому что служит источником общего спасения людей; удивления достойна, потому что превышает законы природы. Природа никогда не знала родившей девы. Благодать же явила и родившую, и сохранила Деву; соделала ее матерью и не повредила девства. Ибо благодать сохранила чистоту. О земля ненасеянная, произрастившая спасительный плод! О Дева, превзошедшая самый рай сладостей! Ибо рай принес известный род растительности, произведши из девственной земли растения; но сия Дева лучше той земли. Ибо произвела не деревья плодоносные, а жезл Иессеев, приносящий спасительный плод людям. И та земля была девственна, и сия – Дева; но там Бог повелел рождаться деревьям; а здесь сам Творец по плоти сделался семенем сей Девы. Ни та земля не имела семян до произведения дерев, ни сия рождением не нарушила девства. Дева соделалась славнее рая. Ибо рай был пред Богом землею возделываемою, а сия родила по плоти самого Бога, когда Он восхотел соединиться с природою человека. Видишь ли, каким образом совершилось чудное таинство, превосходящее законы природы? Видишь ли сверхъестественное дело, совершенное единственно силою Божию? Видишь ли Слово, рождающееся превыше всякого

слова? Ибо что родившийся есть Бог Слово, явно из того, что Он не нарушил девства. Рождающая только плоть перестает быть девою; но как родилось во плоти Слово Божие, то Оно сохраняет девство, являя Себя Словом. Когда же слышишь о Слове, разумеи существенное и ипостасное Слово, а не то, которое произносится устами. Итак рождается едиnorodный Сын Божий, называемый также Словом, становясь Словом не вследствие рождения, но делая рождение началом своего вочеловечения. Ибо Бог Слово прежде веков был совечен Рождающему, благоволил же соделаться человеком для людей, не изменением божественной природы, но чудесно и по божественной воле, делая рождение началом своего вочеловечения. Посему и как человек рождается, и как Бог Слово сохраняет девство. Ибо и наше слово, когда рождается, не портит ума; так и существенное и ипостасное Слово Божие, приемля рождение, не нарушает девства. Итак совершившееся выше законов природы; не нисходи к сим законам. Я говорю тебе о чуде; не прибегай к умствованиям. Я говорю тебе о Боге, приемлющем рождение, а не начало божества. Будучи Богом, Он усвоил Себе рождение, а не рождение соделало Его Богом. Восхотевший быть тем, чем не был, остался тем, чем был. Он избирает рождение, как начало домостроительства. Он соделался человеком, не изменяя божественного естества, не оставляя свойства божественного существа. *Ты тойжде еси, и лета твоя не оскудеют* (Пс. 101, 28), говорит божественное Писание, и еще: *Ты, пребывая во веки* (Варух. 3, 3), показывая этим неизменяемость божественного существа. И опять говорит Бог: *Аз Господь Бог ваш и не изменяюся* (Малах. 3, 6). Итак Он соделался человеком, не изменяя божественного существа, не превращая его в иное естество. Совершившееся не было бы чудом, если бы Он, изменивши свое естество, принял иное. У нас много бывает подобных изменений вещей, но здесь Бог совершает чудо, потому что пребывая тем, чем был, Он соделался тем, чем не был. Тоже самое показывая, великий апостол сказал: *иже во образе Божии сый* (Филипп. 2, 6). Он говорит: сый, а не бывший некогда, чтобы показать неизменяемость естества. Иже во образе Божии сый, не

восхищением непщева быти равен Богу. Он говорит, что есть равен Богу, а не то, что будет некогда. Потом опять восклицает, говоря: *но Себе умалил, зрак раба приим* (Филипп. 2, 7). Видишь ли, как Он, пребывая тем, чем был, умалил Себя до зрака раба, оставаясь тем, делаясь сим; совершает чудо, не изменяя своего естества; Он благоволит, непринужденный к тому, изменением своего существа. Творит то, что говорит, хотя это было выше законов природы; потому что Бог имеет силу совершать чудеса, невзирая на законы природы. Поэтому, будучи Богом, Он умаляется до зрака раба; будучи равным Богу. Он делается человеком; сый прежде веков, претерпевает рождение и совершает чудеса, непостижимые для естественного разума.

Оттого язычники тайну Христову почитают безумием, а иудеи учение о домостроительстве называют соблазном, – что засвидетельствовал и Павел, говоря: *мы проповедуем Христа распята, иудеем убо соблазн, еллином же безумие* (1Кор. 1, 23). Почему для еллинов – безумие? Потому, что *душевен человек не приемлет яже Духа Божия: юродство бо ему есть* (1Кор. 2, 14). Душевный человек, привязывающийся к естественному и исследующий все по началам естественного разума, почитает безумием чудеса Божии, как не имеющие в себе естественных причин. Еллин, когда слышит, что Спаситель прошел сквозь затворенные двери, перенося это на свое грубое и нуждающееся в месте тело, смеется, не веря чуду, а изыскивая причину явления. Также когда слышит, что Дева, по рождении, осталась Девою, считает это глупостию, потому что не научился верить в чудодейственность божественную. Посему, когда слышит, что Бог соделался человеком непреложно, находит это делом невозможным, требуя здесь изменений в природе. Но не так научил Павел, говоря, что Тот, кто равен Богу, сделался человеком (Филипп. 2, 7, 6); ибо Он уничтожил самого Себя, не оставляя полноты божества. Почему и сказал: *мы проповедуем Христа распята, иудеем убо соблазн, еллином же безумие* (1Кор. 1, 23). И почему еллинам безумие? Если распинается на кресте простой человек, то никто не почитает глупым то, что совершается естественно. Если

страдает то, чему естественно страдать, то как почитают безумным повествование об этом? Но как мы проповедуем, говорит он, Христа распятого, которого также называем Божиею силою и Божиею премудростию, (*самим званым, иудеем же и еллином, Христа Божию силу и Божию премудрость 1Кор. 1, 24*), проповедуя, что распятый есть Божия премудрость: то еллины называют это безумием, не умея верить чудодействию Божию, а в рассуждении всех вещей употребляя свои умствования, и думая, что мы наносим оскорбление Богу, когда говорим, что Он усвоил себе наши страдания, чтобы спасти страждущих. Ибо они не видят исполнения этой спасительной и достойной благодати Божией цели, а только говорят, что Бог усвоил Себе страдания, не обращая внимание на то, что чрез это совершилось дело спасения человеческого. Но ничто, спасительное для человека, не унижает Бога; чрез это Бог не является подлежащим страданию, а человеколюбивым. Но я не смею, говорит, приписывать Богу человеческия немощи. Следовательно, по словам твоим, Он не спас человека своими страданиями, не посрамил на кресте власти диавола, не пригвоздил к дереву наших грехов, не исцелил немощей человеческих и не упразднил смерти смертию? Ибо если Бог не усвоил Себе страданий, то отчего бы страдания Христа произвели такие действия? Каким образом явились бы такие силы? Как смерть разрушилась бы смертию, если Бог не усвоил ее Себе? Но эти страдания, усвоенные Богом, получили силу производить такие действия от божества, – так как, будучи усвоены Богом, они не изменили существа Божия, которое навсегда остается бесстрастным. Каким образом пригвождено ко кресту бывшее против нас рукописание грехов, если простой человек претерпел крест? Каким образом крест распял бы грех, или смерть упразднила бы владычество смерти, если бы они не принадлежали Богу и не получили силы от Него, который принадлежащее нам усвоил Себе, не потерпевши ничего в своем естестве? Показывая это самое, великий апостол сказал, что никто из князей века сего не уразумел тайны страданий Господних. *Аще, говорит, быша разумели, не быша Господа славы распяли (1Кор. 2, 8)*. Посему мы говорим, что Он остается

тем, чем был, и сделался тем, чем не был. Ибо, оставаясь в сущности тем, чем был, Он принял немощи, соединившись с немощною природою. Он сделался послушливым, не отлагая царства, сделался человеком, оставаясь Богом и Словом, и будучи бесплотен по естеству, сделался плотию непреложно. Каким образом? Не так, как ты можешь думать, но так, как Он имеет силу совершать чудеса. Ибо, когда я говорю тебе о чуде, оставь свои умствования; знамения и чудеса утверждаются верою в Бога, а не исследуются разумом. По нашему разумению нет никакого чуда, а между тем каждое из чудес совершалось, хотя разум наш не постигает этого. Это признали и волхвы, которые поверили звезде и не усиливались исследовать явление. Варвары принимают верою чудеса, а ты верующий почему остался неверующим, ниспадая к человеческому разуму. Пришедшие из Халдеи, по сказанию евангелиста, ныне показали тайну своими дарами, если правильно разуметь намерение этих варваров. Они приносят три рода сокровищ: золото, ливан и смирну, золото – потому, что приемлющий честь есть Царь; ливан – потому, что рождаемый есть Бог, ибо этот дар по обычаю приносили тем, коих почитали богами; принесли также и смирну, указывая ею, как я думаю, на смертные страдания. Видишь ли, как даже волхвы исповедали, что Он и пребыл Богом, и соделался человеком, восприемлющим смерть? Он сделался подобным мне, чтобы возвести до своего достоинства нашу природу. Ибо соединение производит это, сообщая одному то, что свойственно другому. Итак Он, будучи Богом, сделался человеком для того, чтобы человек был Богом¹⁵, возвысившись чрез эту связь до божественной славы, так чтобы один и тот же и был прославлен, как Бог, и претерпел то, что свойственно человеку. И это исповедали с нами те, кои исповедуют божество и человечество вместе. Ибо то, что соединено, считается не двумя, а одним. Но опять, если ты разделяешь мысль и смотришь на каждую часть в отдельности, то, без сомнения, разрушаешь единство. Ибо невозможно вместе и сохранить единство и рассматривать то и другое в отдельности; но что соединено, то неразрывно едино и никак не составляет двух. Но

ты говоришь: я разделяю только в мысли. Следовательно тою же мыслию разрушаешь единство. Ибо чем разъединяешь одно от другого, тем самымрываешь связь. Итак зачем ты разрушаешь домостроительство спасения, разумея два и отвергая единство? Великий апостол говорит: *Иисус Христос вчера и днесь, той же и во веки* (Евр. 13, 8), называя одного и того же и вечным Богом, и человеком, получившим начало во времени, из которых одним Он был прежде, а другим соделался после. Но каким образом, скажет кто-нибудь, Единородный соделался рабом, оставаясь тем, чем был, и соделавшись тем, чем не был? Если хочешь знать, то знай только то, что соделался, а каким образом, это ведомо одному Творцу чудес. Ты не можешь мне сказать, каким образом у египтян река превратилась в кровь, тогда как природа воды осталась неизменною. Ибо, тогда как евреи употребляли воду, для египтян напротив Нил сделался кровию: сделался тем, чем не был, оставаясь тем, чем был. Каким образом? скажи мне; но ты не можешь сказать. Ибо чудо есть дело Божие, необъяснимое разумом. Еще, каким образом в Египте свет сделался мраком, тогда как свет не исчез, а оставался тем, чем был? Ибо для израильтян был день, и яркий свет светил им, а для египтян этот свет сделался мраком, и тогда как виденное было одно, это был свет и вместе мрак; свет не переменялся, а тьма явилась. Потому что тьма явилась в то время, как свет от этого не потерпел ничего, по чудодействию Божию, не ограничивающемуся естественными условиями. Итак, каким образом вода в Ниле, оставаясь водою, сделалась кровию? Или как свет, оставаясь с своими естественными свойствами, сделался мраком? Ибо одно не потерпело повреждения, и другое сделалось. Вода в своих свойствах не испортилась, – это доказали евреи, употреблявшие ее в питье. Между тем и самая природа воды осталась в своих пределах, и сделалась кровию, чем не была, так как Бог являет чудо непонятным для нас образом. Также, каким образом вавилонское пламя сделалось для трех отроков росю? и пламя было, и роса явилась, и как то, так и другое обнаруживались в свойственных им действиях. Что была роса, это показали три отрока, для

которых она служила прохладой, а что было также пламя, это доказали вавилоняне, сожженные им. Видишь, каким образом огонь остался огнем, и сделался росой: виденное составляло не две вещи, не две природы, но было одним и тем же: что было пламенем, то сделалось росой, при чем пламя не изменилось, как показали вавилоняне, но оставаясь тем, чем было, сделалось росой, как доказали праведники. Итак не спрашивай меня более об образе знамений Божиих; ибо я опять скажу тебе: чудеса показывают только, что совершилось, а знать образ совершения я предоставляю Богу. Затем скажи мне: если Бог совершил это чудо, пламя сделал росой, не изменяя пламени и превращая его в росу, желая разрушить силу тирана, защитить невинно осужденных и истребить виновных варваров, если такого рода чудо совершил Бог, сохранивши огонь в его естественных свойствах, и показавши росу, совершил для сохранения трех отроков, то можешь ли сомневаться в том, что Бог, оставаясь Богом, соделался человеком для спасения мира? Если Ему не было нужды изменять пламя, чтобы произвести росу, то почему, восхотев сделаться человеком для спасения людей, Он имел бы необходимость изменить свое естество? Огонь, не изменяясь, сделался росой; а ты говоришь, каким образом Бог пребывает Богом и делается человеком? Восхотев спасти нашу природу, Бог устроил спасение не чрез других, но чрез Себя самого. Потому что никакая тварь не могла спасти нас по причине глубокого укоренения в нас греха и неправды. Ибо долговременная привычка к неправде заступила в людях место природы, искажая природу. Пророк пророчествовал, но его проповедь не имела силы, потому что неправда брала над нею верх. Ангелы были служителями нашего спасения, и великий апостол так свидетельствует об ангелах: *не вси ли суть служебнии дуси, в служение посылаеми за хотящих наследовати спасение* (Евр. 1, 4). Ангел, существо высшее по природе, служил нашему спасению, но человек, склонный по своей воле ко злу, не спасался. Итак ничто не сильно было победить человеческое нерадение. Ибо зло людей нечестивых брало верх над усилиями добрых не потому, что бы Бог побеждался, но потому, что добродетель Он предоставляет

хотению свободной воли. Ибо Бог не принуждает тебя творить правду и не влечет тебя насильно к добродетели, чтобы ты сам, добровольно совершая добродетель, обращал ее в собственное дело. Итак что же? Так как и пророки были побеждены и учителя ничего не сделали, и закон был бессилен, и попечение ангелов было тщетно, когда воля человеческая не следовала добру, то приходит сам Творец природы, чтобы восстановить падшую природу, приходит не с сильным шумом, как Бог, не с громами, поражающими слух, не окруженный облаками и не показывая в облаках страшных молний, не устрашая слушающих звуком трубным, как некогда являлся иудеям, чтобы внушить страх, не удаляет раба, но наипаче призывает его своею благодатию и благостию. Он не приходит в сонме архангелов, не приводит в движение воинство ангелов, ибо не хотел устрашить уклонившегося от Его закона. Но приходит Владыка всех в образе раба, окруженный бедностью, чтобы не устрашить уловляемого им, рождается в незнатном месте, избравши для сего безъизвестную область; рождается от бедной Девы, принимает всю нищету, чтобы без шума уловить человека во спасение. Ибо если бы Он родился в знатности и явился окруженный великим богатством, то неверующие сказали бы, что богатство произвело перемену во вселенной. Если бы Он избрал великий Рим, то опять перемену во вселенной отнесли бы к силе гражданской. Если бы Он был сын царя, то успех приписали бы власти. Если бы Он явился сыном законодателя, то успех приписали бы его законам. Но что Он делает? Он проходит все состояния бедности и незнатности, все степени скудости, для многих неизвестные, чтобы в преобразовании мира познано было действие одного только Божества. Для сего Он избирает бедную мать, еще более бедное отечество; терпит нищету и эту нищету показывают тебе ясли. За недостатком ложа, на которое Он возлег бы, как Господь, Он полагается в яслях, – и такая крайняя нищета служит прекрасным объяснением пророчества. Он полагается в яслях, показывая тем, что Он дает пищу самым неразумным животным. Слово Божие, полагаясь в яслях и живя в нищете, привлекает к Себе богатых и бедных, красноречивых и имеющих

недостаточный дар слова. Видишь, каким образом состояние нищеты послужило исполнению пророчества, и нищета открыла всем доступ к Нему, обнищавшему нас ради. Ибо никто не удалялся от Христа из боязни Его богатых сокровищ, никому не возбранила придти к Нему высота царства; Он явился общедоступным и бедным, принесшим Себя во спасение всех. Божественное Слово по плоти полагается в яслях для того, чтобы как разумное, так и не разумное имело часть в спасительной пище. Об этом, мне кажется, предвозвестил еще пророк, когда говорил о тайне сих яслей: *позна вол стяжавшого и и осел ясли господина своего, Израиль же мене не позна и людие мои не разумеша* (Ис. 1,3). Потому что, хотя речь имеет тот простейший смысл, что евреи грубее самых неразумных животных, однакож может указывать и на ясли Господа, положенный в которых, Он соделался пищею для неразумнейших¹⁶. Ибо пророк не неопределенно выражается о яслях, но называет их яслями господина своего, означая таким образом, как я думаю, определенные ясли. Но об этом пусть любомудрствует кто как хочет, услаждаясь различным разумением божественного Писания. Мы же покажем, что богатый по божеству обнищал ради нас, соделывая спасение благоприемлемым для всех. Это самое выражая, Павел сказал: *ради нас обнища богат сый, да мы нищетою Его обогатимся* (2Кор. 8, 9). Кто был этот богатый? Почему Он богат? И каким образом Он обнищал ради нас? Пусть скажут нам те, которые отделяют человека от Бога Слова, соединенное разделяют раздельным представлением естеств, называя Христа чем-то двояким, и приводя это в силу только мысли своей для защищения себя. Итак скажи мне, кто это, будучи богатым, обнищал моею нищетою? Тот ли, кто явился человеком, которого ты отделяешь от божества? Но Он никогда не был богат, а родился бедным от бедных родителей. Итак кто этот богатый, и чем богат Он, обнищавый ради нас? Бог богат своим творением. Итак Бог же и обнищал, усвоив себе нищету видимой природы. Он и богат божеством, и обнищал ради нас. Ты не можешь назвать богатым человека, который беден по природе и по состоянию, не можешь сказать и того, что обнищал

богатый божественным величием, если не припишешь Ему того, что свойственно человеку. Посему и апостол, соединяя славу божества с человеческими немощами, и соединенное не желая разделять ни мыслию, ни словом, об одном и том же говорит, что Он и богат по божеству и обнищал по немощам, богат сам в Себе и претерпел нищету ради нас. Итак если богатый божеством обнищал человеческою нищетою, то как не претерпел Он и остальное, благоволивши по милости своей соделаться человеком? Но довольно об этом. Ты обрати взор свой на беднейшее жилище Того, кто богат на небесах, смотри на ясли сидящего выше херувимов, смотри на пелены, которыми повит связавший море песком, смотри на дольнюю Его нищету с размышлением о горнем Его богатстве. Если ты так будешь размышлять о божественном снисхождении Бога Слова, то усмотришь величие Его благодати и человеколюбия. Ибо и в самой этой нищете открывается богатство божества Его, когда звезда указывает бедного волхвам и приводит к яслям бедного варваров. Кроме того о сем обнищавшем возвестили пастырям радующиеся ангелы, воспевая богатство божества Его. И волхвы принесли ливан явившемуся, как Богу, не отделяя естества от естества и мыслию своею не разделяя соединенного, но чрез чудо признавали в явившемся Бога, принесли ливан Ему, показывая сим самым божественное достоинство (Его). И ангелы не разделяли мысленно, как ты, родившегося от Бога Слова, но признавая одним и тем же и видимого и мыслимого, взывали: *слава в вышних Богу, и на земли мир, во человецех благоволение* (Лук. 2, 14), не так, чтобы говорили одно, а разумели другое, как это ты делаешь, и, словами исповедуя единого Христа Иисуса, разделяли Его мыслию, подобно тебе, у которого мысли противоречат словам, но прославили одного и того же Бога. Таким образом в нищете и в яслях Он явился всем. Посему Он и обвивается пеленами и прославляется ангелами, и полагается в яслях и возвещается звездою, но нисшедшею к волхвам звездою, ибо звезды не переменяют своих мест. Но так как в Халдее много наблюдателей за движениями звезд, некая высшая сила, руководя волхвов, приняла вид звезды, дабы халдеи из того,

чему научились, узнали то, чего не знали, и, занимаясь астрономиею, у самих звезд научились тайнам Христовым. Что это была не звезда, а сила ангельская, руководившая варваров к вере, – это показывает сам евангелист, когда говорит, что эта звезда днем иногда являлась, иногда снова скрывалась, а иногда вела волхвов и шла вместе с ними в Вифлеем, чтобы никто не мог сказать, будто это сделала одна из обыкновенных, видимых звезд, а не сила, явившаяся астрономам в виде звезды. Говоря далее о звезде, что она остановилась над младенцем, он ясно показывает, что явившееся было не иное что, как сила. Ибо из числа звезд, расположенных на небе, ни одна не могла остановиться над младенцем, – так как обширность небесного пространства, неизмеримая для взора, не дает чувству видеть ясно ни положения, ни движения звезд. *Ста, сказано, звезда верху, идеже бе отроча.* Следовательно явившаяся звезда, спустившись с высоты, стала ниже, чтобы своим положением указать рождение царя. Ибо волхвы искали царя, спрашивали о рождении царя и говорили иудеям: *где есть рождется царь иудейский? видехом бо звезду Его на востоце, и приидохом поклонитися Ему* (Матф. 2, 2). Ты, волхв, царя ищешь? для чего же приносишь Ему, как Богу, ливан? Но я познал Царя и Бога. Потому приношу Ему и золото и ливан, означая этими дарами Царя и Бога вместе.

Тот, кто неизреченною силою призвал к вере волхвов, установил в настоящий день и этот светлый праздник; но теперь Он уже не полагается в яслях, но предлагается на этой спасительной трапезе. Те ясли сделались как бы началом этой трапезы. Для того Он положен был в яслях, чтобы вкушаем был на этой трапезе; и был для верных спасительною пищею. Те ясли означали сию трапезу, а Дева дала начало сим ликам дев; простота вифлеемского вертепа указывала на эти славные храмы, и тогдашняя пелены послужили к разрешению настоящих грехов. Видишь ли, какая прекрасные действия совершает ныне нищета? Видишь ли, источником какого богатства сделалась бедность? Сделало ли какой-нибудь вред это временное уничтожение, принесшее столько сокровищ миру? Зачем же ты осуждаешь во Христе вифлеемское уничтожение?

Зачем выставляешь на вид нищету, не обращая внимания на блага, доставленные ею миру? Зачем называешь недостойными Бога страдания, которые были причиной стольких благ? Зачем отнимаешь у Единородного раны, из которых проистекло такое спасение людям? Зачем ты привязываешься к страданиям, и не смотришь на то, сколько благ они принесли миру? Зачем называешь недостойною Бога нищету, посредством которой мир обогатился верою? Зачем называешь недостойною Бога смерть, которою Бог разрушил смерть? Для чего отнимаешь у Бога крест, которым Бог восторжествовал над нечестием демонов? Зачем этого только ты не признаешь в Боге, который пригвоздил наш грех ко кресту? Не отвергай страданий, из которых рождается бесстрашие. Не порицай унижения, которым разрушается власть диавола. Не осуждай в Боге заушения, которым Он освободил человека от грехов. Не говори, что недостойны Бога узы, которыми Он разрешил узы греховные. Не называй недостойною Бога нищету, чрез которую диавол, быв богат ложью, оскудел. Не осуждай креста, разрушившего алтари. Не презирай гвоздей, которыми Христос соединил мир в единомыслие веры. Ты обращай внимание не на то, что уничиженно, а на то, что произведено из этого понесшим уничижение. И тогда, если ты благоразумен и веришь вещам очевидным, не скажешь, что это было дело простого человека, подверженного страданиям. Почему ты называешь низким то, что Бог восприял Себе для нашего спасения? Ибо, хотя это суть немощи и по природе и по названию, однакож оне служат к излечению наших немощей. Итак ты называй их не немощами, а врачеством против немощей. Также не выставляй в упрек божеству девственные члены. Ибо по природе своей члены не заслуживают осуждения, но привходящие бесчестные страсти вредят благородству тела. Члены по природе не постыдны, но они унижаются нечистыми пожеланиями. Ибо, если бы они были постыдны по природе, то Бог не сотворил бы их своими руками, так как Бог есть творец не постыдного, но прекраснейшего. Ибо, говорит слово Божие, и *виде Бог вся, елика сотвори, и се добра зело* (Быт. 1, 31). В творении Божиим нет ничего злого по природе, и Бог не сотворил ничего постыдного: но мы, ниспавши

из первобытного состояния, обесчестили свою природу нечистыми пожеланиями. Итак, если Бога нельзя обвинять за то, что Он сотворил женское естество, то для Него не бесчестно было и обитать в нем. Не недостойно Бога обитать в своем творении.

Далее, если ты спросишь, почему Он, оставив небо, обитал в утробе, то я отвечу тебе: потому, что Он, будучи Богом, соделался человеком для человека, не переставая быть Богом и не изменяя своего существа. Итак мы должны исповедовать одного и того же Богом и человеком, – Богом предвечным и человеком, получившим начало в рождении, не два лица, но одно, и не так, чтобы об одном говорили, а двух разумели. Ибо не должно быть противоречия между мыслию и словом. Мы не должны разуметь двух, а исповедовать одного. Ибо что соединено по божественному домостроительству и чудесным образом, то не разделяется ни словом, ни мыслию. Когда в какой-нибудь мысли разделяется соединенное, тогда разумеется разделенное, а самая мысль бывает ложною, разделяя то, что всегда соединено. Следовательно мысль надобно согласовать с словом и называть одно и то же лице Христом и притом человеком и Богом. Посему и разумей одно лице. Если же ты будешь говорить об одном лице, а разуметь два, то мысль твоя будет в противоречии с словом. Итак не говори о двух, разделенных каким-нибудь различием. Если ты соединил словом, а разделил мыслию, то ты отверг единство. Итак не доводи ума своего до разделения естеств, когда Бог чудесным образом произвел единство; верь чуду, и не испытывай умом совершившегося. Не старайся разрешать чудо, чтобы найти его законы. Ибо то не есть чудо, в чем познаются законы. Если известны законы явления, то это явление уже не есть знамение или чудо. Если же это знамение и чудо, то, оставив рассуждение, восприими веру и исповедуй одного Господа Иисуса Христа, Бога и человека вместе, не разделяемого мыслию, для того, чтобы мы, разделяя своими мыслями соединенное, не отвергали домостроительства спасения. Ибо, если единение Бога и человека познается чрез домостроительство спасения, то тот, кто разделяет единство,

отвергает домостроительство спасения. Итак будем иметь веру, как в домостроительство спасения, так и в чудеса, чтобы Христос, в которого мы веруем, исповедующим благодать Его даровал царство небесное. Сего царства да удостоимся достигнуть все мы благодатию Христа, которому слава и держава во веки веков. Аминь.

**Того же Феодота, епископа анкирского,
беседа на день рождества Спасителя,
читанная на соборе в присутствии епископа
Кирилла**

Прекрасен предмет настоящего торжества, приносящий людям общее спасение. Достославно также и настоящее собрание, приемлющее дарованную благодать с благодарением. А благодать, обыкновенно, с обилием изливается на тех, которые приемлют есть благодарением. Потому что дары сообщаются по мере благодарности тех, которые получают их. Когда оказываешь благодарность благодетелю получаешь от него дар, тогда не только вознаграждаешь за полученное, но обязываешь благодетеля к большим благодеяниям. Итак с благодарением принимайте сию предлагаемую благодать и настоящий праздник соделайте светлым для нас. Причиною же настоящего праздника служит явление Бога между людьми, пришествие всегда присущего, присутствие все наполняющего, посещение все видящего. *Во своя прииде*, говорит слово Божие, *и свои Его не прияша*, и еще: *в мире бе, и мир тем бысть, и мир Его не позна* (Иов. 1, 10, 11). Но это неведение не вменяется в вину людям. Бога, по божественному Его естеству, не может объять человеческая мысль; разум человеческий не может созерцать Его; божественное естество не доступно понятию ума человеческого; оно выше того, что постигается нашим чувством. Итак у нас нет познания Бога, по причине превосходства Его естества. Для устранения этого великого для нас несчастья, невидимый принимает видимое естество; неприкосновенный принимает на Себя осязаемое тело; невидимый Бог становится видимым;

Слово Божие облачается в тело; едиnorodный Сын Божий соединяется с своими рабами общением по рождению для того, чтобы естество, превышающее разум человеческий, не оставалось недоступным. Не думай, будто родился Сын, чуждый божеству. Ибо издревле пред изображалось пришествие Божие, и непостижимый зрим был всегда в человеческом образе, при помощи стихий, видимых для нас. Иначе пусть предстанет иудей, пусть придет сюда неверующий явлению Бога в человеческом естестве; пусть скажет мне: каким образом Моисей видел Бога? видел ли он невидимое естество? никак; оно непостижимо для ума человеческого. Итак, как же видел, скажи, умоляю тебя. Он видел огонь, горящий из купины, но самой купины не опаляющий. Почему же не веруешь в рождаемого от Девы, и сохранившего Деву невредимую? Ты, слыша, что Бог провозглашает из купины и говорит Моисею: 'Аз есмь Бог Авраамов, и Бог Исааков, и Бог Иаковль (Исх. 3, 6), а сам Моисей воздает поклонение, веруешь, разумея не огонь видимый, а провозглашающего Бога; когда же я упоминаю о девической утробе, ты отвращаешься. Скажи мне: что́ маловажнее, купина ли, или девическая утроба, чистая от всякой греховной страсти? Неужели ты не знаешь, что события, совершившиеся в древние времена, заключают в себе образы новейших событий, совершившихся теперь? Тайны предуказаны были древним в образах. Почему купина горит, огонь виден, и однакож действия, свойственного огню, не совершается? Огонь светит, а не опаляет, сияет, а не пожирает, оказывает благодеяние, а не причиняет мучений. Неужели не усматриваешь ты в купине Деву? Неужели не видишь во огне любви и человеколюбия Того, кто снишел к нам? Судия обращается между виновными, а суд не производится. Судия находится среди осуждаемых, а наказания нигде не видно. Судия приходит не с судом, а с учением, не с осуждением, а с врачеванием. Видишь, как тот таинственный огонь предъизображал явленное здесь милосердие. Не дивись, что Бог Слово рождается из девической утробы. Бог не делает ничего бесславного в том, что рождается для нашего спасения. Не почитай естество божественное оттого униженным и

презренным, что будто некогда оно подлежало уничтожению. Все слабое и бренное, принятое Богом для нашего спасения, не наносит бесчестия Его естеству; Он усвоил Себе земное, чтобы спасти наше естество. Если же это низкое не делает никакого унижения естеству блаженного Бога и соделывает наше спасение: то как ты смеешь говорить, будто то, что делается для нас во спасение, наносит бесчестие Богу? Итак Бог родился днесь от Девы, а Дева, сохранивши непорочность девства, соделалась матерью. Ибо дающий не растление не производит растления, виновник не растления не совершил никакого растления.

Фотин говорит, что родившийся ныне есть простой человек, и отрицая рождение Божие, утверждает, что произшедший из утробы есть человек, отличный от Бога; пусть же покажет мне теперь, как могло случиться, чтобы человеческое естество, произшедшее из девической утробы, сохранило невредимыми ключи девства. Ибо ни одна мать человека не остается девою. Смотри, как рождение приводит нас к двум мыслям о самом рожденном. Если Он рожден подобно нам, то Он человек; если же сохранил неповрежденным девство матери, то все здравомыслящие признают рожденного Богом. Ибо Бог приходит в мир, не переходя с места на место, но воспринимая мою природу, или, как я сказал, благоволив открыть Себя невидимого по своему естеству. Итак в рождении Он получил начало, не для того, чтобы быть Богом, а для того, чтобы быть видимым для людей. Будучи Богом, Он, по своему милосердию к нам, восхотел сделаться человеком, чтобы мы усвоили себе самого Творца, как уже сродного нам, чтобы мы, обременявшиеся прежде свойством собственных дел, чрез Него самого получили дерзновение. Когда приводимый пред судилище не может опереться на свои добрые дела, он возлагает свои надежды на заслуги своего родственника. Итак что же? Является Бог, как человек, не переходя с места на место, но невидимое свое естество представляя видимым, и будучи видим, как человек, является и родственным людям, как говорит и евангелист: *Слово плоть бысть*. Но кто-нибудь скажет: как возможно, чтобы Бог Слово сделался человеком? Ты

спрашиваешь об образе чудес Божиих? Но если бы мы могли понять непостижимость этого образа, то чудо было бы не чудом, а естественным делом. Если же совершившееся есть знамение и чудо, то образ совершения предоставь чудодействующему Владыке. Я хочу, чтобы ты знал совершившееся и верою получил от того пользу; а каким образом совершилось, это предоставь совершителю. Ты доверяешься наставлениям и предписаниям врача, поручаешь свое здоровье его искусству и не исследуешь с любопытством правил врачевания. Точно также и несведущий в каком-либо другом искусстве не исследывает приемы художника, но, зная произведение, то, каким образом художник создал его, предоставляет самому искусству; а ты стараешься исследовать законы всех божественных чудес, как будто тебе нужно знать эти законы для того, чтобы творить те же самые чудеса вместе с Богом. Повторяю опять, что уже сказал: событие, образ совершения которого мы знаем, не есть чудо или знамение. Вот пример. Архитектор строит дом; мы знаем образ постройки, видим материалы вместе сложенные, можем рассказать, как и из чего дом построен, хотя по неопытности не годимся быть строителями. Единородное Слово Божие Иисус Христос брением открыл глаза слепому от рождения; это выше нашего разумения; и как не может быть постигнуто разумом человеческим, то и именуется чудом; событие, выходящее из обыкновенного порядка вещей, называется знамением; и хотя мы знаем то, что совершилось, но образа совершения объяснить не можем. Из глины выделяется только слабый сосуд, или кирпич, но не образуется изящная форма глаз, не делаются тонкие перепонки, не составляется разнообразный и красивый вид зрачка, не производится художественная округлость с такою прелестью цвета. Из глины нельзя образовать такого благородного органа, как глаз. Итак земля воспринимает несвойственную ей форму (ибо она негодна к тому, чтобы принимать форму глаза), не потому, чтобы сам совершитель чудес служил законам природы, но потому, что природу покорял своему изволению. Посему не ссылайся более на слабость человеческой природы, и не говори: каким образом

человеческая природа могла вместить в себе Бога? Каким образом Бог соделался человеком? каким образом Бог Слово явился в видимой плоти? Но веруй совершившемуся, а образ совершения предоставь знать самому совершителю. Если ты хочешь, чтобы мы пояснили тебе сказанное каким-нибудь примером, то я покажу, каким образом бестелесное воплощается, не видимое делается видимым, неосязаемое становится осязаемым, не изменяя собственного естества, но принимая видимый и осязаемый образ. Слово, которое произносится людьми, которое мы употребляем в разговоре с другими и которым передаем друг другу свои мысли, недоступно ни для зрения, ни для осязания, но воспринимается только слухом. Однакож, когда я беру собственное наше слово в пример ипостасного Слова Божия, то никто не должен думать, будто я говорю, что и божественное Слово произносится устами. Нет. Сын Божий называется Словом потому, что божественное Писание изображает рождение Его бесстрастным, – так как и ум человеческий рождает слово бесстрастно. Поэтому св. Писание называет Его в ином месте Сыном Отца, а в другом Словом, а иногда сиянием Отца. Каждое из этих наименований приписывается Ему для того, чтобы ты имел истинное понятие о Христе, уклоняясь от всякой хулы. Слово Божие усваивает Ему и другие наименования, с тем, чтобы передать учение о славе Божией. Так, например, желая выразить единосущие Сына Божия с Богом Отцом, слово Божие называет Сына едиnorodным. Ибо, как твой сын одной с тобою природы, то св. писание для выражения того, что Отец и Сын имеют одну и ту же сущность, называет Сына едиnorodным, от Отца рожденным, Сыном Отца. Потом, так как с словами рождение и сын у нас соединяется понятие о страдании, которым сопровождается рождение, то св. Писание называет Сына еще Словом, выражая этим последним именем бесстрастность рождения. Но так как всякий сделавшийся отцом, как человек, бесспорно старше своего сына (ибо самое наименование отчества указывает то, что отец представляется в мысли существующим прежде сына): то, чтобы ты не отнес этого и к божественному естеству, но исповедовал

Единородного сущим всегда с Отцом, слово Божие именует Сына Божия сиянием Отца. Ибо сияние хотя происходит от солнца, но не позже солнца; по нашим понятиям, как скоро есть солнце, тогда есть и сияние, из него истекающее. Итак наименование Сына сиянием Отца показывает тебе вечное бытие Его с Отцом, наименование Его Словом – бесстрастность Его рождения, наименование Сыном – единосущие Его со Отцом.

Но возвратимся к прежнему предмету; покажем явление родившегося днесь Бога и уясним примером, как невидимое по естеству становится видимым, и неосязаемое, по своему бестелесному естеству, делается осязаемым. Слово, произносимое нами и употребляемое в наших разговорах друг с другом, есть слово невещественное, невидимое для глаз и неподлежащее осязанию. Но когда это слово облекается в форму букв и вещественных предметов, то становится и видимым и осязаемым. Представь себе кого-нибудь, говорящего с другим человеком. Видишь ли ты слово, выходящее из его уст? Или, можно ли осязать его рукою, когда оно произносится? Если то, что сказано устно, напишешь на бумаге, тогда увидишь то, чего ты прежде не видел, и чрез бумагу и буквы осязеешь образ речи, которую прежде не мог осязать. Почему это? Потому, что невещественное слово приняло вещество бумаги и облеклось в форму букв. Указав этот наглядный пример, я покажу, при помощи его, и то, каким образом единородный Сын Божий, Бог Слово, сущий прежде всех веков с Отцом, бестелесный по естеству и в последствии времени принявший человеческую плоть, родился от Девы, получил начало не для того, чтобы быть Богом, но для того, чтобы явиться в человеческом виде. Не говори мне: если Единородный родился от Отца, то как Он опять рождается от Девы? От Отца Он родился по естеству, а от Девы рождается по божественному домостроительству; там рождается, как Бог, а здесь, как человек и твое слово есть также порождение твоего ума. Но если это слово, родившееся в твоём уме, ты захочешь выразить в веществе и буквах, начертить на бумаге, и напишешь буквы рукою: то слову своему некоторым образом дашь повое

рождение, не потому, будто бы оно получает свое начало с того времени, как ты пишешь его рукою, или когда изображает рука твоя буквы (ибо оно еще прежде родилось из ума), но потому, что в то время оно начинает быть видимым для глаз чрез буквы, изображенные рукою. Итак, если этот пример для тебя ясен и вразумителен, то приложим образ к самому Первообразу. В этом примере ты видишь ум, а в самом Первообразе, для уяснения которого мы взяли его, разумеи Отца; там ты познаешь слово, произведенное умом, а здесь созерцай своею мыслью существенное и ипостасное Слово, рождаемое от Отца; там видишь руку, Рождающую слова чрез буквы, а здесь разумеи Деву, Рождающую Слово по плоти, не так, будто этим рождением она дала начало божеству, по так, что родила Бога, вочеловечившегося и явившегося людям. А так как Бог сделался тем, что и я, то необходимо и родился так, как я, восприпавши вместе с моим естеством и мое рождение. Поэтому Бог Слово усвоил Себе и рождение, и, избравши материю Деву, прошел чрез славную девическую утробу. Бог не отвращается ни от чего, созданного Им, потому что в творении Его нет ничего недостойного Его. Все, что сотворено Богом, добро и притом добро зело, как сам Творец нашел свои творения. *Ибо виде Бог вся, елика сотвори; и се добра зело* (Быт. 1, 31). На все смотри глазами непомяченными от страстей, и если будешь смотреть так, как смотрит Бог, то увидишь, что *вся добра зело*. Отбрось страсти и увидишь красоту творения. Итак что удивительного в том, что Бог восхотел обитать в своем творении и доселе?

Но ты говоришь, что Богу прилично жить на небе; а человека представляешь недостойным Бога обиталищем, рассуждая о существе дела не по истине, а по страсти и по предзанятому мнению. Скажи мне, что выше – человек, или небо? Не смотри на блеск стихий, не предпочитай природе предметов красоту цвета, не изумляйся пред лучами сияющего солнца. Не возмущайся тем, что я, по словам божественного Иова, *кожею и плотию облечен* (Иов. 10, 11); но обрати внимание на превосходство разумной души, рассмотри состав человека, и ты удивишься этому творению. Он имеет разум,

способный господствовать и управлять всеми прочими животными; имеет руки, которые служат его здравому разуму, которыми, как орудиями, производит он всякого рода искусства. Только он один из всех тварей одарен свободным произволом (в своих действиях), одного только человека Бог создал господином его воли. Не видишь ли, что солнце вращается по закону необходимости? Не замечаешь ли, как постоянно и всегда одинаково его обращение? А от чего это? Оттого, что оно не обладает свободною волею; а ты поступаешь свободно, делаешь, что хочешь, не терпишь никакого насильственного принуждения; ты создан свободным по душе. Солнце раболепствует необходимости, а человек одарен свободною волею. Кто же лучше, скажи мне, раб или свободный? порабощенный ли игу необходимости, или свободный от всякой необходимости? Итак ничего нет удивительного, ничего невероятного и нового в том, что Бог обитал в человеке, которого при сотворении благоволил облечь своим образом. Любовь свою к человеку Бог показал в самом начале, когда взял персть из земли и образовал его, соделавши истинным образом своего божества. Для чего Бог, положивши в совете своем почтить человека так высоко, образовал его из такого низкого вещества? Для чего Бог создал человека не из блестящей материи солнца, но из земли, из персти земной, вещества столь низкого и попираемого ногами всех животных? Хочешь ли знать, для чего? Бог почтил человека своим образом и образовал его из бренной материи для того, чтобы преимущество чести не возгордило человека, чтобы, будучи предпочтен (видимой) природе, удерживался от падения мыслию о бренности своей природы и разумел, что преимущество чести даровано ему не по заслугам его, а по благодати дарующего. Итак делом благодати творческой было и то, что образ Божий произошел по своей природе из земли. Эта природа служит залогом смиренной души. Следовательно человек – высокое животное, хотя в последствии времени он и унизился от прившедших к нему страстей. Не смотри на его падение, а цени в нем высокое достоинство божественного образа до грехопадения его. Зачем ты презираешь его падшего

, забывая о первоначальном его устройстве, и не обращая внимания на то достоинство, которым он преисполнен был сначала, и которое снова и с избытком возвратил ему Бог, воссоединивши с Собою свой образ. Ничто не отвергнуто было благодатью Божиею. Для благого Господа не унижительно придти в общение с рабом в рабском его состоянии; чрез это не унижается Благий, а познается тем, что Он есть. Не удивляйся этому. Если ты устроишь себя самого в жилище для Бога, то и Бог будет обитать в тебе, хотя и не так, как во Христе. Ибо во Христе живет вся полнота божества *телесне* (Колос. 2, 9). Но, о чудо! Вся полнота божества обитает телесно в одном и однакож наполняет все и возвышается над всею тварию, всецело находится в одном и не отделяется ни от одного из творений. И сказанное не должно казаться тебе невозможным. Так, например, я произношу теперь слово; это слово все находится в одном, и также делается присутствующим во всех; и все это слово усвоил себе один, но от многих других оно не отчуждается. Итак, если вещь, имеющая начало и конец, вся существует в одном и вся обретается во всех: то что удивительного, если Бог и весь был на небе и весь находится во всем?

Итак причина торжества в настоящий день заключается в том, что Бог, соделавшись человеком, восприимчив человеческое, чтобы сообщить человеку божественное, усвоил Себе страдания (τὰ πάθη), чтобы даровать нам бесстрастное (ἀπάθειαν), подвергся смерти, чтобы даровать нам бессмертие. Он принял на Себя наши немощи, как свои собственные; однакож не изменил своему собственному естеству, и усвоил их Себе по своему свободному хотению; и это сделать было весьма прилично, когда Он определил спасти человека. Почему же Он усвоил Себе немощи человеческой природы? Потому, что восхотел немощи уничтожить немощию же, смерть упразднить смертью и подобное победить подобным. Он восприимчив на Себя крест, претерпел заушения, возложил на Себя узы, чтобы страдания, сделавшиеся страданиями самого Бога, получили силу против страданий. От этого божественное естество не потерпело повреждения, приняло на себя немощи, не изменяясь само в себе, но сообщило этим немощам силу

против немощей. Ибо смерть, как смерть самого Бога, упразднила смерть; умирая, Бог разрушает владычество смерти, потому что Он был Бог и человек вместе. Но чтобы и это для тебя было яснее, обратимся к примеру, прежде приведенному нами. Представим себе, что царь издает какой-нибудь эдикт, возвещающий кому бы то ни было свободу, или другую царскую милость, и, выразивши свою волю буквами на какой-либо хартии, посылает в тот или другой город; представим, что этот эдикт, который на языке римлян называется священным, перехватил кто-нибудь неверный, непокорный, недруг государства и враг царя, и, перехвативши, разорвал; скажи мне: что здесь разорвано, хартия ли только, или царский декрет? Если скажешь, что одна хартия, то этот поступок, – раздрание хартии – может искупиться слишком малою ценою, – виновник его или вовсе не был бы подвержен никакому наказанию, или заплатил бы каких-нибудь пять олов. Между тем такой человек подвергается самому строгому наказанию, определенному за уголовные преступления, не только как разорвавший бумагу, но и как уничтоживший царский декрет, не смотря на то, что царское слово не терпит от этого ничего, оставаясь тем, что по существу своему не может быть осязаемо рукою или разрываемо. Однакож оно как бы разрывается, потому что ему усваивается то, что свойственно бумаге и письмам. Из этого видишь, каким образом то, что само по себе не подлежит никакому страданию, подвергается страданию, потому что сообщается с предметом, подлежащим страданию. Слово само по себе не может быть разорвано на части, но оно принимает на себя страдательное состояние бумаги и писем. Итак пусть не извиняется иудей тем, будто он пригвоздил ко кресту простого человека. Ибо то, что видимо для глаз, была бумага, но то, что сокрывалось в ней невидимо, было царское слово, выраженное не языком, а в существе. Единородный называется Словом, не тем словом, которое произносится устами, но ипостасным и существенным, и как Слово, не подлежащее страданию, Оно не страдало в своем естестве, но перенесло на Себя страдания видимой природы, как свои собственные. И как царский эдикт, явившись

в вещественном виде бумаги и писем, обратил на себя страдательное состояние бумаги: так и единокровное Слово Божие усвоило себе страдания пригвожденного ко кресту тела. Почему, как тот, кто разорвал царскую священную хартию, подвергается тягчайшему наказанию, как бы повредивший самый царский эдикт: так и иудей, распявший видимое естество И. Христа, подвергся за то наказанию, как восставший против самого божественного Слова. Ибо Бог наказывает за такое злодеяние, как за оскорбление Его самого. Но об этом довольно сказано. Надобно взять в расчет и вашу память. Ибо обилие речи, обременяя мышление слушателей, приводит слушателей к забвению того, что было сказано. Благодать Божия да совершит то, чтобы вы могли, и сами обнять памятью сказанное, и другим доставить из того пользу, и наследовали царство небесное. Сего царства да достигнем все мы – благодатию Иисуса Христа, которому слава и держава во веки веков. Аминь.

**Беседа Кирилла александрийского,
говоренная в Ефесе, в день св. евангелиста
Иоанна**

Никакое слово недостаточно для выражения славы и достоинства святых. Ибо они являются в мире, как *светила, слово живоотно придерживающе* (Филипп. 2, 16), как сказано в Писании. А когда они проповедуют божественные тайны, прилично сказать им от лица всех: *не вы есте глаголющии, но Дух Отца вашего глаголяй в вас* (Матф. 10, 20). Они провозвестили нам Иисуса, истинный свет и жизнь вечную, которому мы говорим словами блаженного Давида: *вся земля да поклонится Тебе и поет Тебе: да поет же имени твоему, Вышний* (Псал. 65, 4). Когда закон, обнародованный чрез Моисея, имел еще свою силу, и Евангелие еще не было возведено, тогда был *ведом во Иудеи Бог, во Израили велие имя Его* (Псал. 75, 2). Моисей был слаб голосом и косноязычен; поэтому и закон слышался только во Иудее. Но когда воссиял истинный свет, и Бог Слово, как один из нас, восприял плоть и

кровь (Евр. 2, 14), тогда все исполнилось Им: везде храмы и алтари, везде собрания торжествующих, поклонники, добрые пастыри и стада духовных овец, во множестве наполняющие священные пристанища. До пришествия Спасителя нашего род человеческий блуждал по земле: люди служили твари вместо Творца (Рим. 1, 25), поклонялись произведениям рук своих, и у всякого заблуждающего богом было то, что ему нравилось. Но явилось нам, как я сказал, едиnorodное Слово Божие, добрый Пастырь, истинный Агнец. Святая и неискусомужная Богородица Мария родила из девической утробы, как животворное семя, вочеловечившегося Бога, свободного в образе раба, уподобившегося нам ради нас и высшего всей твари, Того, который умалил Себя ради нас, и явился в божественной славе, Того, который уничижил самого Себя и восседает на престоле со Отцом, Того, который истощил самого Себя и от своей полноты разделяет достойным блага, Того, который по человечеству вместе с нами творит поклонение, и как Бог, служит предметом поклонения не на земле только, но и на небе. Ибо, по слову Божию, *егда вводит Первородного во вселенную, глаголет: и да поклонятся Ему вси ангели Божи* (Евр. 1, 6. Псал. 96, 7). Каким образом Он введен был во вселенную? Эту тайну открой мне ты, евангелист, скажи мне ты, Святой Иоанн, называемый сыном грома, ты, поражающий вселенную великим и необычайно сильным звуком, обладающий бессмертным гласом! Вот какое собрание пастырей приступило к тебе; отвали нам камень, как св. Иаков пастырям (Быт. 29, 10); открой нам кладезь жизни, чтобы и мы ныне могли почерпать из источников спасения; в особенности же предложи нам свой источник жизни. Итак внимайте словам его: *в начале бе Слово, и Слово бе к Богу, и Бог бе Слово; сей бе искони к Богу* (Иоан. 1, 1, 2). Что едиnorodный Сын Божий неизреченным образом родился от Отца, этому мы издревле веровали; ты, евангелист, присовокупи к сему и остальное. Итак внимайте опять словам его: *и Слово плоть бысть* (Иоан. 1, 14); не вселилось в человека, а соделалось плотию, т. е., человеком. Едиnorodное Слово Божие соделалось человеком, не переставая быть Богом, но и в воплощении оставаясь тем, чем было. Ибо естество

Слова неизменно. В Нем нет и тени изменения. Так разуместь научил нас св. евангелист, – эта истинно-великая и светлейшая звезда, звезда спасительнейшая не для тех, которые переплывают это чувственное море, но для тех, которые стремятся к благочестию, которые любят истину и желают иметь правую и чуждую заблуждений веру. Итак кто хочет плавать таким образом, тот пусть впечатлеет в уме своем слова сего богослова, как бы звезду; – тогда он преодолет свирепые волны ересей, приплывет к тихому пристанищу и достигнет самой истины, т. е. Христа, в котором Отцу со Святым Духом слава и держава во веки веков. Аминь.

**Беседа Феодота, епископа анкирского,
говоренная в Ефесе против Нестория, в день
святого евангелиста Иоанна**

Что́ для нашего тела врач, то́ для души пастырь (ἱερεὺς). Так как заблуждение составляет душевную болезнь, которая, застареваясь, поражает смертью: то благодать Св. Духа даровала для души священно-действенное врачество и отсекала член, пораженный болезнью, не потому, что бы пренебрегла этим членом, но для того, чтобы сберечь остальные члены. Так как яд болезни, поражая член, мало помалу стал бы распространять свое разрушительное действие: то благодать отсекает гнилой член, чтобы тем остановить распространение болезни. И это не жестокий какой-нибудь способ врачевания, а целительный. Врач со слезами отсекает член; но как он не щадит болезни, то и обращает отнятие члена в способ врачевания. Этот род врачевания также не новый, по древний, употреблявшийся в начале. Им врачевали и хранили сию досточтимую Церковь св. отцы. Ибо пастырь владеет мечем не для того, чтобы причинять вред, а для того, чтобы врачевать. Внушая это, небесная благодать объявила Иеремии: *се поставих тя днесь над языки, да искорениши и разориши, и расточиши и разрушиши, и паки созиждеши*, (Иерем. 1, 10). Ибо не насадится благочестие, прежде чем исторгнется нечестие. Сначала нужно орошать, с усердием земледельца

засевать слова благочестия, а потом уже употреблять всякого рода врачевания. А когда болезненное разрушение усилится до такой степени, что не будет покоряться врачеству, употребляется врачебное отсечение пораженных болезнью членов. Ибо как иначе врачевать тех, которые дошли до такого состояния, что поносят в Боге дело человеческой природы и благодать делают предметом посрамления? Что ты скажешь? отвечай. Ты говоришь: я не допускаю, что Бог страдал. Если ты относишь это к естеству божественному, то не заблуждаешься. Если же ты совершенно отрицаешь страдание, то отвергаешь домостроительство спасения. Итак не укоряй Бога за страдания, но смотри на плоды его страданий. Бог снизшел в состояние унижения, но чрез то не потерпел умаления в существе своем, а нам даровал благодать. Оставаясь тем, чем был, Он воспринял то, чем не был. Он не переставал быть Богом в существе своем; соделался, по своей любви к тебе, тем, что ты. Итак не обращай в посрамление образ врачевания, и не осуждай врача, если в состоянии телесного унижения Он соделал твое здоровье. В унижении Его нет ничего бесчестного; но Оно служит доказательством человеколюбия. Он нисходит к тебе не для того, чтобы оставаться долу, но для того, чтобы привлечь тебя к Себе. Не отвергай нисхожденья, чтобы не лишиться восхождения; восприими унижение, которое породило твою славу. Божественное существо не потерпело никакого бесчестия, но благодать даровала тебе блага. Господь унижается ради тебя – раба, подвергшегося бесчестию. Он взял на себя то, что принадлежит тебе, потому что ты оставил то, что свойственно Ему. Мы удалились от благого Господа и не сохранили благодати, дарованной Им. Мы получили в наслаждение райское блаженство, но нарушили закон, изменили Закоположнику, склонились на сторону врага, и ниспали с высоты чести. Беглый раб скитался по этой дольной стране и не поднимал очей своих к Господу; им овладели чувственные страсти, сила греха держала его в оковах. Он отчаявался в возможности для человеческого ума взирать на Бога. Что же? Разве Бог, по моему закоснению, допустит потерю такого прекрасного стяжания, каково стяжание человека? Нет.

Бог не потерпел этого. Ибо неприлично было, чтобы зависть (диавола) взяла верх над благостию Господа; неприлично было также и то, чтобы дар Божий покорился коварству диавола. Что же делает Господь? Приходит к заблудшему рабу; ибо раб не мог придти к Нему самому. Он приходит к рабу не в величии Владыки, не с чинами ангелов, не в сонме архангелов, не с огнем, сокрушающим стихии; ибо это значило бы обратить в бегство раба; а Он приходит с тем, чтобы уловить раба и возвратить свое стяжание. Он не удаляет раба своим явлением, но с смиренным лицом призывает к собеседованию с Собою; делается сорабом, чтобы открыться Господом. Посему великий апостол говорит: *сие да мудрствуется в вас, еже и во Христе Иисусе* (Филипп. 2, 5). Здесь называет Его Иисусом. Скажи, какое имя мать дала младенцу? Ты назовешь Его именем Иисуса? Где же тот, кто разделяет Христа? Где тот, кто таинство наше подводит под одно имя, но с различными знаменованиями, кто называет Христом одного, а на самом деле полагает двух, одного раба, другого Господа, одного страждущего, другого непричастного страданиям? К чему служит одно наименование, когда полагаются два предмета? *Сие да мудрствуется в вас*, говорит апостол, *еже и во Христе Иисусе*. Того, кто видим был, называет Иисусом, – каковое наименование дала Ему мать. Во всяком должны быть те же чувства, какие и во Христе Иисусе. Что же мы видим во Христе Иисусе? То, что *иже во образе Божии сый, не восхищением непщева быти равен Богу* (Филипп. 2, 6). Что же это значит? Человек, приобретший свободу, из превозношения не терпит ничего рабского, чтобы не повредить как-нибудь своей свободе. А Христос? так как Он был Господь по существу своему, то и не превозносится тем, что Он равен Богу. Тайна домостроительства спасения не повредила божеству. *Иже во образе Божии сый, не восхищением непщева быти равен Богу, но Себе умалил, зрак раба приим* (Филипп. 2, 6, 7). Объясни мне уничижение Единородного. Как Он уничижил Себя, если не потерпел того, что свойственно людям? Впрочем, когда мы говорим, что Бог страдал, то не относим страданий к Его существу. Ибо Бог по существу своему непричастен страданиям;

но Он подвергся страданиям по своему соединению с тем, что может страдать. Милосердый Господь определил сострадать своему рабу; но как по существу своему Он непричастен страданиям, то и исполнил свое определение чрез соединение свое с тем, что может страдать. Так Господь пришел к нам, так предстал беглому рабу; Он явился, как сораб, и изливал благодеяния, как Господь; носил в Себе образ раба и даровал благодать свою, как Господь; алкал, как раб; и умножал хлебы, как Господь; как человек, утомлялся, и, как Бог, ходил по поверхности моря; страшился креста, как человек, ибо видимое Его естество подвергалось страданиям; а сокровенное существо Его открывалось чудесами, Таким образом, явившись человеком, Он всех нас привел в содружество с Собою. Он поставил нам учителем Иоанна, сына грома, который составляет дар этой митрополии и общее сокровище мира, и который в одном стихе выражает существо веры: *Слово плоть бысть* (Иоанн. 1, 14). Слово, которое было, стало плотию. Оно *было* – по естеству, а стало -по домостроительству спасения. Чрез Него и с Ним Отцу, со Святым Духом, да будет слава и держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Защитительная речь Кирилла александрийского, к императору Феодосию

Благочестивейшему, боголюбивейшему и христоролюбивому императору нашему Феодосию, всегда победоносному, августу, Кирилл о Господе спасения (желает).

Божественное и бессмертное естество, которое над всем владычествует, которое живет во свете неприступном и восседает на престоле высоком и Ему одному приличном, которому предстоят начала, господства, власти и святые серафимы, пред которым, как говорит св. Писание, страшатся и трепещут все твари, – это естество, столь преславное и достойное крайнего удивления, имеет и снисхождение, равное величию его превосходного и неизреченного могущества. В противном случае сотворенная природа не могла бы сносить Его великой и неизреченной силы и власти. Поэтому блаженный

пророк Давид, вознося к Богу молитвы за себя и всех других живущих на земле, говорит: помяни, Господи, *яко персть есмы* (Псал. 102, 14); и опять: *аше беззакония назириши, Господи, Господи, кто постойт* (Псал. 129, 3)? Поэтому же и блаженный Иов, искушаемый диаволом, удрученный жесточайшими и несносными бедствиями, восклицал к Богу: *почто неси сотворил беззаконию моему забвения, и очищения греха моего* (Тов. 7, 21)? Запечатлел ми еси беззакония в мешце, назнаменал же еси, аще что неволю преступих (14, 17). Но здесь, я думаю, тотчас скажет кто-нибудь: зачем же, о великодушнейший из подвижников, упрекаешь Бога за то, что Он не являет своего милосердия? Когда ты согрешил, виновен ли Законодатель, что Он не забывает грехов? нисколько. Он сказал: почему же милосердый по самой своей природе и бесконечно превосходящий всех своею славою не являет на мне своего милосердия и своей славы? Если бы было возможно для человеческого ума не падать при обстоятельствах всякого рода: в таком случае Судия строго и тщательно судил бы его, запечатлевал бы беззакония как в мешке, отказывал бы в забвении грехов тем, которые бы согрешали и невольно. Но так как много согрешаем все мы, и быть свободным от всякого проступка свойственно только Ему одному: то должны быть забываемы прегрешения слабых. Итак возвышенным и великим свойственно иметь и снисходительность. И действительно, это незлобие, эта снисходительность принадлежат высочайшему божественному естеству; а в след и по примеру его и вашему величеству, христоролюбивейшие императоры. Поистине, вы некоторый образ и подобие небесного царства; вам одним досталось в удел господствовать над всеми, сохранять и оберегать своих подданных страхом и кротостию, и изливать на всю вселенную славное и мирное благоденствие. Это то и побудило меня успокоить ваше оскорбленное благочестие правдивым защищением. При этом я невольно опускаю то, что особенно было бы полезно для моей цели, боясь оскорбить, всеми признаваемое, право вашего величества. Ибо хотя я и могу сказать, что я чужд его (Нестория) безумия, но если бы, забыв всякое приличие, стал я утверждать, и притом пред вами

лично, что я ничем не увлекался, то сказал бы это, может быть, не безнаказанно. Я боюсь противиться вашему мнению не из опасения подвергнуться несправедливости или чему-нибудь такому, что постигло Израиля. Был ли кто-нибудь так невинен, чтобы не погрешил когда-нибудь? Много согрешаем все мы, и человеческая природа, как бы пораженная болезнью, удобопреклонна к греху, так что и самый ревностный блюститель закона никогда не мог считать себя совершенно чистым и безгрешным пред Богом, и слышал Бога, говорящего к нему: *се Аз суждуся с тобою, внегда рещи тебе: не согреших* (Иер. 2, 35). Итак лучше и благоразумнее уступать сильным и молить их о прощеньях прегрешений. Ибо, как я сказал, ваше величество должны забывать проступки, подражая в этом самому Богу.

Я писал сначала к вашему благочестию, потом также к славным императрицам, и делал это вовсе не с тем, чтобы произвести в вашем священнейшем доме разногласие или какое-нибудь смятение; нет, я не так несмыслен и скудоумен; – но я знаю, что те, которые поставлены служить святейшему Богу, должны быть трезвенны и бодрственны, должны наблюдать и тщательно исполнять угодное Ему, должны опасаться того, чтобы не подвергаться верной гибели, если окажутся ленивыми в исполнении своих обязанностей. Мы должны утверждать в вере тех, которые уже уверовали в Господа нашего Иисуса Христа, которых Он приобрел своею кровию, соделал истинными поклонниками и наименовал *родом избранным, царским священством, народом святым, людьми обновления, чтобы возвещали добродетели из тьмы всех призывавшего в чудный свой свет* (1Петр. 2, 9). Изрекая заповеди избранным в священный сан, Господь так говорит блаженному Иезекиилю: *сыне человече, глаголи к сыном людей твоих, и речеши к ним: земля, на нюже аще наведу меч, и поймут людие земли человека единого от себе, и поставят его себе в стража, и узрит меч грядущий на землю, и вострубит трубою, и проповесть людем, и услышит услышавый глас трубы, а не сохранится, и найдет меч, и постигнет его, кровь его на главе его будет: яко слыша глас трубы и не сохранился, кров его на нем будет: а сей, понеже*

сохранился, душу свою избавил. И страж, аще увидит меч грядущ, и не вострубит трубою (м не проповесть людям) и людие не охраняет себе, и нашед меч возмет от них душу, та убо беззаконния ради своего взяся, а крове ея от руки стража взыщу (Иезек. 33, 2–6). Я думаю, не излишне будет обратить внимание на силу этих слов, и не бесполезно выяснить сокровенный их смысл. Итак, когда ожидают нашествия каких-нибудь варваров, начальники города ставят некоторых на открытых местах и на высоких башнях, повелевая им постоянно смотреть в поле, и внимательно наблюдать, чтобы с какой-нибудь стороны не пробрался в город кто-нибудь из неприятелей. Когда же стражи известят город благовременно о неприятельских замыслах, они признаются достойными немалых почестей; напротив, когда своею беспечною они допустят неприятелю овладеть городом, или легко достигнуть чего-нибудь, в таком случае расплачиваются своими головами и приговариваются к самым тяжким казням. Подобным же образом и каждый из иереев (так как поставлен от Бога стражем) приобретет себе венец своею бдительностью, если будет стараться возвещать людям опасное и угрожающее им зло. Если же он молчит, то впадает в бедствия, посылаемые обыкновенно гневом Божиим; потому что своим молчанием допускает впасть в большие бедствия тех, которых он должен бы своим голосом направить на путь истинный. Брань была предпринята не против какого-нибудь частного и подобного нам человека, а против Спасителя всех нас, Христа Господа. По словам Писания, *никтоже речет анафема Иисуса*, токмо о веельзевуле (1Кор. 12, 3), т. е. никто не отрицается Христа, если не подущается к тому от сатаны; и в этом никто не сомневается. Итак этот дракон-отступник, т. е. сатана, нашедши неосторожного, особенно же развращенного умом человека, пастыря, дерзновенным языком его неразумно порицает догматы истины, отнимает у Христа Спасителя нашего самую существенную и очевидную славу Его (ибо дерзок и в необузданном вероломстве безрассудно решается и на самое гнусное), наполнил все церкви смятениями и раздорами. Когда же была преоборевается таким образом правая вера, повсюду

возникали разногласия и сильно смущали и беспокоили верующих сомнением: не погрешают ли они, почитая Христа истинным Богом. И что затем последовало? Заразительная болезнь, имеющая началом своим ложь, а отцом сатану, поразила всю подсолнечную. И так как мы поставлены от Бога стражами, обязанными иметь непрестанное попечение о людях, то не должны ли были мы тотчас же смело взять священную и церковную трубу и возвестить о нашествии дьявольского меча тем, которые желают соблюсти благочестие? Ибо какое наказание определил Бог тем, которые молчат? *крове ея от руки твоя взыщу*, говорит Он (Иезек. 33, 6). Но твое сердце, боголюбивейший император, было непоколебимо и безопасно. Да, я торжественно возвещаю, а еще лучше меня и громче говорят о том самые дела, и свидетельствует время, что вы с горячностью ревновали о благочестии и спорили о славе с вашими предками; мало того, – так как им еще делает честь то, что вы превосходите их благодушием, то я без всякой лести скажу, что вы заявили гораздо лучший и достохвальный взгляд на это дело. Я знал, как непоколебима в вас вера, как тверда любовь ко Христу. И не напрасно писал я, прося вас оказать помощь другим, или лучше – всем церквям: потому что вы привыкли помогать. И как труба, возвещающая о нашествии варваров, во всяком, особенно сильном и храбром воине, возбуждает мужество, а робкого и новобранца заставляет бояться того, чтобы, попавшись каким-нибудь образом по неблагоразумию в ряды неприятелей, не сделаться добычею их жестокости: так и то, что я писал о Христе, возбудило ваше благочестие против мечей дьявола, а других – легкомысленных и удобопреклонных ко злу делало осторожными и твердыми. Многие не так легко и удобно принимают таинство Христа; учение о Нем чрезвычайно глубоко; даже люди, особенно сильные умом и непрестанно изучающие писания, едва познают Его, и то только как бы в зеркале и гадании. А так как, по словам священнейшего Павла, *тлят обычаи благи беседы злы* (1Кор. 15, 13), и капля капающего, как говорит Соломов, продабливает горы: то если бы те вредные речи падали на умы людей на подобие капли капающей сверху, то и в таком

случае они некогда причинили бы весьма немало вреда. Итак составленное мною увещание полезно и необходимо, с одной стороны, для обуздания тех, которые без всякого рассуждения подняли брань против Христа, а частью для утверждения и вразумления тех, которые имели не совсем точное познание о таинстве, и речами прелестника были колеблемы и потрясемы, как жестокою бурей. А что я писал по необходимости, это можно доказать из самой сущности дела. В прежние времена и много столетий назад, все человеческое далеко было от Бога, потому что грешила вся земля, и, как поет блаженный Давид, *вси уклонишася, вкупе неключими быша*, все даже до единого (Псал. 13, 3), но *посетил есть нас Восток с высоты* (Лук. 1, 78): явилось к нам едиnorodное Слово Божие, обращалось с живущими на земле (Варух. 3, 38), соделавшись подобным нам человеком, но пребывая в то же время по естеству Богом; уничтожив средостение ограды, соединил нас чрез Себя самого с Богом и Отцом (Ефес. 2); забыв наши оскорбления, Он освободил нас от греха, который удалял нас от Него, и оправдал верою. Ибо Он есть мир наш, по Писанию (Ефес. 2, 14). Итак повреждение веры повлекло бы за собой расторжение уз мира нашего, уз, которыми мы соединяемся с Богом, и помрачение или исчезновение пути правды для умов наших, чтобы не сказать более; потому что мы оправдываемся чрез святое крещение, возвещая смерть Христа и вместе исповедуя воскресение Его (Рим. 6, 3–11). Однакоже мы, христоролюбивейший император, возвещаем смерть не обыкновенного человека, но вочеловечившегося Бога, страдавшего, как писано, за нас по плоти, живого как Бога, и пребывающего бесстрастным по своему естеству. Следовательно, когда надежде христиан угрожала явная опасность от речей прелестника и невежественного, разнузданного языка его, тогда мы, о император, вынуждаемые необходимостью, вспомоществуемые оружием самой истины, не могли оставить без защиты правоверующих. И к этому побуждало нас в особенности следующее. Блаженные отцы наши, получивши от Бога священство, бестрепетно выступали против развращения еретиков своего времени, а в особенности

нечестивых ариан, не смотря на то, что тогдашнее правительство не знало истины, даже было единомысленно еретикам, и скрежетало зубами против учителей Церкви. Препобеждая в себе всякий страх, они смело проповедали правое и неукоризненное учение веры. Они знали, что сказал Господь наш Иисус Христос: *не бойтесь от убивающих тело, души же не могущих убить: бойтесь же паче могущего и душу и тело погубить в геенне* (Матф. 10, 28). Итак, когда они не умолкали, защищая от нападений врагов славу Спасителя всех нас, не взирая на то, что жесточайших врагов имели в лицах, имевших в то время в своих руках власть над всеми, могли ли мы не последовать за ними по стези их ревности о Христе и преданности Христу? Могли ли мы не противопоставить истину словам того хулителя? Как я сказал, мне известна была твердость вашего благочестия в вере: я твердо был уверен, что он (еретик) вам угоден не более, чем мне: что же могло побуждать меня к молчанию? Нерешительность едва не отвлекла меня от приятной обязанности и не довела до оскорбления Бога. Но я говорил самому себе: твое молчание не может иметь извинений; своим молчанием ты тяжко погресишь и пред Богом и пред людьми: благочестив и христолюбив тот, кого Бог почтил императорским достоинством: такими же достоинствами блистает и славная двоица светлейших императриц; таковы же и другие честные и чудные девственные лица; затем и остальные, близкие к первым и по сану и по достоинству, украшаясь правою и непорочною верою, также удручаются чрезмерною скорбью, видя презрение к славе нашего Спасителя. Почему же ты не совершаешь мужественно того, что считаешь угодным Богу? Не должно ли почитать нерадивым того корабельщика, который не хотел бы плавать, когда парус направляется благоприятным ветром? Не подвергся ли бы обвинениям в малодушии и трусости тот, кто, будучи поставлен в строю и вспомоществуемый множеством храбрейших воинов, трусил бы и бросил щит в то время, как мог бы одержать победу? Побуждая самого себя такими размышлениями и уповая на благочестие вашего величества, я безбоязненно выступил на

середину, считая необходимым обличать недостойные ругательства против Христа. – К сказанному доселе считаю нужным прибавить еще и следующее. Избран был Несторий, как опытный в евангельских и апостольских учениях, искусный в распространении и умножении благочестия, и притом содержащий правую и совершенно непорочную веру; и избрания этого человека желали и ваше величество, и все предстоятели святых церквей, и я сам. Потому что, когда получил письма от рукополагавших его благочестивейших епископов, извещавших меня о его рукоположении, я нимало не медля и сам написал к ним, выражая свою радость и похваляя их избрание, и желая (новопоставленному) всего лучшего от Бога. А что последовало за тем, виною тому должно считать не наше избрание, а его непотребство. Он был избран, как агнец, а оказался волком; избран, как добрый и верный служитель, но возлюбил противное; избран, как плодоносный виноградник, а *сотвори*, как написано, *терние* (Ис. 5, 2); избран, как трудолюбивый земледелец, а он расставил сети на пашне; избран, как добрый пастырь, но сделался свирепейшим лютейших зверей. Потом, когда уже он, – не знаю вследствие каких причин, – недоговал развращенными мнениями, часто и притом многими был увещаваем. Но сделали ли его лучшим эти увещания? Пробудили ли в нем угрызение совести? Обратили ли его на лучшее? Получил ли он от них какую-либо пользу для души своей? Возненавидел ли ложь? Возлюбил ли истину? Отверг ли мрак невежества? Взыскал ли света? Престал ли пустословить против Христа? Убоялся ли множества противоречащих ему? Остановился ли, увидев многих и почти бесчисленных противников? Отнюдь нет, как ясно доказал самый исход дела. Когда по указу вашего величества, собрался со всех сторон наш святой собор в эфесекой митрополии, прибыл туда и он (Несторий); тогда как ему следовало бы плакать и скорбеть о прежнем, он, как будто бы никому не сделал препинания тем, что дерзновенно пустословил, живя в этом великоименитом городе; присоединил к прежнему еще худшее, и не усомнился изрыгать еще более гнусное против славы нашего Спасителя, слишком мало, даже вовсе не

обращая внимания на возводимое на него обвинение в богохульстве. Лучше умолчать о том, что он дерзнул говорить, и притом рассуждая с святыми и прославившимися в добродетелях всякого рода епископами, сверх того весьма искусными в божественных писаниях. Сильно огорченные его богохульными речами против Христа и приведенные в крайнее негодование от его необузданного и дерзкого языка, эти последние умыли пред ним свои руки и не без слез донесли святому собору о том, что слышали от него, но не тайно, а смело, с полной уверенностию в справедливости своих слов, и готовые изобличить его в том, что он сказал против Христа то, о чем и помышлять незаконно. Поступили же они таким образом, страшась суда божественного судилища. Они не имели недостатка в любви, но более пламенели божественною и непорочною любовью ко Христу. Как покорные скипетру вашей священной власти, будут ли то благородные военачальники, или украшенные каким-нибудь другим саном и почестями, делаются особенно знаменитыми и вам любезными, если исполняются негодованием против тех, которые подвигают дерзкий и необузданный язык против вашей власти, или которые хотели бы сделать что-нибудь иное противозаконное и непозволенное: точно также делается достойным всякой похвалы пред Богом и пред ангелами и священнослужитель Господень, если он никому не попускает пустословить против божественной славы, а даже почитает всех таковых своими высочайшими врагами. Потому-то блаженный Давид, вменяя это себе во великую славу, возвещает так: *не ненавиждия ли тя, Господи, возненавидех? и о вразех твоих истаях? совершенною ненавистию возненавидех я: во враги быша ми* (Псал. 138, 21, 22). Итак, если хулящие Христа любят Его, в таком случае несправедливо поступают нападающие на них. Но если явно ненавидят Христа, и это не подлежит никакому сомнению, – могут ли не быть достойными почтения и весьма любезными Богу те, которые противопоставляют скверным догматам истинное богоугодное учение?

Но есть еще и другое основание, по которому вашему величеству полезно и необходимо было прогнать от

божественных жертвенников того, который осквернял их. Если вам угодно, я докажу это из божественного писания. Некогда израильтяне, мало уважая установления мудрейшего Моисея, и презирая данную им заповедь, отступили от Бога и, как написано, *послужиша идолом и всей силе небесней (4Цар. 17, 12, 16)*. Они дошли до такого непотребства и нечестия, что осквернили и самый божественный храм. За это прогневался на них Бог и предал их в руки врагов. Когда же получил царство Езекия, муж праведный и благочестивый, он исправил и очистил божественный храм от преступных нововведений и сделал приличные приношения Богу вседержителю. Об этом писание повествует так: *и Езекия нача царствовати сый двадесяти и пяти лет. И рече им (священникам и левитам), глаголя: послушайте мя (мужи) левити, ныне очиститесь, и очистите дом Господа Бога отец наших, и изрините нечистоту из святилища. Яко отступиша отцы наши, и сотвориша лукавое пред Господом Богом нашим, и оставиша Его (2 Парал. 29, 1, 5. 6)*. Сказав им и еще нечто спасительное, присовокупил: *и ныне не пренебрегайте, яко вас избра Господь стояти пред Ним, служити Ему, и да будете Ему служаще и кадяще. И восташа, сказано, левити... и собраша братию свою, и освятишася по заповеди цареве повелением Господним, да очистят дом Божий. И внидоша священницы внутрь церкви Господни, и извергоша всю нечистоту обретенную в дому Господни, и во дворе дому Господня (там же ст. 11–16)*. Потом священное писание прибавляет: *и в день шестыинадесать месяца первого совершиша. И внидоша внутрь ко Езекии царю, и рекоша: очистихом вся, яже в дому Господни (ст. 17, 18)*. Затем здесь еще прибавляется: *и воста рано Езекия царь, и собра начальники града, и възиде в дом Господен. И вознесе тельцев седм, и козлов от коз седм за грех, за царство, и за святилище, и за Израиля (ст. 20, 21)*. Заметь, о христолюбивейший император, что благочестивый и праведный Езекия, вознамерившись принести Богу жертву, не прежде вошел в храм Божий, и исполнил свое намерение, как приказавши наперед священникам Божиим очистить дом Господень, и извергнуть из него всякую нечистоту. Когда же

было исполнено его приказание, он торжественно вознес всежжение и возвеселился, и совершенно справедливо, что принес теперь приятную жертву Богу, и особенно потому, что очистил храм от нечистоты. Нечто подобное совершено для славы Христа и вашим величеством. У вас в обычае воскурять фимиам, украшать церкви, и щедрою рукою делать в них приношения во славу Божию. Но необходимо было прежде освободить и очистить храм от всякой нечистоты, и тогда уже могли вы принести благоприятную жертву Богу. К большому вашему прославлению пред Богом и ангелами и людьми, вы дали приказание священникам, – и они очистили храм и освятили его, обуздав несмысленный и нечестивый язык.

Итак Святой и вселенский собор, угодный Христу, всех нас Спасителю, имея попечение о вере в Него, и как бы говоря вместе с писанием: *ревнуя поревновах по Господе (3Цар. 19, 10)*, всеми силами старался об уничтожении случившегося соблазна. А те, которым свойственно, даже необходимо было, вместе с этими подвижниками, мужественно выступить в бой немедленно, и охотно вступить в ратоборство, и сделаться вместе с нами участниками наград за труды, понесенные за Христа, воспламениться одною с нами ревностью и наполниться в душе благочестивым рвением, – те оказались безчувственными и жестокосердыми, совершенно похожими по нечестию на того богохульника. Скорбя и сетуя не о славе Христа, а о том, который весьма много и безумно пустословил против Христа, они нападали на мужественно сражавшихся и объявивших себя противниками тех, которые дерзнули безрассудно мудрствовать о Христе, вопия почти следующее: зачем вы обуздали дерзкий и необузданный язык? зачем совлекли овечью кожу с хищного волка, и сделали его всем известным? Ибо, негодовать на то, что обличен тот богохульник, по моему мнению, значит не иное что, как восклицать то самое, что я сказал уже. Правящий антиохийскою церковию, хотя получил повеление вашего величества прибыть к назначенному дню, однакоже не присутствовал на святом соборе. Он намеренно медлил в пути, чтобы этою медлительностию споспешествовать нечестию того, который пустословил против Христа, или же (что вероятно, или

даже несомненно) потому, что был единомыслен с ним. По прошествии уже шестнадцатого дня, прибыли наконец первенствующие из его спутников (они были митрополиты), и от его имени возвестили святому собору, что вовсе не следует дожидаться его прибытия, а лучше поспешить исполнением определений. Тогда-то наконец Святой собор, собравшись в святой церкви, называемой *Мариєю*, сделал председателем своим и главою самого Христа: положено было на священном престоле честное евангелие, как бы так взывающее к священнослужителям: *суд праведный судите* (Зах. 7, 9); рассудите между евангелистами и речами Нестория. Общим согласием всех (отцов) собор осудил его (Нестория) мнения, и заявил чистоту и превосходство евангельского и апостольского предания; и таким образом сила истины восторжествовала. Потому что все утвердили правую и непорочную веру, согласно и с вашим мнением, христолюбивейшие императоры, так как и всякое ваше намерение направляется к тому, что угодно Богу, и соединяется с благочестием, так как и вы никогда ничего не предпочитали истине. А между тем Иоанн, получивший жребий предстоятельства в антиохийской церкви, нерадивый беспечный и снисходительный, когда оскорбляется Христос, напротив внимательный и неумолимый, когда обвиняется открывший злоречивые уста против того же Христа, с быстротою птицы прибыл в Ефес, самовольно сделал в пользу его (Нестория) все, чего только тот желал, не обращая решительно никакого и ни на что внимания, как будто бы не существует вообще церковных законов, и Бог нимало не промышляет о человеческих делах. Действуя скорее по глупости, чем по благоразумию, подчиняясь более гневу, чем господству трезвенного ума, он, едва только соскочил с колесницы и вошел в спальную комнату, еще покрытый пылью, тотчас же принял к себе своих единомышленников, произнес с ними гнусный и крайне несправедливый приговор, (союзниками же его были ссыльные, отъявленные келестиане, и сподвижники несториева безумства, по какому-то великому безрассудству, принявшие участие в его преступном богохульстве против Христа), старался всячески опозорить весь святой собор, предавая

мнимому отлучению от Церкви всех, собравшихся в Ефесе со всего мира, славных мужей, весьма известных вашему величеству, и прославившихся всякого рода добродетелями. А мне и предстоятелю ефесской Церкви он нанес еще более тяжкое поругание, произнося клеветы и говоря, будто мы единомудрствуем с нечестивым Аполлинарием и одобряем скверные и нечестивые мнения Ария и Евномия. Сделал же он это, как я сказал, под влиянием неумолимого гнева, в нечестивом бешенстве и в чрезмерной гордости. Поистине, меня это весьма удивляет; потому что он всегда казался благосклонным и доброжелательным ко мне, никогда не осуждал моих речей, с великою благосклонностью и сам писал ко мне, и обратно принимал мои письма: перед самыми ефесскими вратами он едва не задушил меня в своих объятиях, и в своих письмах ко мне писал так: „боголюбнейшему моему господину, святейшему сослужителю Кириллу, Иоанн о Господе желает блага. Немало печалит меня то, что когда ваша святость прибыла в Ефес, мне осталось еще несколько дней пути. Желание вашей святости больше всякой другой необходимости побуждает меня скорее окончить этот путь“. И далее: „итак помолись, господине, чтобы без скорби провели мы эти остальные пять или шесть дней и могли увидеться с тобою и обнять священную для нас и божественную твою главу. Приветствуют святость твою, боголюбнейший господин, епископ Иоанн, Павел и Макарий. Я и прочие находящиеся со мною нижайше кланяемся всему находящемуся с тобой братству. Прощай и продолжай молиться о нас, муж боголюбнейший и святейший“. Итак почему, без всякого оскорбления с моей стороны, вдруг сделался моим врагом тот, кто называл меня своим сослужителем и братом? В извинение своего проступка относительно меня, мне кажется, он говорит, что писал ко мне, скрывая еще вражду, которую намерен был открыто объявить в свое время. Но как же он называл меня сослужителем, если я был еретик, если был участник непотребного нечестия Аполлинария, Ария и Евномия? Для чего называл мою главу святою, и сверх того священною! Не очевидно ли всякому, что кто в заговоре с варварами, тот

конечно враг вашей священной империи? А он, как говорит, скрывал ненависть и расточал любезности, а сердце имел преисполненное коварства и досады. Кто осмелится похвалить человека, привыкшего жить таким образом? Быть может, он думает отыскать каких-нибудь избраннейших греков? Но и они ненавидели такого, который говорит одно, а в сердце носит другое. Остановим внимание на божественном писании. Мы слышали Бога, говорящего подобного рода людям следующее: *стрела уязвляющая язык их, льстивии глаголы уст их: приятелю своему глаголет мирная, внутрь же себе имеет вражду. Еда на сих не посещу, рече Господ, или людям таковым не отмстит душа моя (Иер. 9, 8, 9)?* Коварство и суровое, затаенное неудовольствие ненавистны Богу: быть миролюбивым на словах, но в тоже время иметь в душе вражду, непростительный грех, по суду Божию. И потому он угрожает отмщением и за это. Но тот дерзкий ругатель и коварный клеветник, в извинение своих, выше упомянутых, проступков, не по неведению впрочем, как кажется, ответит на это и скажет: „и я также возревновал о Господе, как и святой собор; и мое определение огорчило вас потому, что вы еретики“. Говоря это, он является подобным тем, которые говорят у пророка Исаии: *положихом лжу надежду нашу, и лжею покроемся (Ис. 28, 15).* Положим даже, что этого, может быть, никто не говорит словами, но это доказывают ясно самые поступки. Потому что гордый и надменный прежде всего обличается тем, что, понося и поражая одним бичем всех (сколько их находится во вселенной) святых священнослужителей, хотел своим приговором отлучить их от общения. Впрочем этим он причинил зла не столько последним, сколько себе самому, отлучая себя от их общения: малосмысленные всегда, своими непристойными поступками, более вредят себе самим, нежели тем, которым думали вредить. Кроме того, прилично ли, законно ли определять старшим наказания, и не безрассудно ли восставать против людей, занимающих высший сан, презирать церковную дисциплину, устроительницу мира, и не подражать благоразумию живущих в мире? Ваше благочестивое величество определило степени достоинств. Каждый из

удостоившихся какой-нибудь чести, если только он сознает свой сан и свое место, уступает высшим себя и не присвоает себе прав, равных правам последних. А он (Иоанн, предстоятель антиохийский), не обращая на это внимания, и пренебрегая всякого рода приличиями, в каком-то необузданном и безрассудном увлечении несется на всех: и лишая самого себя общения всех, воображает однако, что он превосходно преуспевает в своих делах. Если он подлинно знал, что я и ефесский епископ заражены ересью: то что препятствовало ему обвинить нас письменно еще прежде своего прибытия в город Ефес и сделать гласным предмет своего спора с нами? Что препятствовало ему, по прибытии в Ефес, увидеться с нами, принести на нас открыто жалобу, открыть наши преступления, позвать нас к ответу в присутствии св. собора, и наконец вместе с другими – или освободить от обвинения, если мы мудрствовали и говорили справедливо, или подвергнуть наказанию, если бы оказалось, что мы хотим мудрствовать вопреки церковным догматам? Ему не было неизвестно, что он напрасно обвинял нас и сложил нечестивую клевету против праведных. Он преследовал нас и тайно вредил нам из уважения и дружбы к Несторию, и как бы в ночном сражении целил в нас метательным копьем, не видя нас. Составивши хартию, преисполненную лживых обвинений, он осмелился довести ее до вашего благочестивого слуха, не обращая внимания на то, что́ сказано в божественном писании: *ничтоже ложно от языка цареви да глаголется* (Притч. 24, 22). Узнав об этом, мы представили свитки святому и вселенскому собору, с одной стороны исповедуя в них правую и неповрежденную веру Церкви, с другой – анафематствуя тех, которые следуют Арию, Евномию и Аполлинарию. Наш поступок, думаю, был вполне сообразен с законом. Между тем он впал в такое безрассудство, даже трусость и отчаяние, что не смел ни придти к нам, ни взирать на святой собор, тогда как напротив ему должно бы было мужественно идти вперед, не дожидаться того, чтобы его позвали, а самому добровольно явиться, объявить виновных достойными осуждения и отстаивать свое собственное решение. Совесть не позволила ему сделать ничего подобного,

и он так боялся присутствовать на святом соборе, что не смел выйти из дома. А вероятно ли было, что бы избранные священнослужители, помня о священнослужении, помня слова Господа: судите праведно, и: да не познаете лице в суде, яко суд Божий ест (Втор. 1, 16, 17), не осудили нас, если бы дознали, что мы еретики? Кроме того, он должен был составить записки деяний и представить их вам. Во всех областях и великих городах, изволением вашей власти, определяется один судья, которому предоставлен суд над главнейшими делами; вас он почитает законодателем, и по вашим постановлениям производить суд. Если же так, то вероятно ли, что бы люди, избранные Богом для священнослужения, (и притом такое число их), люди, возбуждавшие во всех удивление блеском свой жизни, чтили нас более, чем божественную заповедь? А что ум его был исполнен необузданной гордости и надмения, это ясно видно и из других его дел. Вот уже почти три года, как изобретатель новых догматов Несторий начал проповедовать свое богохульное учение в Церкви. Когда открылась болезнь его души в письмах святейшему епископу римской церкви Келестину, он услышал тотчас не строгое и суровое осуждение, а увещание оставить развращенное мнение, которым недуговал, и держать правую и непорочную веру. Увещеваем он был не однажды, а очень часто. Напротив он – тщательный (как он воображает) истолкователь (я не хочу сказать что-нибудь оскорбительное для него) божественных догматов, хотя и много хвастается знанием божественных законов, никогда однакоже не обращался с своими увещаниями к тем, над которыми поругался, не сказал им ни одного слова, даже не осмелился защищать свою дерзость. Он подверг их поруганию своим нечестивым решением; и может быть, громко тщеславился этим, так что услышит блаженного Давида, или лучше св. Духа, устами Давида говорящего: *что хвалишия во злобе, сильне? Беззаконие весь день, неправду умысли язык твою яко бритву изошрену сотворил еси лести. Возлюбил еси злобу паче благостыни, неправду неже глаголати правду. Возлюбил еси вся глаголы потопные, язык льстив. Сего ради Бог*

разрушить тя до конца: восторгнет тя, и преселит тя от селения твоего, и корень твой от земли живых (Псал. 51, 3–7).

Я знаю, некоторые оправдывают его поступок с нами, утверждая, что он справедливо разгневался на нас за то, что собор против богохульного Нестория состоялся без его присутствия. Но эти люди поступили бы несравненно справедливее, если бы, вместо нас, винули свою собственную медлительность. Притом же, почему он (Иоанн) не возненавидел, как лжецов и обманщиков, тех, которые прибыли прежде его и возвестили святому собору, что его дожидаться не следует, и что они пришли не самовольно, а по его приказанию, – почему не только не возненавидел их, но имеет их в числе лучших своих друзей? Но допустим, что он, быть может, действительно оскорблен: должен ли он был поэтому презирать божественные законы и забыть заповедь Божию: *неповинна и праведна да не убиеши (Исх. 23, 7)*? Должен ли он был осуждать не уличенных ни в каком преступлении? Должен ли он был нападать на братьев с мечем нечестия, презирать церковные законы, клеветать, лгать, и притом пред вашим величеством? Должен ли был уничтожать истинную и неповрежденную веру? Должен ли был, в тоже время и по той же причине, покровительствовать изрыгавшему богохульства против Христа, и стараться утвердить ложь, ниспровергнуть истину? Скажет ли кто-нибудь, что это плод благочестивого ума, дело собора священнослужителей? Но я слышу слова Божии: *устне иереовы сохраняют разум, и закона взыщут от уст его (Мал. 2, 7)*. Итак, очевидно, из того самого, чем он думает оправдать свой безрассудный поступок относительно нас, только яснее узнается, что он поступил нечестиво. А я, христоролюбивый император, удалился из родины, оставил вашу Александрию с радостью. Сильнейший ветер напрягал паруса и ударял в корабль на подобие грома, высоко поднимавшиеся волны страшно шумели около высоких кормил; но я был бодр и спокоен духом, презрел опасности бури, чтобы достигнуть вожделеннейшего лицезрения вашего величества. Опять, когда избранные от святого собора для защищения его деяний отправились из Ефеса в славный город¹⁷, в числе этих

избранных желал быть и я: во-первых, чтобы увидеть лично ваше величество, а потом, чтобы решить спор с антиохийским епископом и явно показать, что он клеветник, и что несправедливо рассвирепел и неистовствовал в бессильной ярости на то, что я анафематствовал главные богохуления Нестория; потому что о правоте моей веры засвидетельствовали римская Церковь и святой собор, сошедшийся со всей, так сказать, подсолнечной. Когда прочитали мои письма в Несторию, на соборе все единодушно исповедали и засвидетельствовали письменно в записках соборных деяний, что я ни в чем не уклонился от евангельского и апостольского предания, и иду по прямому пути священных догматов. Но не по этим только причинам желал я отправиться туда, а также и для того, чтобы доказать лживость показаний, сделанных против меня и другими. Поборники несториевых мнений, напрягая против меня лук злобы и ненависти, и в бессильном бешенстве прибегая к различным средствам, между прочим подкупили некоторых людей (*им же бог чрево, и слава в студе их*, по выражению блаженного Павла, [\(Филип. 3, 19\)](#) и выставили их против меня обвинителями, – хотя я не нанес им никакой несправедливости, и не имел с ними решительно никаких дел, – и чрез них старались, как можно чаще, беспокоить ваше величество. Продавши свои языки моим злоумышленникам, эти пустословы напрасно осыпали меня всеми возможными клеветами. Подобного рода люди не останавливаются ни перед чем, потому что как бы сроднились со всем порочным. Для них ничего не значит притвориться убежденными в справедливости ложно возводимых ими обвинений, клеветать во всякое время и на кого угодно, хотя бы им и вовсе неизвестны были те, которых они обвиняют. Что таковы именно и так обыкновенно поступают они (мои обвинители), – это известно всем живущим в вашей Алекеандрии. Все это причинило мне большие огорчения. Да и могло ли быть иначе? Однако я вспомнил слова Спасителя всех нас: *блажени есте, егда поносят вам, и ижденут, и рекут всяк зол глагол на вы лжуще, Мене ради. Радуйтесь, и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех; тако бо изгнаша пророки,*

уже (беша) прежде вас (Матф. 5, 11, 12). Когда отец беззакония сатана старается опутать своими сетями Церковь и имеющих правую веру, и осквернить чрез своих помощников и служителей предание апостольской и евангельской веры, и когда стражи истинной веры противопоставляют ему истину и предлагают правое развратителям, имея в борьбе своим союзником и помощником самого Христа, который есть истина: тогда отец лжи тотчас возбуждает полчища клеветников, и эти полчища тотчас поднимают борьбу против тех, которые хотят жить благочестиво. Мы знаем, что подобного рода скорби испытывали даже пророки. Так, когда древле начал пророчествовать Амос и сильно укорял израильтян за оскудение между ними любви к Богу и за пренебрежение данных им законов, – против него тотчас же восстал и вооружился Амасия – лжепророк и служитель демонов, – и сделал донос израильскому царю на этого истинно святого мужа и пророка, обвиняя таким образом; *развраты творит на тя Амос среде дому израилева, не возможет земля подъяти всех словес его (Амос. 7, 10).* Точно также и блаженный Иеремия увещевал нечестивующий израильский народ исправить свои пути (Иер. 26 гл.); но нашлись такие, которые и на него клеветали, и своими клеветами восстановили против него Седекию, который занимал в то время царский престол. Конечно, неприятно и тяжело было переносить это святым; но предпочитая даже самой своей жизни то, что почитали угодным и приятным Богу, они продолжали предпринятое ими дело, помня слова Писания: *сердце царево в руце Божией: а може аще восхощет обратити, тамо уклонит е* (Притч. 21, 1). И действительно, Бог делал снова кроткими и милосердными иудейских царей, хотя они часто приводимы были в сильный гнев. Но не станем говорить о том, что перенесли пророки; вспомним о славном и блаженнейшем отце нашем Афанасие, который был некогда епископом в вашей Александрии. Он боролся с нечестивым учением Ария; а поборники этого пустословия непрестанно и усердно клеветали на него и говорили против него дерзкие и необузданные речи. Не довольствуясь другими клеветами, они носили повсюду отрубленную человеческую руку и, показывая

ее всем, говорили, что ее отрубил Афанасий у некоего Арсения. Долго уловляли они этим неопытных, пока наконец сделалось известным, что тот Арсений, доселе скрывавшийся, еще жив, и таким образом обнаружилось их нечестивые намерения. Правда, неприятно и весьма тяжело слышать клеветы на себя тому, у кого душа невинна и совесть чиста, – оне жестоко поражают душу того, кто подвергается им, тяжелее же всего переносить такого рода неприятности и огорчения, если оне наносятся напрасно, без всякой причины. Впрочем, что это постигнет служителей истины, о том предсказано в божественном Писании. Сам Господь наш Иисус Христос, внушая своим ученикам благое дерзновение, и убеждая их презирать все клеветы и всякого рода преследования, говорит так: *аще Мене изгнаша, и вас изжезнут* (Иоан. 15, 20). *Аще господина дому веельзевула нарекоша, кольми паче домашния его* (Матф. 10, 25). И чтобы они не возгордились, Он прибавляет: *несть ученик над учителя своего, ниже раб над господина своего* (Матф. 10, 24); потому если противоречили Христу, то что сказать о нашем учении? и если клеветы были измышляемы против каждого Святого, то могли ли избежать их мы? Дерзок в отношении святых нечестивый язык и необуздан, но он мерзок и ненавистен Богу. *Потребит Господь вся устны льстивые, язык велеречивый*, поет блаженный пророк Давид (Пс. 11, 4).

Вместе со мной стрелы необузданного языка испытал и возлюбленный инок Виктор. Некоторые, привыкшие лгать, распространяли относительно его клеветы, будто он говорил против меня нелепости, за что, когда он прибыл в Ефес, его строго осуждали некоторые из отцов св. собора; даже все отвортились от него и возненавидели его, как одного из нечестивцев, его называли отцеубийцею, братоубийцею и другими подобного рода именами. Когда узнал об этом старец Виктор, – в присутствии очень многих святых епископов, воздел руки к небу и вопреки своему обыкновению поклялся святым крещением и честными Христовыми тайнами, что не знает за собой ни одного из этих преступлений; и наконец мы с ним с трудом могли обуздать ругателей. Как бы ни было велико число

желающих лгать, сколько бы ни усиливались они вредить нам, или лучше сколько бы ни возбуждали их к этому приверженцы Нестория, – мы не страшимся, потому что нас никогда не оставляла и не оставляет без помощи благодать Спасителя и правосудие вашего благочестия. Вы исхитили и спасли нас, как из пылающей печи, легким манием своим, чтобы вместе с другими, рассеянными по всему вашему Египту, святыми епископами и иноками, за ваше величество, за победу и твердость вашу, непрестанно возносили благодарения Христу, чрез которого и с которым Богу и Отцу слава, со святым Духом, во веки веков. Аминь.

Обнародование императорского декрета об изгнании Нестория

После того, как собралось в Константинополе по семи епископов с той и другой стороны, император подлинно узнал, что святой вселенский собор низложил Нестория, следуя во всем церковному порядку. Посему, одоблив мнение послов собора, осуждает восточных, а Нестория изгоняет в ссылку. Кроме того, пришедшим послам собора повелевает собраться в церковь и рукоположит епископа для святой константинопольской церкви, – и они, собравшись в церкви, рукоположили во епископа Максимиана. После того император повелевает всем епископам возвратиться в свои провинции и города; остались же Иоанн антиохийский и прочие епископы, державшиеся его стороны и вместе с ним бывшие в отделении (от других епископов). Кирилл прибыл в Александрию 30 октября, и город принял его с величайшим восторгом и честью.

Копия с императорского декрета, об изгнании Нестория, написанного к Исидору, преторианскому префекту и консулу

Хотя известно, что мы занимаемся делами общественными, однакожь к меньшей заботливости с нашей стороны относится утверждение кафолической веры. Охранением веры мы надеемся служить благу общественному. Посему, когда

Несторий, бывший пастырь католической Церкви, а теперь изменник вере, вдался в такое страшное злочестие, необходимо, чтобы он подвергся и суду нашей светлости и получил наказание, достойное его поведения, за то, что, отвержением законов досточтимой Церкви, сделался виновником ужасной ереси; и как он повредил веру тех, которых склонил к участию в измене, то и должен принять на себя вину чужой измены. Посему ты, по своей власти и с свойственным тебе правом, да повелишь упомянутого Нестория, за оказанное им нечестие, подвергнуть всегдашнему изгнанию в Петру, а все его имение передать константинопольской церкви, для умножения сокровищ того священнейшего места, таинства которого он нарушил. Ибо таким образом в душах людей сохранится благоговение к святейшей вере и при утверждении благочестия процветет благоденствие нашей империи.

Соборное послание, писанное из Константинополя

Боголюбивейшим и благочестивейшим братьям и всем соепископам древнего Епира, – Максимиан, Ювеналий, Аркадий, Филипп, Флавиан, Фирм, Феодот, Акакий, Евонтий, Даниил и все присутствующие с ними на святом соборе, о Господе всякого блага (желают),

Посмотрите на злоумышление и коварство раскольников, направленные ими против Церкви, и на то, как они, окружая все церкви, и будто находясь в общении «со святым великим ефесским собором, стараются уловить всякого, и привлечь к себе народ и клир, Провидя это, мы вместе с боголюбезнейшим и святейшим епископом великого града Максимианом, заблагорассудили послать вам это писание, чтобы вы, зная их действия, сохранили себя от них и от общения с ними. А чтобы вы еще более удостоверились и познали, что мы убеждаем вас не собственными только словами, но и догматами святого вселенского ефесского собора, мы составили это соборное послание, дабы вы узнали из него все, что определено против отступников (от Церкви) и последователей Нестория, и какое

наказание положено тем, которые дерзнули иметь общение с ними. Мы и все присутствующие с нами приветствуем все находящееся с вами братство. Мужайтесь о Господе и молитесь за меня, боголюбейшие братия.

Равным образом подписались и остальные вышеозначенные епископы.

А самое соборное послание, посланное вместе с этим письмом, есть следующее.

Святой и вселенский собор, сошедшийся в Ефесе, по повелению благочестивейших императоров, – епископам, пресвитерам, диаконам и всему народу каждой области и города.

Когда мы собрались, по указу императоров, в ефесской митрополии, то некоторые отпали от нас, числом почти тридцать (человек), и проч.¹⁸.

**Копия с послания, писанного Максимианом,
епископом константинопольским, к Кириллу,
архиепископу александрийскому**

Боголюбейшему и достопочтеннейшему сослужителю Кириллу, Максимиан епископ о Господе всякого блага (желает).

Желание твое, боголюбейший, исполнилось: то, что предпринял ты ради веры, совершилось; благочестивая ревность твоя достигла своей цели. Открылось зрелище и для ангелов, и для людей, и для всех пастырей Христовых (1Кор. 4, 9). Ибо ты не только уверовал во Христа, но и пострадал за Него (Филип. 1, 20), ты один остался достойным страданий Христа, удостоившись понести язвы Его на теле своем (Гал. 6, 17). Исповедав Его пред людьми, ты удостоился того, что Он сам исповедал тебя пред Отцом в виду святых ангелов (Матф. 10, 32). Ты украшен венцами, которые даются подвижащимся за веру. О Христе, который укреплял тебя, ты превозмог все; ты пренебрег муками, презрел властителей, не убоился голода: потому что имел хлеб, сходящий с неба, и дающий жизнь людям. поскольку же мы не чужды сего, а между тем научены наглядным образом и знаем по слуху о скорбях, которые ты

претерпел в борьбе с начальствами, властями, с миродержателями тьмы века сего, с поднебесными духами злобы (Ефес. 4, 12) и состоишь в архиепископстве великого града: то просим тебя укреплять нас молитвами, направить советами и употребить все попечение о нас, чтобы таким образом и над нами исполнилось сказанное в Писании: *брат от брата помогаем, яко град тверд и высок, укрепляется же, яко основанное царство* (Притч. 18, 19). Ибо духовная любовь есть подлинно укрепленный город, которого диавол не может одолеть ни подкопами, ни приступом. Она не уступает осадным орудиям диавола, потому что охраняется Христом Господом, который победил мир и уготовал тебе вечные блага, и который говорит: *уже не примет креста своего, и вслед Мене грядет, несть Мене достоин* (Матф. 10, 38). Итак ты, соделавшись достойным Христа Господа, победившего мир, потому что взял крест свой и последовал за Ним, не преставай молиться за нас Христу, вменяя себе братские благодеяния в особое преимущество. Мужайся о Господе и молись за меня, боголюбезнейший и святейший брат и сослужитель.

Послание епископа Кирилла Максимиану, епископу константинопольскому

Достопочтеннейшему и боголюбезнейшему сослужителю Максимиану, Кирилл о Господе всякого блага (желает).

И в настоящее время, когда совершенство твое получило священный сан, прилично нам сказать вместе с пророком: *да возвеселятся небеса, да возрадуется земля и возопиет с веселием* (1 Парал. 36, 16). Ибо не отверзаются более уста, чтобы говорить против славы Спасителя нашего; не возвышается более рог того, который привык это делать (Псал. 74, 6), и не изрекается неправда, чтобы отвергать Спасителя, искупившего нас. Ибо искупил нас Иисус Христос, единый и единственный и истинный Сын Бога Отца, не истленным серебром или златом (1Петр. 1, 18), но положив душу свою за нас (Иоан. 10, 15), принеся самого Себя в жертву Богу в воню благоухания (Ефес. 5, 2) и давши кровь свою в искупление за

жизнь всех. Единородный Сын Божий был по достоинству выше всех, выше всей твари, хотя и сделался совершенным и подобным нам человеком, впрочем таким человеком, который не претерпел чрез то превращения, или изменения, или так называемого многими нестроения и смешения, и не изменился в то, чем не был прежде, но в нашей природе остался тем, чем прежде был. Он исповедуется и на самом деле пребывает живым и ипостасным Словом Бога Отца. Да приносим Ему, вместе с святым Варухом, исповедание как бы одним языком и с одним чувством любви к Богу: *сей Бог наш, не вменится ин к Нему. Изобрете всяк путь хитрости и даде ю Иакову отроку своему, и Израилю возлюбленному от Него. По сем на земли явился и с человеки поживе* (Вар. 3, 36, 37). Ибо не другой был Сын Бога Отца тот, кто существовал прежде веков и времен, и чрез кого все произошло, и не другой тот, кто в последствии времени по плоти родился от святой Девы, но один и тот же, который, по словам апостола Павла *от семени Авраамова приемлет* (Евр. 2, 6), и тот, который восприял плоть и кровь и уподобился братиям, т. е. нам во всем, кроме одного греха. Мы признаем в Нем тело, одушевленное соединившеюся с ним разумною душою. Ибо мы не соглашаемся с несправедливыми мнениями безумного Аполлинария, но держась правого мнения, анафематствуем Аполлинария и Ария и Евномия и вместе с ними Нестория. Вера, преданная нам в начале, есть для нас как бы безопасный и твердый якорь, по словам Писания (Евр. 6, 16). Итак мы исповедуем, как уже сказано, единого и единственного и истинного Сына Бога и Отца и Господа нашего Иисуса Христа, понимая, что один и тот же – как Бог и Слово от Отца, а как человек от жены, один – выше закона как Бог, а под законом по состоянию человеческой природы, один и тот же – в божественном достоинстве по собственному естеству, и в образе раба по воплощению. Такое учение предано нам в сказаниях Моисея и в пророческих предречениях, и кроме сего теми, которые вначале были очевидцами и служителями сего Слова (Лук. 1, 2), которые, содержа слово жизни, соделались светилами в мире (Филип. 2, 36). Итак мы, взирая на кончину их жизни, должны подражать вере их, т. е. мы должны заботиться о

том, чтобы и мыслить и говорить одно и то же с ними, и кроме того ничего не держаться, чтобы не уклониться от пути благочестия. Ибо вспомним слова Писания: *права течения твори твоими ногами, и пути твоя исправляй* (Притч. 4, 26). Те, кои чтут пути правые, стремятся к определенной цели, к победной награде вышнего призвания о Христе. Напротив те, кои, отвергнув апостольское и евангельское учение, высоко ценят новые пагубные и достойные посмеяния вымыслы своего ума, пусть слышат от всех: *не прелагай предел вечных, иже положиша ошцы твои* (Притч. 22, 28). Путь такого рода людей неверен, стези их неправы и ведут в глубину ада и в гибельные сети смерти. И, мне кажется, Соломон премудро представляет всякую ересь под образом безяестной жены, а потом говорит, что сей жены должно удаляться и избегать; она есть ловитва, а сердце ее сети, узы в руках ее. Человек добродетельный пред лицом Божиим избавляется от нее, а грешник пленяется ею (Екклес. 7,21). Но мы избавлены от сетей сего обольстителя, никогда не наполняемых, и спасены Христом Спасителем нашим; исповедуя его Богом, а мать Его по плоти Богородицею, мы приступаем к Нему, говоря: *не отступим от Тебе, оживиши ны и имя твое призовем во веки* (Псал. 79, 19). Виною же всех сих вождественнейших благ было божественное, неизреченное и верховное определение, и согласное с манием Божиим изволение благочестивейшего и боголюбезнейшего императора. Ибо светлости его прилично было побеждать не только видимых, но и невидимых врагов, и не только разбивать неприятельское воинство, но и сокрушать злобу диавола, и чрез твое благочестие давать безопасность верующим во Христа. Ибо тот, кто позволил себе пустословить в церкви и открыто злословить Христа, удален от святых и божественных притворов (церковных); его место заступила твоя святость, как произрастание мира, по написанному. И это есть прекрасный дар благочестивого императора, которому, как я сейчас сказал, предшествовало божественное определение. Итак мы сорадуемся и вам¹⁹ содержащим правую и непорочную веру. Явился священнослужитель, который вам известен, который заслужил одобрение пред вами в продолжительное время и

украсился опытностью в делах, священнослужитель, который посвятил много времени деятельному попечению о вас и таким образом достиг почтенной седины. Ибо избранному Спасителем нашим стаду надлежало дать мудрого и опытного начальника, которого ум обладал бы пастырским искусством, который умел бы пасти на пажити, обилующей благою пищею, которого наконец одобряли бы самые дела, как верного и доброго домостроителя. Тех, которые научились жить таким образом, Христос принимает и удостоивает великой чести, а тех, которые имеют противоположные свойства, лишает вверенного им служения. – Что сказанное нами истинно, в этом ты можешь убедиться св. Писанием. В одном месте Бог говорит пророку Исаии: *иди в куцу к Сомнану строителю дому, и рцы ему: что ты zde? и что тебе zde?... Се ныне Господь Саваоф извергнет и сотрет мужа, и отымет утварь твою и венец твой славный. И повержет тя в страну велику и безмерну, и тамо умреш...* И извержешися от строительства твоего и от степени твоего. И будет в той ден, и призову раба моего Елиакима сына Хелкиева, и облеку его в утварь твою, и венец твой дам ему, и державу твою, и строительство твое дам в руке его: и будет яко отец живущим во Иерусалиме и живущим во Иудеи. И дам ему славу Давидову, и овладеет, и не будет противоглаголющего... И поставлю его князя на месте верне, и будет на престоле славы дому отца своего. И будет уповаяй на него всяк славный в дому отца его от мала даже до велика: и будут зависяще на нем. В той ден, сия глаголет Господь Саваоф, подвигнется человек утвержден на месте верне, и отыметя, и падет, и потребится слава, яже на нем, яко Господь глагола (Исаии 22, 15–25). Итак Бог любит истинно-верного и доброго домостроителя, а от того, который не имеет сих качеств, Он отвращается как от невежды. Мы уповаем, что Он явит помощь твоей святости, и щедрою рукою наделяя небесными дарами, возвеселит тебя, чтобы ты, верно изъясняя слово истины и идя по вере святых отцов, как бы по некоторым следам, пребыл благословен милосердием и благостию Христа Спасителя нашего, чрез которого и с которым Богу Отцу со Святым Духом слава и держава во веки веков.

Аминь. – Приветствуй братий, находящихся с тобою. Приветствуют тебя о Господе братия, находящиеся со мною. Молю Господа, достопочтеннейший и боголюбезнейший брат, чтобы ты был здоров и помнил нас.

**Послание епископа Кирилла к Ювеналию
епископу и прочим послам собора,
отправленным в Константинополь**

Достолубезным господам, служителям Божиим и сослужителям (нашим) Ювеналию, Флавиану, Аркадию, Фирму, Феодоту, Акакию и Филиппу пресвитеру, Кирилл о Господе всякого блага (желает).

Снова мы достаточно убедились и самым опытом узнали, что истина живет и одерживает победу, по слову Святого; ничто совершенно не противостоит ей: она столь сильна, что восстает против всех врагов и разрушает силу противящихся ей. Ибо вот она заградила уста говорящих ложь, и мрак непозволенных хулений прошел; напротив воссияло благолепие догматов истины, когда, по определению Божию и соборному, вашей святости рукоположен был во епископа служитель Божий, достопочтенный Максимиан, который, предаваясь не лени и удовольствиям, а трудам и добродетели, украсился долголетием жизни, и во многих случаях прославился попечением об истине и догматах благочестия. Итак, сорадуясь всем церквам и находящимся в них народам, я по справедливости воскликну: *благословен Господь, иже посети и сотвори избавление людям своим (Лук. 1, 68)*. Ибо добрый пастырь не мог так нерадеть об овцах, чтобы не положить за них душу свою, и всегда ведая, как спасти, отогнал лютого зверя от священного и божественного двора, а избрал славного учителя всякой добродетели, который, как мы верим, украшается всеми добрыми качествами и управляет вверенным ему народом с преимущественною и достойною уважения силою. Молим Бога о вас, любезнейшие и вождественнейшие братия, чтобы вы были невредимы о Господе и помнили нас.

Послание папы Целестина, писанное к святому ефесскому собору после осуждения Нестория

Целестин епископ святому собору, составленному в Ефесе.

Наконец надобно возрадоваться о пресечении зла; наконец мы все вообще должны сказать: *десница твоя, Господи, прославися в крепости десная рука твоя, Господи, сокруши враги* (Исх. 15, 6). Ибо действительно сокрушены враги, когда, как мы видим, *заградишася*, по словам Давида, *уста глаголющих неправедная* (Псал. 62, 12). Исполнителями сего, истинно совершившегося дела, вместе с собою мы видим вас, верные служители Божии; вы единодушно заботясь, по словам апостола, *не о своих си кийждо*, но о том: *еже во Христе Иисусе* (Филип. 2, 3), совершили дело Господне. О святости вашей мы говорим пред вами, голос же ваш слышится по всей земле (Псал. 18, 5); потому что проповедуемое вами слово истины перешло от вас на конец вселенной. Господь наш не оставляет сокрытым того, что совершается Им; потому что верховные блага никогда не утаиваются. Это для того, чтобы, при извещении о таком небесном даре, по воле Божией, как написано, *люди спаслись и пришли в разум истины* (1Тим. 2, 14). Я говорю это победителям и тем, которые, в борьбе со врагом, противопоставляют ему веру, победившую мир, по словам святого апостола Иоанна (1Иоан. 5, 4). Я пишу вам, как таким лицам, которые, по словам божественного откровения, как отцы, познали первоначального, и, как юноши, будучи сильны и имея в себе слово Божие, победили лукавого (1Иоан. 2, 13, 14). Благодаря сим сообщникам, мы не сомневались в таком исходе дела. В душе своей мы сохранили уверенность в победе, видя, что на вас лежит власть божественного суда, и очень хорошо зная, что вы, по изречению пророка, возненавидели церковь лукавнующих, и с нечестивыми не сели (Псал. 25, 5). И я достиг того, на что надеялся; потому что в борьбе против незаконных и нечестивых, как говорит вышеупомянутый пророк, *незлюбивии и правии прилепились ко мне* (Псал. 24, 21). Из одного и того же уведомления чрез

верных сынов наших и боголюбезных мужей, пресвитера Иоанна и диакона Епиктета, мы узнали о справедливом низложении (Нестория) и еще более справедливом возвышении (Максимиана), видя в этом доказательство той евангельской истины, что Бог возносит смиренных и низлагает сильных с престолов (Лук. 1, 52). От сего мнения нимало не отступил и премудрый, который говорит, что Бог хранит память смиренных и погубляет память гордых (Иис. Сир, 10, 17–20). И это когда в особенности исполнилось, как не в настоящее время, в которое Спаситель наш, уготовляя почести достойным, рассыпал кости людей, себе угождающих, и непорочный агнец, провидев достойнейшего пастыря, отогнал от своих овец лютого волка? Мы читали всенародно объявленное послание вашего братства; при этом не мог кто-либо из нас прийти в удивление, потому что вы огласили известное. Подтверждение употребляется на то, что неизвестно, а что верно дознано, то не требует доказательств. Упражнение в добрых делах усовершило его (Максимиана): мы понимали его таким, каким нашли его по письму; кратко сказать, таким именно, каким, по заповеди Спасителя, должен быть пастырь, чтобы, по согласному отзыву всех, удостоился услышать: *се воистину израильтянин, в нем же льсти нет* (Иоан. 1, 47). Такой отзыв не согласен ли с вашими похвалами ему? Такого преемника себе искал добросердечный Сисиний, который желал, чтобы место его занял человек ему подобный. Но лучше поступим мы, если, оставим имя святотатца (Нестория), скажем, чего недоставало для веры. По суду Божию сделалось то, что Церковь заслужила, вместо врачества. Наконец новый епископ уничтожил разногласие и водворил согласие. И чего не мог сделать со временем тот, за которого ручалось самое начало дела? Мы говорим о том, которого требовало восстановление мира. Мы соприсутствовали вам, а не в отсутствии говорили это, в то время, как над его главою произносились тайнодейственные слова, и как сердца всех исполнялись радостью; наконец никто из вселенских христиан не мог не быть там, где собрались все вообще. Сверх сего мы обрадованы были этим объявлением милостивого и по преимуществу христианского императора,

когда увидели, что мнение его согласно с посланиями вашей любви. Нет ничего чрезвычайного в том, что император, сердце которого находится в руках Божиих, согласился с теми, которых он признал священниками Божиими. Итак императорское слово вооружилось за дело Божие, содействуя его исполнению. Счастлива власть, которая содействует исполнению дел Божиих; не менее счастлив и тот, которому служит в похвалу управление делами мирскими. Нам известно, каким путем, с каким постепенным возвышением, наш святой брат и соепископ достиг пастырского достоинства. Не слава богатства, не домогательство власти, свойственное искательным людям, открыло ему скорый доступ к почестям, но, по избранию нищих, которым он, как верный и мудрый служитель давал пищу во благо время, он поставлен был над благами Господа своего. Хотя он желал епископства, но желал не иначе, как доброго дела, по учению апостола (1Тим. 3, 1). Так Бог наш смотрит и на то, чего желаем, и на то, почему желаем. Кто усомнится в том, что он может больше сделать, имея в руках своих власть над другими, чем сколько мог бы сделать, находясь в подчинении у других? Ненавистник и богохульник не мог нести этой должности, т. е. попечения о людях; так как он старался уязвлять души. Его падение сделалось велико, так велико, как неправо его учение. Радуюсь об исправлении прошедшего, мы должны остерегаться на будущее время, чтобы отрезанные ветви не стали более и более распространяться; потому что где бы ни явилась зараза, члены нашего тела необходимо будут терпеть вред, и если мы допустим это, образуются члены худшие прежних. Мы написали к императорской милости о том, чтобы болезнь была более удалена от среды здравия. Ибо мы узнали, что он (Несторий) возвратился в Антиохию и нашел для себя возможность жить там, откуда прежде вышел. Такая ссылка есть гибель для невинных. Мы должны внимательнее наблюдать, какие последствия произойдут там из того, что там же предпринято прежде. Нетрудно склонить к тому, что известно. На глазах наших – церковь города, который чрез него потерял пастыря; и однакожь мы стараемся знать, кто для кого был причиною падения. Не случится ли разве то, (говорим для

успокоения церквей), что, осужденный на изгнание, он открыто признает свое заблуждение? Но кто может иметь надежду направить кого-нибудь на истину там, где видел бы убежище для виновника развращения, где почитается изгнанный всеми? Весьма ненадежно (говорим со скорбью) состояние здоровья там, где, как говорит Исаия, *всякая глава в болезнь и всякое сердце в печаль, от ног даже до главы* (Ис. 1, 5). Как может какой-нибудь член иметь надежду на здоровье там, где поражается весь состав тела? Старайтесь, умоляю вас, любезнейшие братья, старайтесь извергнуть из среды своей того, кто сделал это. Такого рода людей нужно только удалять от всех. Ибо где должен находить успокоение тот, кто так учил о царствующем всюду? Главнейшее дело вами исполнено; теперь следует сделать то, что нужно и остается вам сделать для того, чтобы труд ваш не был напрасен. Хотя по месту мы далеко находимся от вас, но своим попечением мы близки ко всем вам. Попечению блаженного апостола Петра все присущи; мы не можем оправдаться пред Богом в сем деле, нам известном. Ибо хотя святость ваша умолчала о том, что мы говорим, однакожь, по внимательном исследовании, все узнали мы. Итак я прошу вас, чтобы конец такого дела, который остается совершить, соответствовал вашим действиям; ибо нам не хочется, чтобы вы, сделавши столь многое, не dokonчили не многого. С помощью царей земных пребудьте в том, о чем мы вам написали. Они и сами знают, что им нужно делать при таких обстоятельствах, — знают, что основанием вселенской веры поддерживаются их царства. Во святых наследниках течет кровь чистая, неповрежденная никакою другою примесью. Сильный хранит начало своего правого пути; ибо то, что, принято было предками, проявляется в потомстве. Мы одинаково должны преследовать как пса, так и злодетеля. Делайте в своем присутствии то, что мы советуем вам в отсутствии. Ибо хотя мы обязаны пещись о всех вообще, но преимущественно нам должно идти на помощь к погибающим антиохийцам, между которыми водворилась заразительная болезнь. Таким образом мы спасем город, в котором, как говорится в Деяниях апостольских, христиане впервые назвались христианами. Итак

мы должны оказывать помощь всем тем, пред которыми сознаем себя должниками по вере, к чему мы и призваны. Это попечение с нашей стороны доказали представлявшие вам боголюбезные чада, возлюбленные и ближайшие нашему сердцу пресвитер Иоанн и диакон Епиктет, которых мы скоро отпустили к вам, имея в виду, что как мы приняли их в дни рождества Господня, так и представили вам в праздник Господня воскресения. Что же касается до тех, которые оказывались мыслящими одинаково нечестиво с Несторием и приняли участие в его злочестии, то хотя об них представляется вами мнение, однакож и мы также рассматриваем этот предмет, подлежащий нашему вниманию. Много должно рассматривать в таких обстоятельствах, на которые апостольский престол всегда обращал внимание. Сказанное нами подтвердит пример целестиан; потому что они доселе подавали надежду пред собором. Они, если вразумятся, могут возвратиться; что не дозволяется тем только, которые достойно осуждены вместе с виновниками ереси по приговору. Мы радуемся, что некоторые из числа их, по милости Божией, обратились к нам. Это сделано с тем намерением, чтобы те, над которыми не имело силы угрызение совести, по крайней мере отлучены были приговором. Я советую вам, братия, держаться такого правила: главный виновник нечестия с теми, которых касаются соборные определения, да будет осужден, а прочие, которые, держась одних мыслей с ним, не находятся с нами в церковном общении, пусть будут изгоняемы из городов своих, и пусть знают, что они не будут в нашем обществе, если не исповедуют себя вселенскими пастырями, по постановлению Церкви и христианских властей, осудивши то, что подвергнуто осуждению с виновниками и сообщниками (ереси). Что же касается антиохийского епископа, если он подает надежду исправления, то мы желаем, чтобы вы привели его в согласие посланиями; если же он не будет держаться одних с нами мыслей, осудивши новое богохуление своим письменным исповеданием, то пусть знает, что Церковь есть строительница, потому что руководит воззрениями нашей веры. Впрочем надобно надеяться на милосердие Божие, что все обратятся на путь истины, если, по

вышесказанному, удалится первоначальная причина зла. – Дано в 15 день марта, в консульство Аэция и Валерия.

Послание папы Целестина к Феодосию младшему, Августу, писанное после собора

Целестин епископ Феодосию младшему, Августу.

Мы познали, что божественное Провидение явило в делах своих то, чего мы ожидали. Ибо при царствовании вашем, умы верных ни на что другое не могли рассчитывать в будущем, как на то, что исполнилось к нашей радости, что пресеклась хула на Бога и погибла неправда, осужденная вместе с виновником нового учения. Хотя открылись враждебные действия против веры и святотатственно словесными копиями направлены были против рожества Царя небесного; но вы, дарствуя по действию Христа, Бога нашего, своею силою победили нечестивых врагов веры, восстановив небесное торжество, чрез которое благочестивому царству навсегда поставили ограждение. Поистине, к вашей славе относится пророческий голос, и царство ваше может назваться царством всех веков (Псал. 144, 73), которое распространяется по заслугам хранимой веры, и по мере того, как возрастает хранение святой веры, всегда усиливается христианское благочестие, славнейший и спокойнейший император. Вот теперь дом Господень оглашается молитвами и ваше царство вверяется жертвоприношениям, приносимым во всех церквах. По удалении дерзкого возмутителя, нет места для соблазна; пагубное учение не заражает более души людей; попечением о вселенской Церкви вы возвратили всем спасение душевное. По милости вашего достославного царствования оказана защита душам всех, а не живущих только в какой-либо стране, или области. Конечно, вы будете вменять это в победу, которой достигли не войною, не мечем, а преданностью Богу. Этот блеск вашей славы остается теперь и останется навсегда, так что его не уничтожит никакое время, никакая древность. Ибо то вечно, что совершается из любви к вечному Царю. Так вера Авраама пребывает во веки. Заслуги царя Давида увековечены

ревностью его по Боге, когда он врагов Божиих принял за своих врагов и возненавидел ненавидящих Бога (Псал. 138, 21, 22). Илиия не удовольствовался тем, что обличал лживых пророков, но он хотел еще наказать их, чтобы, преследуя их, погубить тех, в которых он видел причину гибели своего народа. У тебя равная с ним слава. Он восстал против лживых пророков, а ты против лживых учителей; тот преследовал пророков, изрекавших ложь на Бога, а ты прогоняешь священников, распространяющих нечестивые мысли о Христе, Боге нашем; тот заботился только о наказании, а ты так наказываешь нечестие, что вместе охраняешь то, что относится к вере. Ибо недостаточно было бы только устранить болезнь и отвратить заразу; нужно было восстановить полезное для здоровья благорастворение воздуха и дать зараженным болезнью животворное начало, чрез поставление в Церкви такого предстоятеля, который издавна пред всеми знающими его показал себя достойным этой степени. Об нем отзывается, как о члене собственного тела, римская Церковь, которая всегда считала его в ряду своих (служителей церкви); об нем свидетельствуют заслуги его предшественников, в которых он свято принимал участие. Так с Атикком, мужем, оставившим по себе славнейшую память, крепчайшим заступником веры, он сообразовался в мыслях и исполнении обязанностей, так что уже тогда в нем обнаруживались знаки будущего его епископского достоинства. Но по сокровенной воле Божией бывает то, что лучшее сохраняется к будущему и покой достигается чрез соблазны возмутителей. После того, как сей пастырь избран таким образом за заслуги, оказанные им своей церкви, и утвержден согласием священного собора для того, чтобы устроить положение Церкви и совершенно излечить раны, причиненные нечестивою ересью, – отлученные да не дерзают более распространяться. Умоляем и просим вас дать защиту вере вашей. Теперь надобно противопоставлять всякого рода охранение, чтобы хищный волк, свирепствуя в отлучении от Господних стад овец, опять с змеиным пресмыканием не устремился на погубление душ, направляя подкопы со стороны, ему доступной. Ибо он не может оставаться покойным, стремясь

с бешеною яростию овладеть своею добычею. Дайте подкрепление здоровым и врачество требующим исцеления. Истину православной веры оградите оплотом вашей веры, за которым безопасны были бы верные, и чрез который не могли бы проникнуть последователи заблуждения. Ибо совершенный плод вашей победы получится тогда, когда не останется ничего такого, чего снова могла бы опасаться Церковь. Итак кого за упорную хулу (на Бога) отринул голос всех пастырей, того вы должны удалить от всякого общества, чтобы лишить его возможности погубить кого-нибудь. А благочестивых сынов моих, пресвитера Иоанна и диакона Епиктета, возвестивших нам о таком предмете, мы приняли с ликованием всей Церкви, и, восхвалив ваши высокие достоинства в общем собрании христиан, в церкви блаженного апостола Петра, вознесли Богу нашему молитвой за все. Ибо, при помощи Божией, они успели придти к нам к тому дню, в который празднуем рождество по плоти Христа Бога нашего, составлявшее предмет вопроса; весь сонм (верующих) осудил нечестие побежденного. К делу о Церкви и вере присоединяется дело о пользе бедных, так что вы, сохраняя чистоту веры, оказываете вместе попечение и о пользе бедных. Проб, оставивший по себе славное и святое воспоминание, так устроил владения, расположенные в Азии, что ежегодно получал большие доходы в пользу бедных клириков и монастырей; но другие владения, там же расположенные, по нерадению, чтобы не сказать больше, управлявшего ими, доведены были до того, что не только не доставляли обыкновенной платы, но даже тайным расхищением их нарушалось законное обладание ими. Мы просим вас сделать для священного и славного отечества и Церкви, как милость, то, чтобы их не беспокоили никакие насилия, и в Церкви, как у властителей, было полное господство, так чтобы приобретенное на содержание бедных почиталось вашим. — Дано в 15 день марта, в консульство Аэция и Валерия.

**Послание того же папы Целестина к
Максимиану, константинопольскому
епископу, после собора**

Целестин епископ Максимиану, епископу
копстантинопольскому.

В письме твоём мы познали братство твоё и нашли святость твою так, как знали прежде, т. е. такую, которая славна чистотою, и известна более блеском ума, чем почестями. Церковь, которая признала тебя первосвятителем после отлучения того, кто враждовал против нее, приходит в себя, в своё положение. Бери кормило корабля и управляй им, как научился у своих предшественников. Противься волнам, возбужденным ветром, который, направляясь враждебно против всех, удалял от корабля его управителей, чтобы иметь возможность разрушить его; враг Церкви незаконно исполнял должность правителя, чтобы казаться управлявшим теми, коих старался погубить. Доселе возбужденные им волны обуревают, смуты и тревожения беспокоят тебя. Противостой с постоянною твердостью и, как правитель вверенного тебе корабля, прими попечение о спасении вверенных тебе душ. Успокой море, по которому ты плаваешь; обезопась своим искусством управляемый тобою корабль, после тех бурь, которые он выдержал. Последуй тому рыбарю, который путешествовал по водам моря, чтобы приблизиться ко Христу, Господу нашему, которого он увидел ходившим по морю. Следуй примерам бывших прежде тебя первосвятителей, от которых ты получил наставление и воспитание, примеру блаженнейшего Иоанна в познании учения, примеру святого Аттика в силе отражать ереси, примеру предшественника твоего Сисиния в совершенной непорочности, дабы мы, как обычно нам, возрадовались о Церкви. Собери рассеянных и окажи свойственное тебе и известное нам благочестивое расположение к тем, которых рассеял возмутитель. Собери людей твоих к сосцам матери своей, призови тех, которых отдалил враги, напоив ядом. Утверди в вере тех, на которых, как ты видишь, устремлено коварство; уврачуй тех, которых находишь уязвленными; удали не принимающих врачества. Ибо в то время, как болезнь уничтожается и вредные члены отсекаются, остальным подается здоровье. Обширно у тебя, любезнейший брат, поле, на котором ты можешь приобрести

славу бдительного пастыря и доброго священнослужителя, дабы открылось, что ты больше имел силы в восстановлении доброго, чем в своих зловредных действиях тот, кто желал быть подражателем диавола, а не Христа, возмущая покой Церкви, о котором теперь мы все вообще должны заботиться, чтобы во всех служителях Церкви была одна вера и один дух. Прими в руки свои лопату Господню и очисти гумно вверенное тебе, чтобы отделить плевелы от чистого хлеба и, по повелению Христа, Бога нашего, пшеницу собрать в житницу. Новому нечестию да не будет более места; осужденному прежде по всему миру известному целестианскому заблуждению противопоставь твое мужество, а последователи ложного учения должны быть удалены от общества. Всем последователям лжеучения, старающимся проникнуть во все провинции, будет противодействовать чрез тебя Дух Святой, чтобы не возобновилось то учение. Ибо они обнаруживаются тем, что осуждаются везде, где явятся, и как мысли их, столько раз повторенные, не имели силы, то они нарушают покой в далеких странах и отдаленных провинциях. Но их преследует Тот, чью веру они силятся одолеть своим нечестием, и где бы они ни скрывались, в какие бы потаенные места ни убегали, нигде не могут найти себе места, обнаруживаясь чрез свое нечестие. Сынов наших, благочестивых мужей Иоанна пресвитера и диакона Епиктета, мы приняли с великою радостью и с бóльшим ликованием отпустили. – Дано в 15 день марта, в консульство Аэция и Валерия.

Того же Целестина послание к клиру и народу, находящимся в Константинополе, после собора

Целестин епископ клиру и народу, находящимся в Константинополе.

Мать ощущает радость, когда около нее собираются дети. Точно также радуется и Церковь, потому что ее чада собрались опять, и из них никто не погиб, кроме сына погибели; впрочем отец никогда не признавал этого сына за своего. Подражавший

ему (Несторий), как мы читали, старался отнять наследие у вас праведных сынов Божиих, которых, по слову апостола, за вашу веру признаем наследниками Божиими и будущими сонаследниками Христа. Ему не позволили отнять пальму у тех, которые восторжествовали над ним оружием веры. Вы победители, вы исторгли победу у врага общего Царя; посредством вас победил Тот, божественное достоинство которого подверглось было сомнению. Пусть устранился вопрос о рождении, вопрос, который всякий истинно верующий должен решать в простоте сердца. Ибо кто осмелится испытывать Бога, кто решится исследовать Его? Бог все мог сделать, когда восхотел освободить нас. Но почему тот грешник, в своем мраке не увидел света? Почему он земными хитрословиями связывал истину, положенную в вышних? Потому, что не могут этого видеть те, которые не знают слова светильника, которое, по свидетельству пророка Давида, есть свет его семени (Псал. 118). С этим псалмопевцем, подобно матери, радующейся возвращению своих сыновей, приятно воспеть: *се что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе* (Псал. 132, 1). Я кстати привел эти слова, потому что, при помощи досточтимой Троицы, ищу для вселенской Церкви мира, который был нарушен хулителями. Ваша любовь помнит, что я некогда говорил вам о терпении; как священник, я должен был сеять эти семена в ваших сердцах, чтобы не обмануться в ожидаемой жатве, которая показала, каковы плоды вашего терпения. Позавидовав этим плодам, сын погибели посеял в сердцах многих пагубные плевелы Мы сеяли слова Господа и учение апостолов. Не эти семена, а те, которых не приняла земля, причинили вред. При жатве Господа, который в евангелии показал нам виновника плевел, в вашей простой вере не оказалось ничего такого, что бы следовало обрезать. Господу говорили: *в добром семени откуда плевелы?*, а мы скажем: в царстве веры откуда вероломство? Ответим словами Христа: *враг человек сие сотвори* (Матф. 13, 27, 28). Не удивительно, что решившийся убивать простые сердца, последовал совету того, который был убийцею искони. Мы знаем, что как тот обольщал словами, так и сей наносил смерть также словами.

Впрочем он (Несторий) последовал за своим начальником не безнаказанно, подобно Иуде, епископство которого получил другой. Тот и другой по справедливости имеют один конец, потому что, как известно, оба согрешили в одном. Пусть будут всегда пред нашими глазами и оскорбитель нашего Спасителя и предатель; Впрочем трудно сделать различие между хулителем рождения и виновником смерти Иуда раскаялся в своем поступке, получил как предатель, наказание, сознавши свой грех, тотчас избрал петлю, – а сей похваляется дерзостью нечестия. Это вероломство я не назову заблуждением; не всякое нечестие есть заблуждение. Сколько раз диавол, завидуя Церкви и ее миру, сеял в ней семена раздора? Как он заботился, сколько трудился, чтобы победить веру? Вы помните конечно это, потому что не помнить это нельзя. Но я желал бы святым забвения таких несчастий; из сердец да извергнется тот, кто уже исторгнут из глаз наших; да исторгнется непотребный, предтеча ада! Как известно нам, мрачный проповедник строил многие ковы, часто натягивал свой лук и своими устами метал ядовитые стрелы; из вас Впрочем он никого не успел уязвить. Пущенные стрелы обратились на него самого, после того как не мог он уязвить *во мраке правых сердцем* (Пс. 10, 2). Сын тьмы ничего не успел в отношении сынов света. Какие заботы, попечения мы употребляли, когда вы находились во вражеской борьбе? Мы проводили ночи без сна в это тягостное для нас время. Мы не могли спать, когда бодрствовал хищник. Какой страх был в овчарнях, какой ужас в оградах, когда многие волки окружали их, ища добычи и угрожая гибелью овцам отсутствующим? Какой похвалы достойно за свою осторожность стадо, в которое не ворвался хищник? При сопротивлении такому врагу понятна причина осторожности. Мы все сознаем, что вас защищал тот пастырь, который назвал себя Пастырем в евангелии. Бодрствовал, не оставлял вас Тот, который страдал за вас. На этого-то Пастыря нечестивый лжеучитель изощрял свой язык своими злохулениями, на Него скрежетал своими зубами; Впрочем ухищрения его всегда оставались тщетными, потому что вас охранял тот пастырский жезл, которым Христос заповедал пасти свое стадо пред вознесением на небо. Это

пастбище для вас не переменялось, вы питаетесь тою же пищею, вас пасли учителя апостольским учением. Вместо здоровой пищи вам предложена была вредная пища, вместе с цветами вам предложены были терния; но этот обман не обольстил вас, вас – приятную vonю Господа (2Кор. 2, 14–16). Вы отвратились от смертоносной зелени, заткнули уши свои тернием, чтобы не слышать непотребного языка. Ибо чувство не воспринимает того, что оскорбляет слух; не может проникнуть внутрь то, что не принято извне. Вы убежали от него, отвратили свое лицо. Вы бежали от такого человека, которого святая александрийская церковь, как вам известно, уже один раз исправила. Вы, конечно, читали и помните письма к нему священника, вселенского учителя, которыми он так обличал его, что тот захотел исправиться. Он старался поднять падшего сотоварища, простер ему десницу, желая достигнуть согласия с ним. Муж апостольский вполне исполнил апостольскую обязанность: он умолял, убеждал, настаивал. Но погрузившийся в бездну своих злохулений, отрицая наставление такого мужа и злоупотребляя его убеждениями, не захотел быть учимым, когда не мог быть учителем. Защитник лжи, обидев держащегося правды, тщеславился этим; но брат не обиделся, думая в себе, что он по заслугам не пощадил сослужителя, клеветавшего на своего Господа. За свою ревность он оказался, по евангелию, и полезным сыном, и предусмотрительным рабом. Ибо он сохранил и отеческое достояние и умножил число талантов. Отдав их в рост, он не только удвоил их, но, скажем более, умножил. Какую милость получит от Господа всех подвижник, так подвизавшийся, что другие получили от него пользу? Не по праву ли он услышит от домовладыки: *рабе благий и верный, вниди в радость господя твоего* (Матф. 25, 21)? Он вполне сохранил то, что было ему вверено. Но, что услышит, что скажет раб впавший в долги, когда потребуют от него отчета в данных ему талантах? Вам известно, какое наказание ожидает нерадивых священников, которым заповедано от апостола управлять своею паствою со тщанием (1Тим. 3) Священник Илий, сам по себе невинный, подвергся божественной каре за своих детей. Отец нарушил власть и достоинство

первосвященника. Если он подвергся наказанию за то, что не предостерегал детей своих от корыстолюбия, то тем большему наказанию подвергнется от Господа тот, кто не бережет и себя. Но не об этом слабом и нерадивом священнике я намерен говорить. Вы имели дело с человеком слова твердого, с бодрствующим предателем (я говорю к опытным). Но Святой апостоле Петр не оставил и здесь ревностно потрудившихся. Ибо когда страшная для всех зараза требовала отсечь гнилой член от тела Церкви, то мы с железом принесли и пластырь. Но он сам, злоупотребляя нашим попечением о том, *да не погибнет один от малых сих*, возжелал себе смерти. Презревши наше врачество, он решился быть отсеченным Суд апостольский решил отсечь того, который оскорблял нас и желал ниспровергнуть Евангелие (Галат. 5, 12). У нас не было, как мы сказали, недостатка во врачестве для расслабленного своим нечестием. Мы не спешили оглашать его мытарем и язычником. Мы знаем, сколько и в какой мере Писание повелевает обличать подобных людей, но теперь мера наших увещаний исполнилась наконец. Тогда увещевал брат брата, а теперь этот упорный при одном, двух и даже многих свидетелях был увещиваем. Следовательно обличаем был всю Церковь, а также и нашим словом. Мы не сделали ничего преждевременного, ничего не обдуманного в отношении к тому, кого осудил этот собор, после продолжительных совещаний. Мы не могли более медлить, дабы не показалось, что мы бежим, по Писанию, с вором, и разделяем наше участие с прелюбодеем веры (Псал. 49, 18). Соблазняющий глаз заповедано вырывать (Матф. 5, 29). Отринувши все лекарства, ему поднесенные, он потребовал себе поля для сражения. Намереваясь выйти и на войну, он нес против веры оружие вероломства. Я не спрашиваю, какие вы тогда давали обеты пред Господом, когда исход дела показал, чего вы могли себе желать. Из донесения святого брата нашего Кирилла нам известен ход дела. При свидании с ним Кирилл довел его до того, что он отказался присутствовать на соборе. Кто поверит, что бы требующий собора отказался присутствовать на нем? Легкость лжи поражена на этот раз тяжестью истины, мрак веролома не

дерзнул смешаться с блеском лучезарных священников; тьма бежит света, так как мы знаем, что между ними не может быть никакого общения и они взаимно друг друга уничтожают (2Кор. 6, 14). Где то́, что́ говорилось во свете, о чем проповедали на кровлях, что слышали ушами? Но он потому хотел уклониться от присутствия на соборе, чтобы избежать стыда и угрызания совести. Иначе зачем он хотел скрыть свой светильник под спудом, если он считал его хорошо зажженным? Он должен был светить священному собору, чтобы этот свет видели все. Божественное учение не ложно; ибо оно учит, что люди, находящиеся во тьме, не могут видеть света. Уклонившись от собора, он некоторым образом уже сам отрекался от своего достоинства. Так первый человек Адам, сознав свое преступление, нагой скрылся от лица Божия. Преступив Его заповеди, он испугался того голоса, который презрел, и объятый страхом бежал, потеряв всякую надежду. Ибо укрывательство уже не позволяет сомневаться в преступлении; в важных случаях никто понапрасну не станет укрываться. Точно также подражавший виновнику нашей смерти, утратив честь и славу, согрешил подобно первому человеку Адаму, отрицая божество нового Адама. Какая мука для него была бы присутствовать пред глазами стольких священников, собранных почти со всего мира? Но какую пользу принесло ему это бегство? Он бежал от тех, от кого не следовало бегать. Ибо каким образом он мог укрыться от Того, от кого никто не может скрыться? Не сознавая своего преступления, он отринул то, что́ сказал пророк: *камо пойду от Духа твоего, и от лица твоего камо бегу? Аще взыду на небо, Ты тамо еси; аще сниду во ад, тамо еси* (Пс. 138, 7, 8). Пророк говорит, что грешнику не возможно укрыться от Бога. Пророк исповедует Его вездеприсущим, а этот старается доказать, что Он не был принят утробой. Дух Святой, всегда пребывающий во священниках своих, сделал то, что рождающийся не принял никакого тления, никакой порчи; поскольку все это тщательно было удалено рукою Духа. *Изжени*, сказал Соломон, *от сонмища губителя, и изыдет с ним прение* (Притч. 22, 11). Не могло, по слову Господа, быть вырвано растение, посаженное Отцом и обещавшее принести

обильный плод. Сохранил свой виноград Бог израилев; дом его есть виноградник Господа, и потому неудивительно, если из этого дома был выгнан вор, поскольку, страж его, как известно, не спал. Что же будет делать этот упорный нечестивец? На что он надеется, от кого ждет помощи? Не простится ему, по писанию, *ни в сей век, ни в будущий* (Матф. 12, 32). *Всяк возносяйся смирится*; напротив смирение христианское рождает возвышение, потому что Христос возвышает того, кто уповает на Него. Устами пророка Господь сказал: *не живяте посреде дому моего творяй гордыню* (Пс. 100, 7), а чрез апостола Он обещался погубить бую мудрость мира сего (1Кор. 1, 19, 20). Пусть он выслушает от нас то, что слышал апостол, когда проповедовал: многие книги привели его к неистовству (Деян. 26, 24). Впрочем это к нему нейдет, ибо что сказано об учителе, того недостойн слышать невежда. И зачем мы приводим для примера сосуд избрания? Для обличения его достаточно указать на разбойника, висевшего на кресте со Христом. Благодетельное наказание заставило разбойника исповедать Господа. Он просил Господа помянуть его во царствии. Этою краткою речью он загладил все, что сделал преступного в прежнее время, и получил прощение. Господь сказал ему: *днесь со Мною будети в раи* (Лук. 23, 43). Господь обещал разбойнику, вместе с Ним страдавшему, свое будущее общение. При такой противоположности мы должны сказать: жаль, что епископ не достиг того, что получил разбойник. Какая награда за веру и вероломство! Суд Божий – глубокая бездна! Разбойник заслужил рай, а священник ссылку. Впрочем мы имеем на это истинных толкователей. Разбойник среди мучений познал Господа, тогда как епископ, находясь в чести, отвергнул Его. Не правда ли, что *человек в чести сый не разуме, приложися скотом несмысленным и уподобися им* (Пс. 48, 13)? Разумение и суд есть не что иное, как познание и уразумение слов премудрости, а истинная мудрость, по словам Соломона, та, которая происходит от страха Господня. Эту премудрость находит блаженный апостол только у совершенных; поэтому важно не то, что мир ее не познал, а то, что епископ не уразумел ее. В этом случае я приведу слова Господа, сказанная

чрез Иеремию: *и держащий закон не ведеша Мя, и пастыри и пророцы нечествоваша на Мя* (Иер. 2,8). Мы слышали, что этот беззаконник имел некоторые утешения: его не оставили целестиане, делатели нечестия, о которых известно нам от нашего Гимнидика; но враги Божии рассеются, погибнут творящие нечестивое и снедающий народ Господень в снедь хлеба (Псал. 91, 10, 13, 4). Следовательно в изгнании новый человек имел совершенных и хороших учителей. Люди, совершившие одинаковые преступления, обыкновенно, сходятся между собою, а тем более связывает подобных людей гнусность их пороков. Но какой их конец? Тот, о котором мы знаем, что *посмеется им Господь, и будут посем в падение бесчестно, и во укоризну в мертвых в век* (Прем. Сол. 4, 18, 19). Но что мы медлим? Наше слово едва ли увеличит мерзость порока; оставим *мертвых погребсти своих мертвецов* (Матф. 8, 22). Выслушайте теперь слова истинного учителя, выслушайте от чего то, что он сам слышал от наших предшественников, в чем нет никакой новизны. Нашими устами говорил вам наш собрат, ибо он проповедует с нами одну веру. Он избран и поставлен нами из среды нас. Об нем не нужно много говорить, так как дела всем известные хвалить излишне. Впрочем теперь прилично предостеречь вас нашим словом, дабы никто из вас не колебал здания, построенного на твердом, краеугольном камне. Пристраивайте к этому зданию то, что нужно. Вы теперь узнали, что значит пристраивать то, что удобосгораемо. *Когождо дело яково же есть, огонь искусит* (1Кор. 3, 13). Радуюсь, что вы положили в это основание не солому, не дрова и сено, а те сокровища, которые заповедали полагать мудрые архитекторы. Вам хорошо будет, потому что вы постройте здание прочно. Прочное здание требует таких материалов: серебра, золота и камней драгоценных. Жилище из такого материала будет бесценно. Такое жилище вечно, оно не подвержено ни порче, ни ветхости; Господь уготовал его праведным от создания мира. *Укрепятся, по слову пророка, руки ослабленные и колена расслабленные; малодутные умом здравы будут* (Ис. 35, 3, 4). Поэтому, дражайшие дети, твердо стойте в согласии своих мыслей и чувств, дабы услышать от

Сына человеческого, когда Он приидет во славе своей: не – *отыдите от Мене проклятии, но – приидите ко Мне благословеннии* (Матф. 25, 34, 41). Пусть грядущий отлучит козлиц; но мы желаем, чтобы вы стояли на правой стороне, и когда отверженные пойдут в огонь, вы были призваны в царство. Идите теперь узкими вратами, и вы достигнете того, чего не получают идущие пространными вратами. Мы достаточно сказали для вашего утешения. Желаем, чтобы вы, радуясь торжеству веры, разумели, что между нами находится Бог мира и любви. – Дан в половине марта, в консульство Флавия Аэция и Валерия.

Список с императорского послания к Иоанну, епископу антиохийскому, о мире и единении святых церквей, посланного чрез Аристолая, трибуна и нотариуса

Императоры цезари, победители, триумфаторы, величайшие, всегда августы, Феодосий и Валентиан, – Иоанну, епископу антиохийскому.

Восстановление мира есть единственное наше желание. Мир этот теперь у вас восстановлен; не переставайте же учить ему и всех прочих, принадлежащих к священному сану. Этот мир был нарушен, но мы нисколько не сомневаемся, что все вскоре возвратятся к нему, если вы будете увещевать их. В наше время случилось неожиданное и печальное событие, именно разногласие в истинной вере священников, и притом такое, что превышает всякую меру повествования. Мы сначала думали, что этот спор прекратится на половине и принесет плоды совершенного единомыслия, но тут-то именно и возгорелся пожар разногласий и тревог. Нам больно и прискорбно, что учителя церковного мира сами сделались источниками раздоров; и между ними не нашлось никого, кто бы мог наставить их тому, что проповедовать они должны были по своей прямой обязанности. Поэтому, желая прекратить это дело, мы всеми силами стараемся о том, чтобы соблазн раздора не распространялся далее. Посоветовавшись со

святѣйшим Максиміаном и со всеми прочими епископами этого города и со всем их клиром, мы решили соединить во едино членов православной веры, бывших между собою прежде в единении, а потом разделившихся по этому несчастному случаю. Мы желаем, чтобы вы, т. е. ты и Кирилл александрийскій, согласились между собою и, отложив всякое притворство и распрю, возвратились к прежнему единению. Все сказанные благочестивейшіе епископы поручились, что если ты подпишешь низложение Нестория и анафематствуешь его учение, всякій раздор тотчас прекратится. И Кирилл, святѣйшій епископ александрийскій, и Целестин, епископ славного Рима, и все прочіе священники православной веры придут с тобою в общеніе. Если вы, согласившись между собою и вообще со всеми, примете это решение, то его примут и все другіе, желающіе исправленія. Итак когда ты узнаешь о нашем решении и советѣ, то всеми силами настой на том одном, чтобы прекративши всякій спор и распрю, с помощью Божіею, восстановить прочный мир во всех церквах, исповѣдующих православную веру, а чрез них и между всеми нашими подданными. Поспѣши также отправиться в город Никомидію, но не бери с собою ни одного из епископов, кроме некоторых клириков, которые бы служили твоей святости. Сообщая тебѣ о нашем решении, мы своим посланіем повелѣли также и святѣйшему Кириллу, с равною поспѣшностію отправиться в тоже место. Мы возвестили ему, чтобы он не приходил к нам, прежде, нежели вы установите между собою взаимную дружбу и вашим согласіем будете содействовать к утвержденію общаго мира между всеми. Это же самое мы подтверждаем и твоему благочестію. Мы не дозволим явиться к себѣ никаким славным мужам, до тех пор, пока не будет исправлено все то, что причинило нам столь великую скорбь. Если установится между вами, по нашему слову, желанный мир и согласіе, то всякое постановленіе и низложеніе епископов будет зависеть от решения кафолической Церкви, которое впрочем должно совершаться без шума и волненія. Когда настанет совершенное единеніе, тогда клирики могут приступить к отправленію божественных служеній. Внимай сказанному нами. Если со

вниманием вникнешь в наш искренний и христианского тщания достойный совет, – мы не сомневаемся, что ты всеми силами, всем своим умом позаботишься благовременно устроить все необходимое для единения святых Церквей, не опасаясь в этом деле ни труда, ни утомления, ни бесславия, ни обид. Если же ты осмелишься (чему мы не верим) презреть наш совет и наше искреннее желание, под влиянием какой-нибудь человеческой страсти, если не обратишь внимания и на другие наши декреты, то знай, что пречестность твоя, за небрежную медлительность в устроении церковных дел, получит заслуженное наказание.

Послание императоров к блаженному Симеону столпнику

Так как мы известились, что ты ведаешь благочестивую жизнь и с дерзновением можешь призывать на нас благоволение Божие: то мы не могли не написать тебе о деле, которое вполне зависит от Промысла божественного. Ты позаботишься, чтобы нарушенный мир был восстановлен и раздор, посеянный диаволом, был прекращен. Мы не сомневаемся, что это исполнится при содействии молитв твоей святости и увещаниями к тем, которые могут утвердить и восстановить мир. Ибо если благочестивейший Иоанн, епископ антиохийский, подпишет низложение того, который посеял семена раздора, и уверит нас, что он не согласится с новым безумным догматом, если в этом будут согласны все, то единение разделенных членов восстановится. Если Иоанн согласится с благочестивейшим епископом Кириллом, с которым согласны епископы всего мира, и западные и константинопольские, – мир будет восстановлен. Эту великую скорбь и смуты произвело новое и вредное учение. При содействии ваших молитв и при помощи Божией мы надеемся примирить и согласить епископов. Ибо раздор и несогласие возмущают нас и мы считаем их главной причиной всех наших бедствий. Мы надеемся, что дела нашего царства пойдут успешнее по милости Божией, если члены Церкви будут согласны в делах веры. В этом деле тебе предстоит прекрасный

случай уничтожить козни демона, и это вменится тебе в величайшую награду и славнейшую победу. Если ты достигнешь этого, то ты приобретешь себе уважение и любовь, и я прошу тебя, по обыкновению, помолиться за нас и наше царство Богу, дабы Он оказал нам свое благоволение, за наше попечение о мире веры.

**Список с императорского послания,
написанного к Акакию, епископу
веррейскому, Симеону, отшельнику
антиохийскому, и в другие епархии, в
каждую отдельно**

Нами решительно ничто не опущено из всего, что должно было нам сделать своим старанием для нашей веры: твоя святость с точностью узнает это от Иоанна, благочестивейшего епископа антиохийского, и других святых епископов, которые находятся при нем. —

При всем том произошли касательно этого дела некоторые споры и несогласия, которых, при всем желании своем, мы не могли устранить, возбраняемые множеством дел. Мы решились, впрочем, не оставлять заботы об этом до тех пор, пока всеблагий Бог не дарует единения святым церквам. Поэтому прилично твоей святости со всею ревностью молить Бога о том, чтобы он явил священников римской Церкви безукоризненными.

**Послание Иоанна, епископ антиохийского, и
прочих, находящихся при нем, к Сиксту,
епископу римскому, Кириллу, епископу
александрийскому, и Максимиану, епископу
константинопольскому**

Святейшим и боголюбезнейшим братьям и сослужителям, Сиксту, Кириллу и Максимиану, Иоанн, со всеми прочими, находящимися со мной (желаю) всякого блага о Господе.

Главная забота и цель всех, кому выпал жребий священства и вверено от Спасителя всех нас Христа

божественное служение епископства, состоит в том, чтобы отличать правую веру и преподавать ее вверенному народу. Вследствие этого, по повелению благочестивейших и христолюбивейших императоров, в прошлом году собрался в ефесской митрополии, по делу Нестория, собор боголюбивейших епископов и, по согласию с легатами, присланными от Целестина, блаженной памяти епископа римского, осудил упомянутого Нестория на низложение, как принимающего нечестивое учение, как виновника многих соблазнов, неправо мыслящего о вере. Мы опечалились, когда прибыли туда же и узнали все дело. По этой причине, когда у нас с собором вышли несогласия и много с той и другой стороны было говорено и сделано, мы возвратились в свои церкви и города, и не подписали в это время определений святого собора, касавшихся низложения Нестория. Потом же, когда церкви взаимными несогласиями разделились, и только о том одном, казалось, всем наиболее должно было стараться, чтобы, уничтожив всякий раздор, соединиться опять, – когда и благочестивейшие и христолюбивейшие императоры желали того же самого и строго приказали знаменитому трибуну и нотариусу Аристолаю, посланному к нам с этою целью, чтобы всякая распря была прекращена и везде водворился мир церквей Божиих: угодно было и нам принять определение св. собора, низлагавшее Нестория, считать его отлученным и анафематствовать богохульное учение его, для того, чтобы наши церкви, так же как и ваша святость, удержали и сохранили всегда правую и неповрежденную веру, и передали ее народу. Соглашаемся и на рукоположение Максимиана, святейшего и благочестивейшего епископа святой константинопольской церкви, и имеем общение со всеми благочестивейшими епископами целого мира, которые содержат и сохраняют православную и чистую веру.

**Грамота, которую Павел, епископ эмесский,
посланный от Иоанна, епископа
антиохийского, вручил александрийскому
архиепископу Кириллу**

Господину моему, святейшему и преосвященнейшему архиепископу Кириллу, епископ Павел (желаю) всякого блага о Господе.

Благочестивейшие и непобедимейшие императоры наши, – в засвидетельствование своего старания и заботливости, которые они издавна оказывают в отношении к подданным, а более всего в отношении к святым церквам Божиим, и в доказательство того, что они хранят веру, принятую от предков, в ея святости, правоте и без малейшего повреждения, – послали с знаменитым трибуном и нотариусом Аристолаем к твоей святости, равно как и к святейшему и благочестивейшему Иоанну епископу и святейшему и благочестивейшему отцу нашему Акакию, епископу веррейскому, письма, в которых повелевают нам, сошедшись лично, или, по крайней мере, собравши мнения, прекратить несогласия, возникшие между нами и боголюбивейшими епископами, составлявшими собор в Ефесе, даровать угодный Богу мир святым Его церквам, утишить ежедневно свирепствующую в Церкви Божией бурю, а также согласиться на отлучение Нестория и анафематствовать его пагубное учение. Святейшие епископы, Иоанн и Акакий, получивши это благочестивое и по истине христианское письмо и рассудив, что многое требует личного свидания с вами, так как иначе потребовалось бы много времени, послали меня к твоей святости для совместного рассуждения, каким бы способом водворить прочный мир и настоящее благое дело закончить прилично и полезно. Прибыв сюда, после свидания и разговоров, я встретил и в твоей святости расположенность к кротости и миру и распоряжения такие, какие приличны архиерею. Твоя святость вручила нам письмо, которое содержит чистую и правую веру, проповеданную отцами: а это-то и требовало прежде всего труда и заботы. А так как и то, что относится к Несторию, в следствие постановленного вами определения, должно быть утверждено: то я лично представляю твоей святости эту грамоту, которою свидетельствую, что мы принимаем поставление святейшего епископа Максимиана, а Нестория, который прежде его был епископом великого Константинограда, считаем низложенным; сверх того

анафематствуем в его учении то́, что высказал он нечестиво, и содержим чистое и искреннее единение с вами, оставаясь верными изложению учения о воплощении Бога Слова, вкратке изложенному нами и представленному твоей святости, которое одобрил и ты сам, нашедши в нем свою собственную веру: список с него представляем мы и при этом письме. – Таким образом этим чистым единением мы полагаем, напоследок, конец всем этим несогласиям, которые доселе по временам случались с той и другой стороны, как обыкновенно бывает при беспорядках, и благодатию Божиею возвращаем церквам прежний мир и спокойствие.

Поучение епископа Кирилла, сказанное к народу 23 апреля

Твердых в благочестии и имеющих несомненную и украшенную святыми догматами веру пророк называет землею вожделенною, говоря: *будете вы земля пожеланная, глаголет Господь вседержитель, и ублажать вы вси язы́цы (Мал. 3, 12)*. Землею же вожделенною называет он землю самую плодородную и плодоносную, – мать и питательницу домашних плодов. Подобна ей и всякая Богу возлюбленная и святая душа, избравшая Христа, как бы некоего возделывателя и сеятеля всякого блага, который открывает нам и знание святых догматов. Но враг всего, то есть сатана, возбуждает в свою пору злые плевелы, посеянные сверх пшеницы. Впрочем эти плевелы, хотя и цветут, опадают, и поле таким образом остается совершенно чистым. Посему всю Церковь отвергнут Несторий, – эти, Поистине, горькие плевелы дьявола, – и относительно прочего согласны между собой существующия на всем земном шаре читатели Бога – епископы, исповедуя правую и единую веру. Все они, рассеянные по всему миру, даже восточные, вступили в общение с нашими церквами. Ибо и там признанные, возлюбленные Богу епископы исповедуют веру правую и чистую. – А что писал ко мне боголюбезнейший и почтеннейший епископ антиохийский, и что я ему отпишу, услышите, если Богу будет угодно.

Послание Иоанна, епископа антиохийскаю, к Кириллу, архиепископу александрийскому

Господину моему, благочестивейшему и святейшему сослужителю Кириллу, Иоанн (желаю) всякого блага о Господе.

Указом благочестивейших императоров наших давно повелено собраться собору боголюбивейших епископов в ефесской митрополии, с одной стороны, ради дел и несогласий церковных, с другой – ради правой веры. Когда к упомянутому городу прибыли и мы, и после взаимных переговоров опять возвратились (излишне, впрочем, теперь, во время мира, вспоминать причины несогласия), и когда церкви впали таким образом в тягостное несогласие: всем должно было наиболее заботиться о том, чтобы, совершенно уничтожив раздор, восстановить, наконец, единение Церкви Христовой. Это повелевали и сами благочестивейшие и христоролюбивейшие императоры: для этой цели и послали они достоуважаемого господина моего, знаменитого трибуна и нотариуса Аристолая, который доставил благочестивые их послания, повелевающие нам собраться и совершенно уничтожить соблазн и прекратить всякое возмущение и раздор. Согласно с этими благочестивыми посланиями, мы тотчас послали моего господина, вполне боголюбезного и святейшего епископа Павла. На это изъявили свое согласие и благочестивейший отец наш епископ Акакий и прочие, бывшие с нами епископы. Сделали же мы это для большего удобства, так как не могли, согласно с волею благочестивейших наших императоров, отправиться сами для личного свидания. Мы уполномочили его от нашего лица, вместо нас и нашим именем сделать все, способствующее миру (это главная цель его посольства) и вместе с тем представить твоей святости изданное нами по общему согласию изложение веры о воплощении Господа нашего Иисуса Христа, которое и посылаем твоему благочестию чрез упомянутого боголюбезнейшего мужа. Вот оно:

О том, как мы думаем и говорим о Богородице, Деве Марии, и об образе вочеловечения едиnorodного Сына Божия, по необходимости скажем коротко, скажем не в виде

угодливости кому-нибудь, а в форме полного убеждения, как почерпнули мы это из писаний божественных и предания святых отцов, ничего ровно не прибавляя к вере, изложенной святыми отцами в Никее; ибо и ее, как мы и прежде говорили, довольно достаточно для познания всякого благочестия и для низложения всякого неправого еретического учения; – скажем, притом, не с тем, чтобы изъяснить непостижимое, но чтобы признанием собственного бессилия устранить от себя тех, которые только и желают заниматься тем, что превышает разумение человеческое.

Итак, мы исповедуем, что Господь наш Иисус Христос, едиnorodный Сын Божий, есть совершенный Бог и совершенный человек, (состоящий) из разумной души и тела; что Он рожден прежде веков от Отца – по божеству, а в последнее время, ради нас и ради нашего спасения, от Марии Девы – по человечеству; что Он единосущен Отцу по божеству и единосущен нам по человечеству; ибо (в Нем) совершилось соединение двух естеств. Почему мы и исповедуем одного Христа, одного Сына, одного Господа. На основании такого неслитного соединения мы исповедуем пресвятую Деву Богородицею, потому что Бог Слово воплотился и вочеловечился и в самом зачатии соединил с Собой храм, от нее воспринятый. Известно, что знаменитые богословы одни из евангельских и апостольских изречений о Господе обыкновенно делают общими, как принадлежащие одному лицу, другие же, по причине различия двух естеств, принимают раздельно, и те из них, которые приличны Богу, относят к божественности Христа, недостойные же Бога – к Его человечеству.

Принимая такую веру, мы хотели бы, чтобы прекращен был всякий спор, чтобы всем святым церквам Божиим, рассеянным по всему миру возвращен был мир и уничтожены были все соблазны; чтобы Несторий, прежний епископ константинопольский, был низложен, а неправое и нечестивое учение его было анафематствовано, потому что церкви наши содержат правую и неповрежденную веру, охраняют ее и передают народу, как и ваша святость. Соглашаемся также и на постановление святейшего и благочестивейшего Максимиана,

епископа святой константинопольской церкви Божией, и пребываем в общении с благочестивейшими епископами всей вселенной, сохраняющими и проповедующими правую и неповрежденную веру. – Прощай, благочестивейший и преосвященнейший владыка, искреннейший мой брат, и продолжай молиться о нас.

**Беседа Павла, епископа эмесского,
произнесенная 25 декабря в великой
александрийской церкви, в присутствии
блаженного Кирилла, о рождестве Господа и
Спасителя нашего Иисуса Христа, также о
том, что пресвятая Дева Мария есть
Богородица и что мы признаем не двух, но
одного Сына и Господа, – с похвалою
архиепископу Кириллу**

Благовременно ныне увещавать ваше благочестие – составить вместе с нами некий священный хор и вместе с святыми ангелами воскликнуть: *слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение* (Лук. 2, 14). Ныне *Отроча родися нам* (Иса. 9, 6), на котором сосредоточена несомненная надежда спасения для всей видимой и невидимой твари. Ныне разрешаются сверхъестественные роды: от Девы, не знающей брака, является плод. О, чудо! Дева рождает, становится матерью, но не испытывает того, что обыкновенно испытывают матери; рождает, как естественно матерям, но остается девою, являясь выше закона Рождающих. Пророк Исаия, провидя издали это чудо, восклицал: *се Дева во чреве зачнет, и родит Сына, и наречеша имя Ему Еммануил* (7, 14). А евангелист, приводя это место, замечает, что имя это значит: *с нами Бог* (Матф. 1, 23). – Таким образом Богородица Мария рождает Еммануила.

Народ воскликнул: „вот истинная вера – дар Божий, православный Кирилл! Это-то хотели мы слышать. Кто говорит иначе, – анафема“!

Епископ Павел продолжал:

Кто говорит, думает, рассуждает иначе, да будет отлучен от Церкви. – Богородица Мария родила нам Еммануила, то есть, Бога вочеловечившегося. Ибо Бог Слово, таинственным и непостижимым образом рожденный от Отца прежде веков, в последние времена родился от Жены. Воспринявши совершенно нашу природу, соединившись с человечеством в минуту самого зачатия и сделавши плоть нашу храмом для Себя, Он произошел от Богоматери совершенным Богом и вместе совершенным человеком; ибо соединение двух естеств, божества и человечества, образовало одного Сына, одного Христа, одного Господа.

Народ опять воскликнул: „благословен приход твой, епископ православный! Достойный пришел к достойному! Христиане говорят: это дар Божий, православный Кирилл»!

Епископ Павел стал говорить:

Знаю и я, возлюбленные, что я пришел к отцу православному. – Мы поклоняемся не четверице, но Троице: Отцу, Сыну и Св. Духу. А тех, которые говорят, что есть два сына, мы анафематствуем и изгоняем из священной ограды Церкви. Не двух, значит, сынов признаем мы, и Еммануила не считаем простым человеком, или даже исполненным по преимуществу благодати, как это свойственно пророку, или праведнику; ибо в Нем *живет всяко исполнение Божества телесне (Кол. 2, 9)*, – живет, то есть, в самом теле Его, так как наше тело Он сделал своим. На этой вере, на этом уповании, на этом камне положено Господом Богом основание Церкви. Так, когда Господь Иисус Христос шел в Иерусалим, Он спросил учеников своих: *кого Мя глаголют человецы быти, Сына человеческого?* Апостолы отвечали: *ови убо Иоанна Крестителя, инии же Илию, друзии же Иеремию, или единого от пророк.* И сказал им: *вы же, избранные Мною и считающие ложными мнения тех, из коих одни принимают меня за Иоанна Крестителя, другие за Илию, третьи за Иеремию, или одного из пророков, вы, которые три года последовали за Мной, которые видели Мою силу и чудеса, видели как Я ходил по морю, и разделяли со Мною стол, вы кого Мя глаголете быти?* Тотчас

первоверховный из апостолов, уста учеников, Петр сказал: *Ты еси Христос, Сын Бога живаго* (Матф. 16, 13–16). *Ты еси Христос*, то есть, соединивший в Себе два естества, вочеловечившийся. *Ты еси Христос*, – не сказал – сыны, а – *Сын Бога живаго*, ибо знал единство Лица. – Помолимся же Отцу (небесному), да ниспошлет Он нам обычную трапезу – всесовершенные и многообразные дары Св. Духа, да восполнит чашу учения, да исполнит нас того веселия, которое – мать целомудрия. Скажем: да встанет Отец, слава моя, да встанет псалтирь и гусли (Пс. 56, 9) Святого Духа, которому слава и держава во веки веков. Аминь.

**Беседа того же (епископа Павла), сказанная в
великой александрийской церкви, 1-го
января, о воплощении Господа и Спасителя
нашего Иисуса Христа, и в похвалу
архиепископу Кириллу**

Недавно, ратуя за истину пред вашею любовью с усилием борца, мы не могли окончить своего слова: нужды наших братий побудили нас оставить место сражения. Теперь приготовившись вновь, опять выступаем на борьбу. Пусть и теперь этот истинный отец и наставник сделает тоже, что сделал тогда: пусть будет судиею этой борьбы. А тогда своим веселым лицом и светлою улыбкою он засвидетельствовал, что ему приятна эта борьба, и протянувши к нам свою десницу, как масличную ветвь, показал тем, что он стоит на нашей стороне, и высказал, что он удостоивает своего сына похвалы и готов увенчать его и провозгласить победителем.

Народ воскликнул: „дар Божий – Кирилл! ты всех сделал подобными себе. Достойный пришел к достойному. Народ твой говорит: сохрани Господи отца епископов. Кстати пришел ты, епископ православный, учитель вселенский. Кто верует таким образом, того любят. У великого учителя великий почитатель“.

Епископ Павел сказал:

Итак возвратимся к Богоматери Марии и родившемуся от нее Еммануилу, т. е. Богу вочеловечившемуся. Дева родила нам

Еммануила, по божеству единосущного Отцу, по человечеству единосущного нам. Иначе, каким образом мог бы Он быть назван жезлом от корене Иесеева (Ис. 11, 1), семенем Авраамовым (Евр. 2, 16), сыном Давида (Мф. 1, 1)? Какой смысл был бы этого выражения: *от них же Христос по плоти, сый над всеми Бог* (Рим. 4, 5)? или как следовало бы понимать следующие слова блаженного Павла: *о Сыне своем, бывшем от семени Давидова по плоти: нареченном Сыне Божии в силе, по Духу святыни, из воскресения от мертвых, Иисуса Христа Господа нашего* (Рим. 1, 3, 4)? Таким образом пресвятая Мария родила Еммануила, по божеству, как мы сказали, единосущного Отцу, по человечеству единосущного нам, – бесстрастного по божеству, подверженного страданиям по человечеству. Ибо хотя Бог Слово усвоил Себе страдания своей плоти и признавал их своими; однако сам Он оставался в пределах бесстрастия. И хотя ты слышишь, что Он сам говорит: *плещи моя вдах на раны и ланите мои на заушения, лица же моего не отвратих от стыда заплеваний* (Ис. 50, 6): при всем том не думай, что бы Он потерпел что-нибудь собственным естеством, а лучше позаботься усвоить себе страдания его плоти; ибо Бог Слово остался бесстрастным. Но противящиеся божественным писаниям и здравым догматам возразят нам: если Бог Слово бесстрастен, неизменяем и непреложен, то каким образом Слово стало плоть? Выслушай, возлюбленный. *Слово плоть бысть* (Иоан. 1, 14) не пременением в плоть; ибо ни божество Слова не преложилося в плоть, ни плоть воспринятая не изменилась в естество принявшего ее. Что же значит: *Слово плоть бысть*? То только, что Слово восприняло плоть, и не одну плоть, но с разумною и мыслящею душою, т. е. восприняло всю нашу природу. Таким-то образом Слово стало плотью. Чтобы видеть силу сказанного, я хотел бы, чтоб вы поняли мысль громогласного Иоанна. Иоанн богослов, сын громов (Мар. 3, 17), который удостоился возлежать на персях у Господа (Иоан. 13, 25) и потом изложил для нас высочайшие и божественнейшие догматы, хочет изобразить чрезмерное человеколюбие Божие к нам и прежде всего говорит о божественных свойствах: *в начале бе Слово, и Слово бе к Богу,*

и Бог бе Слово; сей бе искони к Богу, вся тем быша, и без него ничтоже бысть, еже бысть (Иоан. 1, 1–3). Сим указывает евангелист на совечность Слова Отцу, так как мы ничего не знаем древнее этого *в начале*: сколько ни забегай вперед своею мыслию, тебя предупредит *было (бе)* и само *было* не имеет никаких пределов. Сказавши это и назвавши Слово совечным Отцу и творцом всего, он прибавляет: *и Слово плоть бысть*, как бы так говоря: Тот, который совечен Отцу и есть Господь и творец всего, для нас и для нашего спасения до того смирил Себя, что стал плотию, дабы ничтожною ценою нашей природы открыть нам чрезмерное милосердие Божие. Таким образом Слово, говорит, *плоть бысть*, и, не останавливаясь на этом, продолжает: *и вселися в ны*: последующее есть изъяснение предыдущего. Ибо что значит: *Слово плоть бысть*, как не то, что Оно вселилось в нас, т. е. в нашу природу? Смотри еще, как Иоанн говорит о двух естествах и об одном Сыне. Одно у него селение, и другое то, что вселилось, одно храм, и другое Бог вселившийся в храм. Вникни в сказанное. Не сказал я: один и другой, как естественно бы сказать о двух лицах, или о двух Христах, или о двух сынах; а сказал: одно и другое, как прилично говорить о двух естествах. После сего, сказавши: *и вселися в ны*, и указавши этим на двойство естеств, евангелист продолжает: *и вселися в ны, и видехом славу его, славу яко Единородного от Отца*. Не сказал: славу двух сынов, но сказал: славу Единородного. Таким образом Исаия называет его Еммануилом, т. е. Богом вочеловечившимся. Петр говорит: *ты еси Христос Сын Бога живаго (Мф. 16, 16)*, исповедуя двойство естеств и единство лиц. А Иоанн богослов говорит: *и вселися в ны (Иоан. 1, 14)*, указывая на два естества и единое лице Единородного.

Но Бог Слово пребывает бесстрастным. Я опять возвращаюсь к этому. Вникни в сказанное. Свойства божественные Он сообщил воспринятой природе, но из того, что свойственно человечеству, ничего не привнес в Себя. Ходил Он по морю (Мф. 14, 25), но ходил собственным телом. Повелевал морю и ветрам (Мар. 4, 39. Лук. 8, 24) также собственным телом. Встретился Ему прокаженный, который говорил: *Господи аще*

хощеши, можеши мя очистити, и Он сказал: хощу очистися (Мф. 8, 2, 3). Плоть Господня коснулась его, и болезнь прошла, проказа исчезла. Напитал пять тысяч пятью хлебами (Иоан. 6, 5–14), собственным телом. Ибо, приняв хлеб, воздал хвалу Отцу, и преломил и дал ученикам своим, а ученики подали народу и наполнили 12 кошниц остатков. Одному Богу свойственно отпущать грехи; но Он сказал: да увесте, яко власть имать Сын человеческий на земли отпущати грехи (Мр. 2,

10). Еще сказал Он: никтоже взыде на небо, токмо сшедый с небесе, Сын человеческий сый на небеси (Иоан. 3, 13). Замечаешь, как свойства божественные сообщил Он природе человеческой! Но когда видишь Его жаждущим, алчущим, утомленным, проливающим пот, преданным Пилату, влачимым, и мучимым воинами, находящимся в предсмертных муках, молящимся: Элои, Элои, лама савахфани, т. е. Боже мой, Боже мой, почто Мя оставил еси (Мр. 15, 34), или Отче мой, аще возможно есть, да мимоидет от Мене чаша сия: обаче не якоже Аз хощу, но яко же Ты (Мф. 26, 39), когда видишь Его распятым на кресте, – видишь, что руки и ноги Его прободены гвоздями, а ребро копьем: тогда помышляй, что Бог Слово оставался бесстрастным, но усвоял Себе все то, что претерпел своею плотию. А чтобы показать, что и во время страдания Он не оставлял собственного храма: когда Иудеи совершали это печальное дело с Господом, Он, как Бог, помрачил лучи солнца, покрыл тмою всю землю, раздрал завесу храма (Лук. 23, 44, 45), сокрушил камни, воскресил мертвых (Мф. 27, 51–53). Все это сделал Он для того, чтобы ты понял, что Он соприсутствовал страждущему, усвоял Себе его страдания, но сам, не подверженный страданиям, совершил все это.

Мы предложили вам ваше же. Ибо это учение вашего отца; это родовое ваше наследство, это догматы блаженного Кирилла, это учение великого Феофила, столпов православия. Но как вы терпеливо внимали нашему худословию, то ожидайте теперь премудрости отца; вы слушали пастушескую свирель, послушайте же громогласной трубы, –

Народ сказал: „сын Афанасия и Феофила! мы желаем слышать премудрость Кирилла“! – Епископ Павел говорил: – которая возбуждает наши православные умы и посрамляет оружие врагов Церкви. Итак воздадим славу Богу ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

Кирилла епископа александрийского, о Павле, говорившем прежде, и о воплощении Господа

Блаженный пророк Исаия, предвозвещая обилие слова христианских учителей, говорил: *почерпите воду с веселием от источник спасения (Ис. 12, 3)*. И вот мы почерпнули для вас воду из священного источника: я говорю об учителе, который говорил прежде нас, который, просвещенный светом Духа Св., раскрыл нам великое и досточтимое таинство искупления нашего, таинство, по вере в которое мы спасены, сложили с себя тяжелое и неудобноносимое иго греха, и кроме того, избавившись от уз смерти, говорим с пророком: *где пряталась твоя, смерть, где остыл твой, ад (Ос. 13, 14, 1Кор. 15, 55)*? Итак Бог Слово, которое *было в начале* и пребывает *в лоне Отца (Иоан. 1, 18)*, чрез которое все и в котором все, ради нас добровольно подверглось истощению и *стало плотью*, т. е. человеком. Ради нас Он *смирил Себя (Филип. 2, 8)* и сделался Сыном человеческим, дабы мы чрез Него обогатились Отцом; ибо в молитвах своих мы научены говорить: *Отче наш, иже еси на небесех (Мф. 6, 9)*. Таким образом Единородный сделался первородным для того, чтобы мы обогатились Его благами. Понес Он крест, презирая стыд, и добровольно предал тело свое на смерть, не для того, чтобы с нами, повинными смерти, остаться мертвым, но чтобы нас совоскресить с Собою, разрушив державу смерти. Возблагодарим же вочеловечившееся ради нас Слово ныне, и всегда, и во веки веков. Аминь.

Послание Кирилла, архиепископа александрийского, к Иоанну, епископу

антиохийскому, отправленное с Павлом, епископом эмесским

Господину моему, возлюбленному брату и сослужителю Иоанну, Кирилл желает всякого блага о Господе.

Да возвеселятся небеса и радуется земля (Пс. 95, 11). Разрушено средостение (Еф. 2, 14), печаль прекратилась и всякие раздоры уничтожены, так как общий Спаситель наш Христос даровал мир церквам своим, а благочестивейшие и возлюбленнейшие Богу императоры призывали к тому. Будучи лучшими ревнителями веры праотцов, они бодрствуют духом своим на страже твердости и непоколебимости правой веры, да еще и то особенное старание прилагают о святых церквах, чтобы они постоянно находились в величайшей славе и способствовали цветущему состоянию их царства; и сам Христос, Господь вышних сил, щедрою рукою ниспосылает им блага, помогает одолевать врагов и дарует победу. И не обманывается говорящий: *живу Аз, глаголет Господь, и прославляющих Мя прославлю (1Цар. 2, 30)*. Итак мне особенно было приятно прибытие в Александрию господина моего, благочестивейшего Павла, сослужителя и брата, и не даром, – в посредники избран такой муж, и понес труды выше сил своих для того, чтобы упразднить ненависть диавола, соединить разделенное и увенчать миром и согласием наши и ваши церкви, потерпевшие от беспорядков. От чего произошло меж ними несогласие, поминать излишне. Лучше, кажется, думать и говорить о том, что прилично времени мирному. Итак мы обрадовались посещению помянутого благочестивейшего мужа, который, может быть, ожидал немалого спора, имея советовать нам, что должно позаботиться о соединении церквей миром и согласием, об уничтожении посмеяния людей разномыслящих и о притуплении острия диавольского нечестия. Однако он нашел нас готовыми к этому делу, так что ему не представилось в этом никакого труда. Ибо мы помним слова Спасителя нашего: *мир мой даю вам, мир мой оставляю вам (Иоан. 14, 27)*. Да и в ежедневных молитвах научены мы говорить: *Господи Боже наш, мир даждь нам, вся бо воздал еси нам (Ис. 26, 12)*. Почему

каждый причастный миру, даруемому Богом, не будет иметь недостатка в каком-нибудь благе. А как возникло несогласие церквей, совершенно лишнее и без всякой законной причины, это подробно узнали мы из письма, доставленного нам теперь господином нашим, благочестивейшим епископом Павлом, и содержащего в себе безукоризненное исповедание веры; он доставил нам и исповедание, составленное как твоею святостию, так и прочими находящимися там епископами, которое мы заблагорассудили буквально поместить в нашем письме. Вот оно:

„О том, как мы думаем и говорим о Богородице Деве Марии и об образе вочеловечения едиnorodного Сына Божия, – по необходимости скажем коротко, скажем не в виде угодливости кому-нибудь, а в форме полного убеждения, как почерпнули мы это из писаний божественных и предания святых отцов, ничего ровно не прибавляя к вере, изложенной святыми отцами в Никее; ибо и ее, как мы и прежде говорили, довольно достаточно для познания всякого благочестия и для низложения всякого неправого еретического учения; – скажем притом не с тем, чтобы изъяснить непостижимое, но чтобы признанием собственного бессилия устранить от себя тех, которые только и желают заниматься тем, что превышает разумение человеческое.

«Итак, мы исповедуем, что Господь наш Иисус Христос, едиnorodный Сын Божий, есть совершенный Бог и совершенный человек, (состоящий) из разумной души и тела; что Он рожден прежде веков от Отца по божеству, а в последнее время, ради нас и ради нашего спасения, от Марии Девы – по человечеству; что Он единосущен Отцу по божеству и единосущен нам по человечеству; ибо (в Нем) совершилось соединение двух естеств. Почему мы и исповедуем одного Христа, одного Сына, одного Господа. На основании такого неслитного соединения мы исповедуем пресвятую Деву Богородицею, потому что Бог Слово воплотился и вочеловечился и в самом зачатии соединил с Собой храм, от нее воспринятый. Известно, что знаменитые богословы одни из евангельских и апостольских изречений о Господе обыкновенно делают общими, как принадлежащие

одному лицу, другие же, по причине различия двух естеств, принимают раздельно, и те из них, которые приличны Богу, относят к божественности Христа, недостойные же Бога – к Его человечеству“.

Прочитавши таким образом эти святые ваши слова и нашедши, что и мы сами не иначе думаем (*ибо един Господь, едина вера и едино крещение (Еф. 4, 5)*), мы прославили Спасителя всех Бога поздравляя друг друга с тем, что у наших и у ваших церквей вера согласна с божественными писаниями и преданиями св. отцов. А так как узнал я, что некоторые из тех, коим свойственно пустословить, жужжат подобно полевым осам и распространяют обо мне нелепые слухи, будто я говорил, что святое тело Христово заимствовано не от св. Девы, а принесено с неба: то считаю нелишним сказать против них кое что в этом отношении. О безрассудные и только искусные в клевете! Как пришла вам подобная мысль? как впали вы в недуг такого безрассудства? Ибо ясно должно было понять, что весь почти спор о вере поднят из за нас, так как мы постоянно утверждаем, что св. Дева есть Богородица. И если бы мы допускали, что святое тело общего нашего Спасителя родилось не от Девы, а принесено с неба, то каким бы образом признали ее Богородицею? Кого ж наконец родила она, если истинно не родила Еммануила по плоти? Осмеивать поэтому и прогонять от себя должно тех, кои распространяют на мой счет подобную нелепость. И не ошибается, конечно, блаженный пророк Исаия, когда говорит: *се дева во чреве зачнет и родит сына и наречеши имя ему Еммануил (Ис. 7, 14)*, еже ест сказуемо с нами Бог (Мф. 1, 23). И совершенно истинно пророчествует и св. Гавриил, когда так приветствует блаженную Деву: *не бойся Мариам: обрела бо еси благодать у Бога. И се зачнешь во чреве и родиши Сына, и наречеши имя ему Иисус (Лук. 1, 30, 31)*. Той бо спасет люди своя от грех их (Мф. 1, 21). Если же мы Господа нашего Иисуса Христа и называем сошедшим с небес, то выражаем этим не то, будто святое тело Его было принесено с небес, а следуем только блаженному Павлу, ясно проповедававшему: *первый человек от земли, перстен: второй человек (Господь) с небесе (1Кор. 15, 47)*. Вспомним также слова

и самого Спасителя: *никтоже взыде на небо, токмо сшедый с небесе, Сын человеческий (Иоан. 3, 13)*. Ибо хотя Он по плоти, как мы уже сказали, родился от св. Девы, однако называется Он сошедшим с неба потому, что Бог Слово сошел с небес на землю и, приняв вид раба, истощил Себя, и назван сыном человеческим, пребывая тем, чем и был, т. е. Богом (ибо по собственному естеству Он неизменяем и непеременим), и с собственной плотию мыслимый как один. Называется человеком с небеси, потому что совершен в божестве и также совершен в человечестве и мыслится в одном лице. Следовательно, один Господь Иисус Христос, хотя мы и не знаем различия естеств, которые вошли в это неизъяснимое соединение. Твоя же святость да заградит уста тем, кои проповедуют или тожество, или слияние, или смешение Слова Божия с плотию; потому что, кажется, есть люди, которые распространяют слухи в народе, будто я подобным образом и думаю и учу. Тогда как наоборот: я даже сумасбродами считаю тех, которые в божественном естестве Слова допускают хоть тень превращения. Ибо Оно пребывает таким, каким было и всегда; и не есть иное, и не станет когда-нибудь иным, и неспособно к какому-нибудь изменению. Сверх того, само Слово Божие мы исповедуем бесстрастным, хотя само Оно, совершивши это таинство с удивительною премудростию, благоволило приписать Себе те страдания, какие свойственны плоти. Отсюда и премудрый Петр говорит: *Христу пострадавшу за ны плотию (1Петр. 4, 1)*, но не этим несказанной божественности естеством. Ибо для того, чтобы быть Ему Спасителем всех нас, Он посредством усвоения относит к Себе как собственные, о чем я уже заметил, страдания собственной плоти. Такой смысл имеют и слова, сказанные Им как бы от собственного лица чрез пророка: *плещи мои вдах на раны и ланите мои на заушения, лица же моего не отвратих от стыда заплеваний (Ис. 50, 6)*. Что во всем этом следуем мнениям св. отцов и в особенности блаженного и славнейшего отца нашего Афанасия, дабы не сделать уклонения в чем-нибудь малейшем, да будет несомненно уверена твоя святость, да не сомневается и кто-нибудь другой.

Много к этому присовокупил бы я еще отеческих свидетельств, сообщающих доверие к этой моей речи, если бы не опасался наскучить длиннотою письма. Решительно терпеть не можем, чтобы кто-нибудь потрясал веру или символ веры, изданный некогда св. отцами никейскими. И решительно не позволим ни себе, ни кому-нибудь другому изменять хоть одно слово, там поставленное, ни пропасть хоть одному слогу, помня слова сказавшего: *не прелагай предел вечных, яже положиша отцы твои* (Прит. 22, 28). Ибо не сами они говорили, а сам Дух Бога и Отца (Мф. 10, 20), который и исходит от Него, хотя не чужд Он и Сына, — разумеется относительно сущности; и это подтверждается словами святых, предавших таинства. Ибо в Деяниях апостольских написано: *пришедше же в Мисию, покушахуся в Вифинию поити: и не, остави их Дух* (Деян. 16, 7). Пишет и божественный Павел: *сущии же во плоти Богу угодити не могут. Вы же несте во плоти, но в душе, понеже Дух Божий живет в вас; аще же кто Духа Христова не имать, сей нест его* (Рим. 8, 8–9). А что некоторые из тех, кои обыкновенно ломают правое, превращают слова мои, как им угодно; то пусть святость твоя не удивляется этому, зная, что последователи какой-нибудь ереси и во священном Писании находят опору своим заблуждениям, извращая превратным пониманием то, что право сказано в нем Духом Святым, и таким образом собирая на главу свою уголь неугасимый. А так как известно нам, что некоторые издали православное послание славнейшего отца нашего Афанасия с изменениями и извращениями, от чего многие и пострадали: то, думая, что это будет полезно и необходимо для братий, послали мы твоей святости один из древнейших экземпляров этого творения, сохранившихся у нас в чистоте и неповрежденности. Прощай.

**Послание Кирилла к Акакию, епископу
Мелитены, упрекавшему его посланием в
том, что он согласился с восточными**

Господину моему, возлюбленному брату и сослужителю Акакию, Кирилл желает всякого блага о Господе.

Приветствие братьям есть подлинно приятное и похвальное дело, а особенно должно иметь значение у истинно благоразумных; и тем, которые одного духа и веры, живут без всякого разлада, с пламенным и постоянным желанием подобной жизни, должно стараться, я думаю, и о том, чтобы постоянно преуспевать в этом. Однако часто случается, что этим благом пренебрегают или по нерасположенности, или за дальностью расстояния, или же за недостатком курьеров. А если какое-нибудь обстоятельство доставляет возможность приветствовать, то это должно считать неожиданным и приятным благоприобретением, за которое даже охотно даешь вожденный обет Богу. Поэтому я сильно обрадовался письму твоей святости и, удивляясь твоей расположенности, думаю раскрыть твоей невинности по порядку образ и причину примирения церквей и показать в частности, как это произошло.

Благочестивейший и христолубивейший император, особенно пекущийся о святых церквах, осуждал продолжавшееся меж ними разногласие. Поэтому, призвавши к себе достопочтеннейшего и богобоязненнейшего епископа константиноньской церкви Максимиана и немало других в это время тут же находящихся, серьезно советовался с ними о том, каким бы образом совершенно уничтожить разногласие церквей, и служителей божественных таинств опять привести к миру и согласию. А они утверждали, что это не иначе можно сделать, и что те, о которых шло дело, не прежде придут в согласие, как когда просияет пред ними и как бы возвысится союз веры единой и согласной, и что должно поэтому, говорили они, чтобы благочестивейший Иоанн антиохийский предал анафеме догматы Нестория и писанием утвердил его низложение. Епископ же александрийский частные оскорбления может предать забвению, и ругательства хотя они были величайшие и поноснейшие, которым он подвергся в Ефесе, по любви – вменить в ничто. Согласившись таким образом с ними и получивши немалое удовольствие от этого собора, благочестивейший император, для исполнения этого дела, послал господина моего, славнейшего трибуна и нотариуса Аристолая. А после того, как объявлено было восточным это

определение императорское, составленное по предложению епископов находившихся в Константинополе, – собравшиеся, не знаю с какою целью, у благочестивейшего и святейшего епископа Акакия вздумали писать ко мне, что условие примирения церквей должно быть не другое какое-нибудь. а то, какое они сами предписали. А это требование было неприятно и тяжело. Ибо они хотели уничтожить все то, что я обнародовал или посланиями, или отрывками, или целыми книгами, и ограничиться одной только верою, изданною святыми отцами нашими в Никее. На это я отвечал им так: изложения веры, изданного отцами в Никее, мы все держимся, не изменяя ровно ничего, в нем содержащегося; ибо все передаваемое им право и свято, и небезопасно после издания этого исповедания еще что-нибудь присовокуплять к нему. Все же, право писанное нами против несториевых богохульств, такого рода, что нам никак нельзя посоветовать отречься от того, что право написано. Отселе более следует им самим, во исполнение определения благочестивейшего и христолубивейшего императора, также в следствие учреждения святого собора ефесского, отречься от того, кто посягнул на славу Христа Спасителя, анафемой преследовать нечестивые его богохульства, согласиться на его низложение и утвердить возведение святейшего и благочестивейшего епископа Максимиана. Получивши таким образом этот ответ, они послали в Александрию благочестивейшего и святейшего епископа эмесского Павла, с которым я долго и много рассуждал о всем сказанном и сделанном в Ефесе самоправно и произвольно. Предавши же это забвению, я приступил к тому, что было поважнее, – спросил, нет ли писем от благочестивейшего епископа Иоанна; тотчас вручил он мне письмо, впрочем содержащее в себе не то, что следовало; – оно написано было без всяких приличий и в тоне более насмешливом, чем увещательном. Я поэтому не принял его. Ибо вместо того, чтоб успокоить меня в досаде, причиненной событиями предшествовавшими и их собственными поступками в Ефесе, каким-нибудь извинением, они стали высказывать свой праведный гнев на меня, порожденный ревностью их по святым догматам. А я сказал им,

что не божественная ревность движет ими строить козни против меня под предлогом защищения догматов истины, но что они это делают из угодливости людям и приобретения дружбы у тех, кои казались тогда могущественными. Впрочем, когда благочестивейший епископ Павел объявил, что он готов предать анафеме богохульство Нестория и подписом засвидетельствовать согласие на его низложение, и стал утверждать, что он это делает один за всех и как бы от лица всех восточных благочестивейших епископов, я опять заметил, что письмо им принесенное годится только ему одному для того, чтобы возвратиться в общение со всеми нами, и что всеми способами нужно стараться, утверждал я, чтобы благочестивейший и достопочтеннейший Иоанн епископ антиохийский написал об этом исповедание. Так как это уже сделано, то и прекратился раздор и несогласие церквей. И не было никакого сомнения, что мир святых церквей станет иссушать ненависть защитников несториевых богохульств. Мне кажется, с ними должно случиться что-то в роде того, что бывает с теми, которые не умеют плавать и вдруг упадут с корабля. Они, прежде чем станут тонуть, барахтаются руками и ногами и, по чувству самосохранения, без разбора хватаются бедные за все, что бы ни попало под руки. И не правда ли, как сильно встревожились и засуетились они, заметив, что их отлучили, отвергли и изгнали из тех церквей, на помощь коих они рассчитывали? Что ж? разве не по делом они мучатся досадою, видя, что те, коих они прельщали и опьяняли недостойными своими речами, от них отстали и возвратились к трезвости истины? К ним идут слова пророка: *соберитесь и свяжитесь язык ненаказанный, прежде неже быти вам якоже цветущу мимоходящу* (Соф. 2, 1, 2). И для чего подбирать им чужие мерзости? И почему не стыдятся сквернить себя за чужой трапезой? *Глусии услышите, и слепии прозрите видети* (Ис. 42, 18). *Мудрствуйте о Господе в благостыни, и в простоте сердца взыщите его* (Прем. 1, 1). И какая польза вам от многообразных ухищрений и превратных мнений? Для чего, порицая пути правые, совершаете свои неправильные кружения? *Поновите себе поля и не сейте на тернии* (Иер. 4,

3). Встревоженные, как я сказал, примирением святых церквей, они злобно порицают тех, кои не хотят с ними согласиться; и апологию святых отцов, говорю, восточных поносят не без досады и, толкуя ее неправильно и извращая для подтверждения того, что им нужно, напрягают все усилия, чтобы не расстаться с суесловием Нестория. Да и нас тоже порицают, как будто мы им писали, что думаем противное. Знаю я, что они возразят нам на это, – именно то, что мы приняли изложение веры или новый символ и тем как бы обнаружили презрение к этому старому и достойному почитания. *Юрод бо юродивая изречет, и сердце его тщетная уразумее* (Ис. 32, 6). Мы только то утверждаем, что не просили у кого-нибудь нового изложения веры, не принимали поновленного другими, потому что для нас достаточно свящ. Писания и мудрости святых отцов и символа веры, удачно и прилично приспособленного ко всем правым догматам. А так как святейшие восточные епископы во время пребывания своего в Ефесе расходились с нами в мнениях и потому казались уловленными в сети богохульств Нестория: то, для отклонения от себя этого подозрения и полного удовлетворения любителей чистой, святой веры и засвидетельствования своей непричастности к несторианскому нечестию, они составили апологию, и это довольно благоразумно, а не то, чтобы поступок этот был достоин какого-нибудь замечания или порицания. Но и сам Несторий в то время, когда мы его заставляли осудить свои догматы и обратиться к истине, написал свое исповедание об этих предметах; а станет ли кто-нибудь утверждать, что он написал нам новый символ веры? За что же поэтому так безрассудно преследуют порицаниями святейших епископов Финикии, называя согласие их новым символом, которые дали они с пользою и необходимо, именно: чтоб оправдать себя и успокоить тех, которые думали, что они держатся несторианского учения? Святой и великий собор ефесский необходимо провидел, что не должно вводить в церкви Божии другого изложения веры, кроме того, которое у них было, которое определили блаженнейшие отцы наши, говорившие Духом Святым. Впрочем они, не знаю каким образом, однажды

уклонившись от него и подпав подозрению, что и мыслят неправильно и не содержат догматов апостольских и евангельских, молчанием ли освободились от этого поносного клейма, или полным удовлетворением и изъяснением своих мыслей. И божественный ученик Христов написал: *готови присно ко ответу всякому вопрошающему вы словесе о вашем уповании* (1Петр. 3, 15). А кто хочет быть таким, тот конечно ничего нового не изобретает и не берется обновлять изложения веры, а более показывает вопрошающим ту веру, которую имеет о Христе.

Сверх того, я слышал, что враги истины, сильно опечаленные согласием благочестивейших епископов, превращают все вверх и вниз, и говорят, что с их нечестивыми вымыслами согласны смысл и сила того исповедания, которое составили те (епископы) относительно правой веры, как я сказал, ничего не поновляя, т. е. ничего не прибавляя к тому, что издревле постановлено, а более придерживаясь правых догматов святых отцов. Но для яснейшего изобличения их во лжи, приведем вместе и Несториевы нелепости и их мнения. Этим только способом, а не иначе, откроется искомая истина.

Итак, известно, что Несторий совершенно отвергает рождение едиnorodного Сына Божия по плоти; потому что он не признает того, что Он родился от Жены, как сказано в Писании. Вот слова его: что Бог произошел от Девы Христородицы, этому я научен из божественного Писания; но что Бог родился от нее, этому я никогда не учился. И в другом месте: нигде св. Писание не говорит, что Бог родился от Девы Христородицы, но что – Иисус Христос, Сын, Господь. Говоря таким образом, он разделяет Его одного на двух сынов, и одного, в отдельности, называет Сыном, Христом и Господом, рожденным от Бога Отца Словим, а другого, опять в отдельности, Сыном, Христом и Господом, рожденным от св. Девы; и кто не поверил бы ему, когда он проповедует это с такой торжественностью? А они называют св. Деву Богородицею, и проповедуют, что один Сын и Христос и Господь, совершен по божеству, совершен по человечеству, потому что плоть Его была одушевлена разумной душой. Почему не иной у них Сын – от Отца рожденное Слово,

и иной, опять, рожденный от св. Девы, как казалось Несторию; а напротив один и тот же, что ясно можно видеть из последующего. Объясняя, кто Он таков, они присовокупляют, что Он совершен как Бог, и совершен даже как человек, что Он прежде веков по божеству родился от Отца, и в последнее время ради нас и нашего спасения – от Девы по человечеству. Поэтому они вовсе не разделяют одного Сына и Христа и Господа Иисуса на двух, а говорят, что один и тот же, который прежде веков, есть тот же самый, что и в последующие времена, т. е. Он от Бога Отца как Бог, от Жены по плоти как человек. Ибо каким образом будет единосущен нам по человечеству тот, кто по божеству, говорю, родился от Отца, если не будем мыслить и называем тот же Бог вместе и человеком. Это далеко не так казалось Несторию; его положение совершенно противное. Проповедуя в церкви, он осмелился так сказать: Бог Слово называется Христом потому, что имеет с Христом постоянное единение. И опять: мы должны таким образом признавать неслиянную связь естеств: исповедовать в человеке Бога и поклоняться этому человеку, так как Он сопоклоняем ради божественной связи с всемогущим Богом. Слышишь ли, что за неразумная речь? даже исполнена нечестия. Учит, что Христос в отдельности называется Богом и имеет со Христом постоянную связь. Итак не двух ли Христов явно признает он? И не человека ли вместе с Богом поклоняемого, не знаю каким образом, исповедует он? Неужели это имеет сродство с тем, что принято у восточных? Не стоят ли они с ним в противоречии? Он явно признает двух Христов, а они утверждают, что поклоняются только одному Христу и Сыну и Богу и Господу, одному и тому же – по божеству от Отца и по человечеству от св. Девы. Хотя мы и сказали, что произошло единение двух естеств, однако ясно признаем одного Христа и одного Сына и одного Господа. Ибо *Слово стало плотью*, как сказано в Писании, и это сокрытое в планах домостроительства и поистине несказанное соединение, исповедуем, совершилось посредством нераздельного соединения вещей различных. И не думаем, подобно некоторым прежним еретикам, что Слово Божие создало Себе тело из собственного т. е. божественного

естества, но, придерживаясь во всем св. Писания, постоянно утверждаем, что Оно получило плоть от св. Девы. Поэтому уразумев, почему один только есть Сын и Господь Иисус Христос, утверждаем, что два естества соединились; и верим, что после этого соединения, как бы уничтоживши разделяемость на двое, пребывает одно естество Сына, как единого, но вочеловечившегося и воплотившегося. Когда поэтому Бог Слово называется вочеловечившимся и воплотившимся, то тут нет места подозрению в каком-нибудь пременении (ибо Он неизменяем) и мы ясно признаем, что соединение чуждо всякого слияния. Но противники скажут: ведь издавшие исповедание правой веры ясно признают два естества, и от различия их произошла разность в наименованиях богословских. Как же не противоречит это твоему положению? Ты не соглашаешься наименования их приписывать двум лицам, т. е. ипостасям. Но, позвольте мне заметить, в 12 главах мы написали так: кто распределяет названия двум лицам, т. е. ипостасям, и одни из них прилагает к человеку, которого представляет отличным от Слова Божия, а другие, как богоприличные, к одному только Слову Бога Отца, тот подвергается осуждению²⁰. Впрочем, хотя мы и осудили тех, которые так разделяют названия, что одни отдельно приписывают Слову Божию, от Отца рожденному, а другие опять отдельно человеку, произшедшему от Жены; однакоже этим нисколько не уничтожаем разности наименований. Несомненно известно, что одно естество у Слова, но воплотившееся и вочеловечившееся, как мы и сказали. Если ж кто поточнее захочет исследовать, как Оно воплотилось и вочеловечилось, тому необходимо рассудить, что Слово, которое от Бога, приняло *зрак раба, в подобии человечестем быв*, как говорит Писание (Филип. 2, 7). И по этому одному можно уразуметь различие естеств или ипостасей²¹. Ибо не одно и тоже по естественному качеству – божество и человечество. Иначе, каким образом Слово, которое было Богом, истощило Себя, низвело Себя до умаления, т. е. до условий нашей природы? Итак, если внимательно исследовать образ воплощения, то мысли человеческой представятся два

(начала), соединенные между собой совершенно неизреченно и неслиянно; впрочем соединения их она никогда не разделяет, а допускает и признает приличным существование одного (из того и другого) и Бога и Сына и Христа и Господа.

Но мнение Нестория явно отличается от этого учения. Ибо хотя, по-видимому, он и признает воплощение и вочеловечение Слова, однако, не понимая силы воплощения, допускает два естества и разделяет их друг от друга, полагая Бога отдельно и также отдельно человека, имеющего внешнюю связь с Богом по одному равенству чести или авторитету. Вот слова его: „Бог неотделяем от видимого, отсюда, и чести Его, неразделяемого, я не разделяю; разделяю естества, но соединяю почитание“. Но антиохийские братья, обняв простым и одним разумением то, из чего слагается Христос, допускают впрочем различие естеств (ибо божество и человечество, как я сказал выше, нетождественны по естественному качеству), но так, что признают одного Сына и Христа и Господа, и так как Он действительно один, то говорят, что Он имеет и личность одну, – соединенного никаким образом не разделяют. Но и не допускают никакого в естестве разделения, подобного тому, какое мыслил виновник нечестивых вымыслов, а стараются разделять одни только названия, приписываемые Христу, и утверждают не то, что одни из них приличествуют Слову Бога Отца, как Сыну самому по себе взятому отдельно, а другие Ему рожденному от Жены, так как другому Сыну, опять отличному, но то, что одни (приличны) Его божеству, другие человечеству. Ибо один и тот же есть вместе Бог и человек. Впрочем, присовокупляют, что есть некоторые названия как бы общие, относящиеся к тому и другому естеству – к божеству и к человечеству. Подобное и я говорю. Одни названия более приличествуют божеству, другие более человечеству, а иные наконец, как бы средние, свидетельствуют, что Сын есть Бог и человек вместе и в одном и том же. В речи Его с Филиппом: *толико время с вами есмь и не познал еси мене, Филиппе; видевый Мене, виде Отца; не веруеши ли, яко Аз во Отце и Отец во Мне есть* (Иоан. 14, 9, 10); *Аз и Отец едино есма* (Иоан. 10, 30), – заключаются названия весьма приличные

божеству. А в обличительной речи к иудеям: *аще чада Авраамля бысте были, дела Авраамля бысте творили. Ныне же ищите Мене убити, человека, иже истину вам глаголах; сего Авраам несть сотворил* (Иоан. 8, 30, 40), – содержатся названия приличные собственно человеку. Однако и приличествующие божеству, и приличествующие человечеству приписываются одному только Сыну. Ибо, будучи Богом, Он стал человеком, не оставив божества, но восприяв плоть и кровь. А так как один есть Сын и Бог и Господь, то как мы, так и они думаем, что и личность одна. Средние же суть те названия, которые содержатся в словах блаженного Павла: *Иисус Христос вчера и днесь, той же и во веки* (Евр. 13, 8); и опять: *аще бо и суть глаголемии бози или на небеси, или на земли, якоже суть бози мнози и господие мнози, но нам един Бог Отец, из него же вся, и мы у него, и един Господь Иисус Христос, им же вся, и мы тем* (1 Кор. 8, 5, 6); и в другом месте: *молилбыхся бо сам аз отлучен быти от Христа по братии моей, сродницех моих по плоти, иже суть израилите, их же усыновление и слава, и завети и законоположение, и служение и обетования, их же отцы, и от них же Христос по плоти, сый над всеми Бог благословен во веки, аминь* (Рим. 9, 3, 4. 5). Так, говоря об Иисусе Христе, что Он *вчера и днесь*, утверждает, что тот же самый пребывает во веки, и что чрез Него все сотворено, и того, который по плоти от иудеев, называет Богом над всем, и утверждает, что Он благословен во веки.

Итак, в числе этих названий не разделяй тех, которые произносятся о Господе, ибо они вместе заключают в себе и то, что прилично Богу, и то, что прилично человеку, а усвой их Ему, как одному Сыну, т. е. воплотившемуся Слову Божию. Ибо другое дело разделять самые естества, и то после соединения, и утверждать, что человек связан с Богом только по равночестию, – а другое дело допускать различие в названиях. Каким же образом учение их согласно с пустословием Нестория? Ибо, если вообще, как и говорят некоторые, построение речи и выражение мыслей есть плод только усиленного труда, то несколько неудивительно, если трудно выражаться и в отношении к настоящему предмету. И

божественный Павел испрашивает у Бога дара слова, называя это отвержением уст ему (Еф. 6, 19). – Кто ж станет сомневаться в том, что они не разделяют одного Господа Иисуса Христа на двух, если только приписывают названия, приличные Богу, – божеству Его, а другие, приличные человеку, – Его человечеству. Ибо утверждают, как я заметил выше, что то самое Слово Бога Отца, которое родилось прежде веков, впоследствии родилось по плоти от святой Девы, и присовокупляют, что св. Дева, по причине этого несказанного и неслиянного соединения, есть Богородица, и явно исповедуют одного Сына и Христа и Господа. И совершенно несправедливо было бы думать, что они, говоря, что Он один, тем не менее делят Его одного на двух. Ибо они не так еще безумны, чтоб представлять из себя перебежчиков, неразумно возобновляя то, что справедливо разрушили. Еслиж они согласны с мнениями Нестория, то каким же образом предают их анафеме, как скверные и ненавистные? Я думаю, не мешает показать причины, почему восточные дошли до такой утонченности речи. Так как защитники арианского нечестия, нечестиво растлившие истину, и признавали, что Слово Божие стало человеком, но не иначе, как составив себе бездушное тело (а делают они это злонамеренно, – чтобы, приписывая Ему названия, приличные человеческой природе, показать и доставать убеждение тем, коих хотят обмануть, что Оно ниже совершенства Отца и не одного с Отцом естества): то восточные, опасаясь, чтобы слава и естество Слова Божия от того, что говорится о Нем человекообразно, по причине воплощения, не потерпели каким-нибудь образом ущерба, разделяют названия, не рассекая впрочем одного Сына и Господа на двух, как сказал я, а приписывая только одни названия Его божеству; другие же Его человечеству, а все вместе одному и тому же лицу. Я слышал даже, что достопочтеннейший и благочестивейший Иоанн, епископ антиохийский, писал к некоторым из своих знакомых, будто я ясно учу и открыто исповедую разность естеств и сообразно с этим разделяю названия, почему некоторые соблазняются. Поэтому необходимо было сказать нечто и об этом. Известно твоей святости, что те, которые запятнали мои

письма аполлинариевыми догматами, полагали, будто я говорю, что святое тело Христово бездушно, и что последовало смешение, или слияние, или преложение и пременение Слова Божия в плоть, или же плоть перешла в естество божества, так что ничего не осталось чистаго, несмешанного и настоящего. Думали так же, что я придерживаюсь и арианских богохульств, потому будто, что не хочу признать различия названий и не хочу допустить, что одни из них приличествуют божеству, а другие человечеству (как такие, которые свойственны более природе плоти). Но что я непричастен подобным заблуждениям, это другим легко может засвидетельствовать твоя святость. Впрочем, нужно было удовлетворить и тех, которые впали в соблазн. Итак я писал к его благочестию, что я никогда не был согласен ни с Арием, ни с Аполлинарием и никогда не говорил, что Слово Божие пременилось в плоть, или на оборот плоть перешла в естество божественное; потому что Слово Божие не изменно и непреложно, а второе невозможно; и никогда не отвергал различия наименований, так как умел исповедовать Господа, то как Бога, то как человека, потому что Он вместе и Бог и человек. И это самое желая означить, он писал, что учит исповедовать различие естеств и сообразно с этим различать наименования. Но это не мои слова, а его собственные.

Считаю нужным ко всему сказанному присовокупить и следующее: пришел ко мне Павел, благочестивейший епископ эмесский, и после довольно продолжительного со мною рассуждения о правой и неповрежденной вере, спрашивает у меня и притом настойчиво, согласен ли я со всем тем, что написал блаженной памяти святейший отец наш Афанасий к Епиктету, епископу коринфскому. Я отвечал, что совершенно согласен и во всем, прибавив, что письмо это находится у вас в поврежденном виде, потому что многое в нем исказили враги истины. Тогда он сказал, что имеет с собой это послание и что хотелось бы ему поверить по нашим экземплярам, испорчены ли их книги, или нет. Получивши же древние списки и сверив их с собственными, он нашел, что последние повреждены, и просил сделать с наших копию для доставки антиохийской церкви, – что и было сделано. И вот то, что писал обо мне к

Карену достопочтенейший и благочестивейший епископ Иоанн, именно: изложил относящееся к воплощению Христа, и соединил с нами предание отцов, подвергавшееся опасности быть, так сказать, вытесненным из умов человеческих. А если бы кто и доставил послание, писанное будто Филиппом, достопочтеннейшим пресвитером римской церкви, свидетельствующее, будто святейший епископ Сикст с горестью принял низложение Нестория и поддерживал его: то да не верит тому твоя святость. Ибо он письменно засвидетельствовал свое согласие с святым собором, утвердил все его действия и с нами согласен. Если бы ходило даже послание, от имени моего написанное и содержащее раскаяние в делах ефесских: удостой презрения и это. Ибо, по благодати Спасителя нашего, мы в здравом уме и не потеряли силы разума. – Приветствуй братьев, которые с тобою; а наши приветствуют тебя о Господе.

**Памятная записка архиепископа Кирилла
пресвитеру Евлогию, находящемуся в
Константинополе**

Кирилл александрійский Евлогию желает всякого блага.

Приняв исповедание, составленное восточными, некоторые говорят: от чего епископ александрийский терпел и даже хвалил их, когда они признают два естества? Последователи же Нестория стараются доказать, что и он тоже самое думает, и таким образом увлекают на свою сторону мало понимающих дело. Но обвиняющим нас таким образом должно заметить, что не все то, что только говорят еретики, тотчас нужно отвергать или удаляться от этого. Ибо они много исповедуют такого, что и мы призываем. Например, когда ариане Бога Отца называют творцом и Господом всего, следует ли из этого, что мы должны противиться такому исповеданию? Тоже должно сказать и о Нестории; он хотя и признает два естества, определяя различие плоти и Слова Божия (ибо другое естество Слова и другое плоти), однако не допускает соединения подобно нам. Ибо мы, соединяя их, исповедуем одного Христа, одного и того же Сына, одного Господа, и называем поэтому одно только естество Бога

воплощенное. Нечто подобное можно сказать и о всяком человеке. Ибо и он состоит из различных природ, т. е. из тела и души. Хотя разум и созерцание и доставляют понятие об их различии, однако, соединяя их, мы составляем одну природу человека. Почему допускать различие естеств, не значит одного Христа делить на двух. А так как все восточные думают, что мы православные следуем мнениям Аполлинария и допускаем смешение или слияние естеств (такого рода названия сами они употребляют), так что Бог Слово перешел в естество плоти, или плоть превратилась в естество божества: то мы сделали им снисхождение, не для того, чтобы они разделили одного Христа на двух (да не будет), а чтобы только сознали, что не произошло ни слияния, ни смешения, но что плоть осталась плотию, как заимствована от жены, и Слово пребыло Словом, как родилось от Отца, хотя и один Христос, один Сын и Господь. Ибо Слово, по выражению Иоанна, *стало плотию* (Иоан. 1, 14). Таким образом они приготовились к слушанию послания блаженного папы Афанасия. Ибо, когда там некоторые силились доказать и утверждали, будто Бог Слово образовал Себе тело из собственного естества, он всеми силами старался утвердить, что тело Христа не единосущно с Словом. Если ж оно не единосущно с Словом, то совершенно различны должны быть то и другое естества, из которых составилась один и единый Христос. И они это-то не знают; ибо где говорится о соединении, там означаетсся соединение не одного только предмета, но или двух, или многих, и отличных друг от друга по природе. Итак, если мы называем соединение, то говорим этим, что оно есть соединение плоти, разумеется, одаренной разумной душой, и Слова. Так понимают и те, которые называют два естества. И уже после того, как допущено единение, соединенное больше не разделяется, а один уже Христос, и одно Его естество, именно – как Слова воплощенного. Это исповедали восточные, хотя выразили это темновато. И исповедующие, что тоже самое однородное Слово, которое родилось от Бога Отца, родилось по плоти и от жены, и что св. Дева есть Богородица, и лицо Христа одно, и не два Сына и не два Христа, а один только, – каким образом

могут считаться согласными с Несторием? Ибо Несторий в своих исповеданиях притворяется только, что он признает одного Сына и одного только Господа, а на самом деле сыновство и господство относит к одному только Слову Божию. И где доходит дело до таинства воплощения, он опять отдельно называет другим Господом человека от жены рожденного, который только по равночестию имеет связь с Словом. Почему говорить, что Слово Божие потому называется Христом, что имеет связь с Христом, не значит ли ясно признавать двух Христов, если Христос имеет связь со Христом, т. е. как один с другим? Восточные же ничего подобного не говорят, а только различают наименования. И различают таким образом, что одни считают приличными божеству, другие – человечеству, третьи – тому и другому вместе, – содержащие в себе вместе то, что прилично и Богу и человеку, так впрочем, что все произносятся об одном и том же лице. А Несторий не так; он одни приписывает Слову Божию отдельно, а другие отдельно Ему, рожденному от жены, как другому Сыну. Ибо другое дело допускать различие названий, и опять другое дело приписывать различные названия двум личностям, как одной и другой. Письмо к Акакию, начинающееся так: „приветствие братьям есть подлинно приятное и похвальное дело“²², излагает все это с особенною ясностью и удовлетворительностью. Имеешь довольно много писем в ящике, которые ты должен аккуратно передать; доставь по принадлежности знаменитейшему начальнику и две посланные мною ему книжки, из которых одна написана против богохульств Нестория, другая содержит акты собора против Нестория и его последователей, и опровержения, сделанные мною против епископов Андрея и Феодорита, писавших против (моих 12) глав. В книжке этой содержится также на конце краткое учение о воплощении Христа, впрочем прекрасное и полезное. Представь ему также и пять посланий из тех, которые обложены кожею: одно блаженного папы Афанасия к Епиктету, другое мое, т. е. то, которое я написал к Иоанну, опять два моих, которые послал я к Несторию, – одно коротенькое, другое длинное, наконец одно к Акакию; так как он просил их всех у нас.

Того же Кирилла послание к Донату, епископу Никополя в древнем Эпире

Господину моему, возлюбленному брату и сослужителю Донату, Кирилл желает всякого блага о Господе.

Я счел нужным известить твое благочестие о том, что сделано для мира церквей. Итак приходит в Антиохию господин мой, знаменитейший трибун и нотариус Аристолай с царскими грамотами, которыми повелевалось Иоанну, благочестивейшему епископу антиохийской церкви, анафематствовать нечестивые догматы Нестория, составить определение, подобно тому, как это было на святом соборе, о его низложении и таким образом требовать нашего общения. В этом и состояло содержание этих грамот. А некоторые из восточных епископов, которые, может быть, и доселе не осудили Нестория и еще покровительствуют ему, оскорбляют нашу веру и немало восстают против славы Христа, Спасителя всех нас, и до того обольстили святейшего и благочестивейшего епископа веррейского Акакия, что он необдуманно писал ко мне, будто, по их требованию, следует нам истребить все, писанное нами против Нестория, и отвергнуть, как не имеющее обязательной силы, а содержать один только символ, составленный собранием св. отцов в Никее. Святость твоя помнит, как недавно в Ефесе предлагали они такие же условия. А я отписал им, что́ они требуют, очевидно, невозможного, тем более, что все, что ни писали мы, писали справедливо, вступаясь за правоту и неповрежденность веры; и нам ровно ничего нельзя отвергнуть из того, что́ мы написали, ибо там нет ничего такого, что было бы сказано, как это у них бывает, без предусмотрительности, но только то́, что всегда и во всем неразлучно с правой верой и согласно с истиной; — что гораздо естественнее — им самим, оставив двусмыслие и многословие, коими они пользовались, и отказавшись от излишнего, довольствоваться правилами благочестивейшего и боголюбезнейшего императора и св. собора, анафематствовать пустословие Нестория и хулы, произнесенные им против Христа, не отказываться от низложения его и сочувствовать рукоположению святейшего и

благочестивейшего епископа Максимиана. И когда таким образом я послал им эти письма, они, заметив, что не получают общения, пока не выполнят того, что следовало, прислали в Александрию достопочтеннейшего и боголюбезнейшего епископа эмесского Павла с письмами, в которых, хотя дело идет и о восстановлении общения, содержится однако мало правого. Ибо они объявляли о себе, что имеют на нас какие-то жалобы, будто на св. соборе что то неправо было и сказано и сделано. Но посланий этих я не принял, а отвечал: положим, они могут и не просить прощения в прежнем; но зачем опять осмеливаются причинять новые оскорбления? А когда помянутый благочестивейший епископ стал оправдывать это дело и клятвенно утверждать, что у них вовсе не было такого намерения, а что в письмах этих они следовали во всем неподдельному простодушию: то ради любви я принял это оправдание. Впрочем, я сделал ему честь гостеприимства не прежде, как когда он на предложенной ему бумаге письменно анафематствовал догматы Нестория, и согласился на его осуждение и рукоположение богобоязненного епископа Максимиана. Он, с своей стороны, просил оказать ему честь тем, чтобы сверх этих посланий, доставленных как бы от лица всех восточных богобоязненных епископов, мы ничего больше не требовали; но я не согласился на это ни под каким видом, а вместе с господином моим, знаменитейшим трибуном и нотариусом Аристолаем, послал в Антиохию двух из своих клириков и, вручая им лист, повелел, чтобы, если благочестивейший Иоанн, епископ антиохийской церкви, подпишет и примет его, они тогда уже отдали и послания о примирении. Ибо помянутый знаменитейший трибун Аристолай не мог терпеть проволочки этого дела. Итак, когда благочестивейший епископ Иоанн подписался, а равно и прочие знаменитейшие, бывшие с ним, когда они предали анафеме учение Нестория, признали его низложение и одобрили рукоположение благочестивейшего и богобоязненного епископа Максимиана: то и восстановилось наше с ними общение. И этого требовал от них еще св. собор ефесский. Да знает святость твоя и то, что благочестивейший и боголюбезнейший

епископ Павел вначале очень много стоял за отлученных Палладия, Евферия, Имерия и Дорофея и убедительно просил отменения определений против них, доказывая, что без этого условия нельзя достигнуть мира церковей. Но я отвечал, что он хлопочет о деле невозможном, тем более, что мы на это никогда не намерены согласиться. Итак они остались и теперь остаются в прежнем положении, и в условиях, составленных для восстановления мира св. церковей, не было о них и помину. Послали они тоже самое письмо, которое ко мне писали, и к благочестивейшим и святейшим епископам – Сиксту епископу великого Рима и Максимиану епископу св. константинопольской церкви. И необходимо было твоей святости знать об этом совершеннейшим образом для того, чтобы кто-нибудь из тех, которые часто любят болтать одно вместо другого, не смутили кого-нибудь из братьев, утверждая, будто бы мы отреклись от того, что написали против богохульств Нестория. Я послал также копии с посланий, как с одного, писанного мною к Иоанну благочестивейшему епископу антиохийскому, так и с другого, им самим присланного ко мне об анафематствовании богохульств Нестория и об отлучении его, – для того, чтобы облегчить для твоей святости изучение этого дела в точности, и дабы кто-нибудь не распространил других посланий несогласных с этими. – Приветствуй братьев, которые с тобой; наши приветствуют тебя о Христе.

**Послание Кирилла, епископа
александрийского, к Максимиану, епископу
константинопольскому**

Не было сомнения, что молитвы твоей святости везде и во всем будут плодотворны; ибо Спаситель всех нас скоро и охотно споспешествует желаниям любящих Его, так что каждый поэтому может с радостью и восхищением говорить: *услыша от храма святого своего глас мой, и вопль мой пред Ним внидет во уши Его (Пс. 17, 7)*. Так и сбылось; отторгнутые члены церковного тела снова присоединились, и уже нет ничего такого, что поселяло бы несогласие и разделяло служителей Евангелия

Христова. Напротив, все мы украшаемся одною верою, лишь только изгнали из святой ограды виновника нечестия – Нестория и отлучили лжепастыря от знаменитого стада. И это славное дело совершилось и по твоим молитвам. С своей стороны и мы, когда мир церковей стал предметом неусыпных попечений благочестивейших императоров, не переставали молиться об искоренении всего разделяющего нас и удерживающего в несогласии, и о том, чтобы вожденный Богу мир воссиял подобно свету, и когда святейший и боголюбезнейший Иоанн епископ антиохийской церкви, и другие, находящиеся с ним, достопочтеннейшие епископы, письменно объявили, что считают Нестория отлученным и анафематствуют его нечестивые хулы, я послал общительные грамоты, как к его благочестию, так и к прочим епископам. Итак, мы вступили в единомыслие, при содействии и стремлении к тому как твоей святости, так и всех других, которые составляли совершенное тело св. собора. И уже больше не владычествует над нами спор или распря, но все мы подчинились одной цели, ведущей к миру. И если бы захотели отпавшие-было и отделившиеся от нас по несогласию, всегда могли бы избавить церкви от спора и несогласия. Но благословен Спаситель наш, утишивший эту бурю, восстановивший безмятежность единодушия, молитвами и предстательством твоей святости и всех других, которые, имея правую и чистую веру, совершают поклонение и служение Ему духом и истиною!

**Тогоже Кирилла к благочестивейшему
епископу Валериану, против мыслящих по
догматам Нестория**

У святости твоей, как думаю, станет благоразумия на то, чтобы быть в состоянии с достойным мужеством противопоставить пустословию некоторых совершенную истину, тем более, что и истина сильна сама собою. Ибо некоторые пустословят подобно старухам, и, извращая все, воображают, будто слишком потрудились над проницательным исследованием таинства воплощения едиnorodного Господа, а

между тем не уразумевают его и легко уклоняются туда, куда не следует, и судят превратно. Но, что́ всего опаснее в этом случае, они, предполагая в себе желание право мыслить, и с мыслию о непреодолимом влечении к этому сдружившись, как с каким-нибудь лицом, вливают яд несторииева нечестия в души простосердечных. Такого рода люди подобны врачам человеческих тел, которые подслащают неприятные лекарства, чтобы качеством приятного удалить ощущение натуральной горечи. Но мы, по глубочайшему замечанию премудрого Павла, имея ум Христов (1Кор. 2, 16), не неразумеем их умышления (2Кор. 2, 11). Если бы кто-нибудь стал утверждать, что единокровное Слово Божие, которое родилось таинственно и неизглаголанно от Бога Отца и есть Творец самых веков, имеет начало существования от святой Девы, тот, кажется, не без цели настаивал бы на том, что́ обыкновенно утверждают: если Слово Божие по своему естеству есть дух, то как Оно родилось от плоти, когда сам же Господь говорит: *рожденное от плоти плоть есть* (Иоан. 3, 6)? А так как учение о таинстве Христа имеет иной путь, без сомнения, правый и чуждый заблуждения и всякой превратности: то зачем они безрассудно и суетно пустословят, *не разумеюще ни яже глаголют, ни о них же утверждают* (1Тим. 1, 7)? Ибо мы утверждаем, что тоже самое единокровное Слово Божие, которое, как Бог, по писанию, есть дух (Иоан. 4, 24), для спасения всех людей воплотилось и вочеловечилось, – не так, что бы образовало для Себя тело из собственного естества, или совлеклось того, которое Оно имело, или потерпело изменение, либо превращение, но так, что от св. Девы восприяло непорочное тело, одаренное разумною душою, и усвоило его Себе чрез это, совершенно непостижимое, неслиянное и неизреченное соединение, так что оно мыслится теперь не как чужое тело, а как Его собственное. Таким образом Единородный вошел в мир, как Первородный, и жил в числе многих братьев, отличаясь от твари божеством. Почему, при наименовании Его рожденным и от жены, необходимо в тоже время подразумевается: по плоти, чтобы кто-нибудь не подумал, что Он получил начало существования от св. Девы. Ибо, хотя прежде всякого века Бог Слово

существует совечно Отцу своему и всегда неразлучно с Ним: однако, когда, по благоволению того же Отца, восхотел воспринять *зрак раба*, тогда, значит, и рождение Его от жены по плоти было согласно с нашим. Итак, что произошло от плоти, то плоть без всякого изменения, а что от Бога, есть Бог. Посему из того и другого составляется Христос как один сын и Господь, вместе с собственной своей плотью, не бездушною, как сказал я, но одаренною разумной душой. И так, да не рассекают нам одного Сына, особо поставляя Слово, и особо опять другого Сына, – того человека, как говорят они, который родился от жены, но да помышляют, что не с человеком соединился Бог Слово, а само Слово стало человеком, как говорится в писании, восприяв от семени Авраамова и уподобившись во всем братии (Евр. 2, 17), кроме греха одного. И это уподобление во всем естественно требовало, и притом с преимуществом пред другими, рождения от жены, которое, хотя совершилось у нас, по-человечески и по-нашему, но, как рождение Единородного, оно выше нашего; ибо воплощался Бог. Почему и св. Дева называется Богородицею. И если бы сказали, что Бог и человек, соединившись вместе, составили одного Христа и ипостась того и другого сохранилась неслиянною, которую однако разделяет разум: то легко можешь видеть, что они не мыслят и не говорят по этому делу ничего истинного и достоверного. Ибо не Бог и человек, что утверждают они, соединившись вместе, составили одного Христа; но, как я сказал уже, Бог, будучи Словом, почти по-нашему приобщился плоти и крови, так что Бог мыслится вочеловечившимся, восприявшим нашу плоть и сделавшим ее своей собственной. И как каждый человек подобный нам, составленный из души и тела, мыслится как один, так тем более следует исповедовать, что и Он есть один и Сын и Господь. Ибо одна природа человека и одно лицо (ипостась), хотя составляется из предметов отличных и инородных. Ибо ясно, что тело есть нечто отличное от души, однако есть ее собственное тело и вместе с нею составляет ипостась одного человека. И хотя по уму и размышлению различие в помянутом не неочевидно, однако совокупление или соединение, поколику неразделяемо, составляет одно животное – человека.

Сообразно с этим, единокровное Слово Божие не чрез восприятие человека явило Себя человеком, но, и от Бога Отца имея неизреченное рождение, сделалось человеком, создав Себе храм святым и единосущным Ему Духом. Поэтому Оно считается единым, хотя, по соображению разума, тело Его было другой природы. Да исповедаем же повсюду, что оно (тело) не было неодушевленное, но было одарено разумною душою.

Не смотря на то, я слышу, что некоторые впадают в такое безумие, что не страшатся говорить, будто Бог Слово вселился в некоего сына, рожденного от Девы, и обоготворил его. Но это не так, возлюбленные; я сказал бы им, что Слово Божие воплотилось и вочеловечилось; а чтобы Оно обитало только в человеке, это конечно можно сказать и о ком-нибудь из святых пророков. Учение об этом дивном для нас таинстве, как немного выше упомянули мы, показывает, что самое Слово, рожденное от Бога Отца, по писаниям, стало плотию, не так, что бы Оно потерпело какое-нибудь естественное изменение, или предложение, как бы обратилось в плоть, но так, что усвоило Себе плоть, оживленную разумной душой, и явилось человеком, а не соединилось с человеком, или обитало в человеке, как они говорят. А утверждать, что в последствии обоготворен тот, в котором Оно обитало, как утверждают они, мы же совершенно отрицаем, не есть ли признак совершенного безрассудства? Ибо это прямо противоречит намерениям божественного писания, потому что божественный Павел говорит, что Слово Божие, будучи образом и подобием Бога Отца во всем, *не восхищением непщева быти равно Богу, но Себе умалило, зрак раба приим в подобии человечестем быв, и якоже человек, смирило Себе* (Филип. 2, 6, 7). А они, удаляясь от природы предметов ко всему противоположному и беззаконно искажая силу истины, говорят, что обоготворен человек. Если это так, то спрашиваю: кто истощил себя, и как он сверх того смирил себя? Какой, скажите мне, он принял образ раба? Такое учение их, очевидно, вводит человека, который возведен из нашего униженного состояния в возвышенное, который из нашего истощания восшел в полноту божества, из образа раба перешел в образ владыки. Подлинно, я совершенно не в силах понять, каким образом, по их учению,

единородный Сын Божий истощил Себя, или каким образом Он подъял уничижение нашей природы, если не скажут, что Он уничижил Себя чрез то, что приобщил человека своей собственной славы. Но если воздающий другому честь сам терпит поругание своей чести, если прославляющий другого сам уничижается: кто же может сомневаться в том, что было бы несравненно превосходнее не разделять с кем-нибудь ни чести, ни славы? Ибо Он остался бы при своих преимуществах, если бы не почтил и не прославил того человека, которого, как говорят они, Он усвоил Себе. Не видит ли каждый, как достойно посмеяния и исполнено крайнего безрассудства то, что они положили себе уразуметь и о чем дерзают разглашать? Но слово истины никогда не объявит уничиженным того, что до того времени не было совершенным по своей природе, не назовет смирившим себя того, что не стояло на высоте величия и низошло потом к тому, чем не было, не сочтет принявшим образ раба не имевшего свободы по природе, до принятия его; равно и о том, который стал человеком, не скажет, что он был им, прежде чем стал человеком. Посему, когда священное и богодухновенное Писание называет уничижение и образ раба, равно и человечество, а добровольно воспринявшего это именует Словом, которое от Бога Отца, то зачем они так извращают смысл обильного мудростию чудного домостроительства, утверждая, что обоготворен какой-то человек, так что христиане уже ничем более не отличаются от тех, которые, забыв Творца, служат твари (Рим. 1, 25)? Неужели они допускают, что и самые святые ангелы вместе с нами погрешили, когда, по свидетельству св. Писания, исполнили повеление поклониться Первородному, введенному во вселенную (Евр. 1, 6)? И каким образом, спрашиваю, оно дозволит приписать Единородному имя Первородного, если Он на самом деле не вочеловечился? Ибо, если истинно то, что Он во многих братиях (Рим. 8, 29), то совершенно справедливо мыслится Он первородным, так как явно низшел к братству нашему, сделался подобным нам человеком, уподобившись нам во всем, кроме греха (Евр. 2, 17). Нам для благочестия достаточно и рассуждать и разуметь, что плоть, которая стала

плотию все животворящего Бога, имеет животворную силу и действие самого Слова и наследовала неизреченную и неприступную славу. Впрочем нет ничего удивительного, если они, положив себе так, а не иначе думать, вносят на св. Писание и другие клеветы, отвергая оскорбления, нанесенные иудеями лицу Единородного, и самую смерть Его по плоти, и приписывая все это как бы другому отдельному сыну, произшедшему от жены. Приятно же им, не знаю от чего, идти путем не направленным к благочестию, низвергаться в бездну ада (Прит. 9, 18), и во дно адово (16, 25), по Писанию. Правда, Божество действительно бесстрастно и совершенно неосязательно, ибо Оно неведественно, и выше всякой твари видимой и невидимой, и имеет естество неведественное, совершенное, неприступное и непостижимое; но так как единородное Слово Божие, восприяв тело от св. Девы и Богородицы и воспрιαтое, как я многократно говорил уже, сделав своим собственным, *предаде Себе за ны приношение непорочное Богу и Отцу в воню благоухания* (Еф. 5, 2), то и говорим поэтому, что само Оно воспринимало все, что происходило с Его плотию. Ибо чье тело, тому по праву приписывается и все касающееся тела, кроме одного греха. Поэтому, так как Бог Слово стал человеком, пребыв впрочем по божественному своему естеству бесстрастным и только необходимо усвоив все относящееся к Его плоти, то и говорится, что Он претерпел все относящееся к плоти, хотя бы по божественному естеству и совершенно не подлежал никакому страданию. Итак мнимая привязанность к благочестию отклоняет их от истины, ибо они не замечают, что Он, хотя и пребыл бесстрастным, поколику от начала был и есть Бог, вменил Себе однако все, что претерпел за нас по плоти, поколику, будучи по естеству Богом, Он стал плотию, т. е. совершенным человеком. Ибо, кто таков, спрашиваю, был Тот, который взывал к Отцу небесному и Богу, говоря: *жертвы и приношения не восхотел еси, тело же совершил Ми еси всесожжений и о гресе не благоволил еси; тогда рех: се иду, еже сотворити волю твою* (Евр. 10, 5, 6. 7. Пс. 39, 7, 8)? Непричастный телу как Бог, Он говорит, что для него уготовано

тело, с тем, дабы Он, принеся его за нас, исцелил всех нас, по слову пророка, собственною язвою (Иса. 53, 5). Каким также образом один умер за всех, положивший Себя ценою всех, если страдание Его понимать просто страданием какого-нибудь человека? Но если Он пострадал по человеческому естеству, так что усвоил Себе страдания своей плоти: то в таком случае, утверждаем мы и весьма справедливо, смерть по плоти одного есть праведная цена за жизнь всех (2Кор. 5, 17, 18), – не потому, что бы она была смертью подобного нам простого человека, хотя Он и был подобен нам, но потому, что, будучи Богом по естеству, Он воплотился и вочеловечился, по исповеданию св. отцов. Если же некоторые отвергают страдание Единородного по плоти, потому что оно не представляет для Него ничего привлекательного, пристойного и естественного: то пусть отвергнут на том же основании и самое рождение Его по плоти от св. Девы. Ибо, если Ему неестественно было пострадать плотию: то от чего еще прежде этого естественно было первое, предшествующее страданию, т. е. рождение по плоти, или, просто сказать, образ самого вочеловечения? Итак, при таком образе воззрения, исчезает все таинство христианское, и уже тщетною становится надежда нашего спасения.

Но как, скажешь, может страдать Тот, кто не подлежит никакому страданию? И правда, Слово, которое от Бога, без сомнения, как я сказал уже, по собственному естеству совершенно бесстрастно; однако св. писания возвещают, что Оно пострадало собственною плотию, потому что Оно было в страждущем теле. В этом удостоверяет Петр, говоря о Нем: *иже грехи наша сам вознесе на теле своем на древо* (1Пет. 2, 24). Почему Слово, поколику мыслится как Бог по естеству, бесстрастно; но по усвоению, основанному на воплощении, страдания, происходившая с Его плотию, считаются Его собственными. Иначе каким бы образом Первородный *всея твари*, Тот, чрез которого созданы *начала и власти, престолы и господства*, и в котором *всяческая состоятся* (Колос. 1, 16, 17), сделался *первороденным из мертвых*, и первенцем из усопших (1Кор. 15, 20), если бы Бог Слово не усвоил Себе тела, рожденного для страдания? И как Бог, рождаясь от жены по

плоти, усвоил Себе наше рождение человеческое, хотя в тоже время имел и собственное рождение от Отца: таким же образом Он пострадал плотию по-нашему и почеловечески, хотя Ему, поколику Он мыслится как Бог, по естеству несвойственно никакое страдание. Так мыслится Христос; так и сидит Он со Отцом, – не как человек, восприявший честь чрез обитание в Нем Бога Слова, но во истину как Сын, даже и тогда, когда стал человеком. Ибо неприкосновенным осталось в Нем достоинство владычества, которое существенно принадлежит Ему, хотя Он и приял на Себя в воплощении зрак раба. Почему, как я сказал уже, Он хотя и причастен нашему естеству, как человек, но вместе с тем выше всякой твари, как Бог.

Слышал я впрочем, как один, объясняя причину возвращения Его на небо, говорил, что он отошел на место защищенное от всяких опасностей и насилий, – далее, что Он получил достоинство сидеть со Отцом, где, говорит, враг природы нашей не может и подойти к нему и действовать на Него своими кознями. Итак небо служит для Него крепостью; и удаление Его от нас, которым мы хвалимся, не есть вознесение, а просто бегство? Т. е. Он боялся, может быть, чтобы этот злодей опять не уловил Его в свои сети, и если бы не вознесся, опять испытал бы ту же участь, даже после воскресения. Скажите пожалуйста, кто не уйдет как можно подальше от подобного рода нечистоты? Кто не уклонится от слушания этого безрассудного вздора? и тем, которые осмеливаются распространять подобные нелепости, не пожелает много здравствовать? Прочь от меня преступная и нечистая мысль, которой безрассуднее ничего не могло быть выдуманно и больше похожего на бабью болтовню! Ибо делу дают такой нелепый смысл, что гнуснее ничего не может быть. – Иисус Христос, вступив в условия нашей жизни и поправ сатану и сокрушив всю его силу, и расстроив царство смерти, восстановил новый и живой нам путь, восходя на небо, дабы предстать за нас, как говорит Писание, лицу Бога и Отца (Евр. 9, 24), и восседает с Ним даже с плотию, не как человек отдельно мыслимый, и не как другой сын, отличный от Его Слова, и не как такой, с которым бы Слово только обитало, но как по истине Сын

единый и единственный даже и тогда, когда стал человеком. Итак восседает Он как Бог с Богом, как Господь с Господом и Сын с Отцом же, обладая этим по естеству, хотя бы мыслим был и с плотью. И немного, кажется, потребовалось бы труда для полного раскрытия всей бездны их безрассудства; но распространяться в опровержениях вздора, так пустого и нелепого, едва ли не тоже, что и безумствовать вместе с распространяющими эти нелепости. Тем не менее к сказанному я почти по необходимости присовокуплю то, почему они считают себя в праве возмущать, как говорится, народ Господень (Числ. 22), и втайне пускать стрелы в правых сердцем т. е. тех, которые ведут жизнь в простоте духа и предание веры, как бы некое сокровище, складывают и берегут к уме своему и сохраняют его святость и неповрежденность. Итак эти хитрые обманщики и соблазняющие неопытных к уклонению от исследования истины своими хитросплетенными вымыслами, а также ревнители нечестия других еретиков, неразумно предлагают другим то, к чему сами имеют навык, мало обращая внимания на то, что сказано: *горе напаяющему подруга своего развращением мутным* (Аввак. 2, 15). И действительно защитники арианского нечестия говорят, что едиnorodное Слово Божие имеет иное естество, и ставят Его на втором месте после Рождającego и доказывают, что Оно сотворено и создано, и Того, чрез которого все и в котором все (Колос. 1, 15), низводят в ряд тварей. Потом, пытливо исследуя таинство воплощения Единородного, жестоко обманываются и извращают силу истины, и сверх того, опровергая мнение Аполлинария, признают, что Слово Божие восприяло плоть, но только не одаренную мыслящей душой; ибо само Слово заменило в восприятом теле ум и душу; и это допустили они, как сказал я, в следствие жестокого обмана; ибо опасаясь, чтобы наименований Господа нашего, приличных человеческой природе, мы не приняли за сказанные относительно воплощения и во всей мере приличной человечеству, после того как стал Он человеком, они воровски отнимают у плоти душу разумную и в плоти обитающую; в следствие такого обмана, отдаляют Его и ставят ниже Отца по естеству; и основания для

этой хулы против Него нечестиво собирают из священного Писания. Но вот и теперь горькие ревнители их неразумия нападают на нас, почему мы не допускаем нечестивых новословий Нестория, и правую и неповрежденную веру осаждают, сооружая окопы, и собирают в кучи мусор пустых мыслей. Ибо, говорят, блаженный Павел о Христе всех Спасителе сказал: *Себе умалил, зрак раба приим, в подобии человечеством быв, и образом обретесе якоже человек, смирил Себе послушлив быв даже до смерти, смерти же крестные. Темже и Бог Его превознесе, и дарова Ему имя, еже паче всякого имене (Фил. 2, 7, 8); и в другом месте: зане Бог бе во Христе мир примиряя себе (2Кор. 5, 19); и опять: яко в том живет всяко исполнение божества телесне (Кол. 2, 9).* И свою мысль навязывают словам апостола Петра: *Иисуса, иже от Назарета, яко помаза его Бог Духом Святым и силою, иже пройде благодетельствуя и исцеляя вся насилуемые от диавола, яко Бог бже с Ним (Деян. 10, 88); и опять: лета убо неведения презирая Бог, ныне повелевает человеком всем всюду покаяться: зане уставил есть день, в он же хочет судити вселенней в правду, о муже, его же предъустави, веру подая всем, воскресит его от мертвых (Деян. 17, 30, 31).* Приводя это и многое в других местах сказанное по человечеству, искусно составив речь из неправых мыслей, тотчас спрашивают: кому это Бог и Отец даровал имя, которое паче всякого имене? Не собственному ли Слову? Но не будет ли это бессмыслицей? продолжают: Оно было ведь всегда Богом, рожденное от Него по естеству. Справедливо, значит, что это самое и есть то имя, которое выше всякого имени. Ибо что можно представить выше Бога по естеству? Опять: кого это помазал Духом Святым? или с кем это был Бог? И, представляя много другого тому подобного, приводят в замешательство умы простых людей и много смущают. Собственными доказательствами обличают себя в том, что они все разделяют (есть животные без духа), и одного Христа и Сына и Господа делят на двух сынов. Притворяются исповедниками одного Христа и Сына, одной Его личности; но опять совершенно извращают учение таинства, различая две ипостаси, одна от

другой отдельные. Ибо говорят, что Слово от жены, или этот *зрак раба*, отдельно и само по себе получило то имя, которое выше всякого имени, и приняло помазание Св. Духа, и имело всегда в себе Бога т. е. Слово Бога Отца, – и сообщают понятия, отзываются величайшим безумием; потому что, будучи, по словам Спасителя, злыми, они не могут говорить доброго. Тот, который родился от Бога Отца невидимо и неизреченно, без сомнения был и всегда есть Бог и Господь; родившись же по плоти от жены, хотя образом чудесным и превышающим условия нашего рождения, т. е. наитием Св. Духа и осенением божественной силы (Лук. 1, 35), но все-таки претерпевши происхождение подобное нашему (так истощил и смирил Он Себя и послушен был даже до смерти и креста), этим самым и как бы по заслугам Он стяжал Себе имя, которое выше всякого имени, и всякое колено небесных, земных и преисподних преклоняется пред Ним, и всякий язык исповедает, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца (Фил. 2, 9, 10). И не знала разумная тварь, что Тот, кто стал человеком, есть Бог. Ибо хотя Он был в том, что и мы, и подобно нам приобщился плоти и крови, однако не перестал быть Богом и не лишился того, чем был, потому что остался покланяемым в славу Бога Отца. Ибо слава Ему иметь собственного Сына вместе с Собой царствующим и покланяемым, хотя Он для спасения мира и стал чрез воплощение человеком.

Когда, таким образом, как святые ангелы, так и мы обитатели земли уверовали, что Он и во плоти есть Бог по естеству и по истине, тогда разумеется Он получил то имя, которое выше всякого имени, наследовав его не в смысле какой-нибудь прибавки (ибо как может Он получать, подобно не имеющему, то, что было и есть и всегда будет?), а в том смысле, что Бог и Отец просветил умы всех и не оставил в неведении того, что воплощенное Слово есть Бог по естеству. *Никтоже, говорится, может прийти ко Мне, аще не Отец пославый Мя привлечет его* (Иоан. 6, 44). Подобным образом и самое помазание Его было по естеству человеческому. Ибо Единородный, произшедший от Отца, будучи свят по естеству столько же, как и Отец, называется помазанным по-нашему, т. е.

освященным от Отца, поколику явился человеком. Почему мудрейший Павел о Нем и о нас так пишет: *и святяй и освящаемии от единого вси* (Евр. 2, 11); поэтому и не стыдится называть их братьями, говоря: *возвещу имя твое братии моей* (Псал. 21, 23). Итак, с одной стороны, Единородный, по естеству своему будучи свят, освящает и самую тварь; но с другой, сделавшись нашим братом, уже называется и помазанным с нами по человеческому естеству, поколику не презрел в воплощении условий человеческого естества. Ибо так говорит Он блаженному Иоанну Крестителю: *такое бо подобает нам исполнити всяку правду* (Матф. 3, 15). Если же говорится, что Бог пребывает с Ним, то почему эти остроумные софисты не поймут, что Отец всегда по естеству пребывает с Сыном, когда сам в Нем есть и Его имеет в Себе. Или забыли, что Христос сказал: *только время с вами есмь, и не познал еси Мене, Филиппе; видевый Мене виде Отца* (Иоан. 14, 9). *Аз и Отец едино есма* (10, 30); *не веруеши ли, яко Аз во Отце и Отец во Мне есть* (14, 10). И в другом месте, обращаясь к ученикам, говорит: *се грядет час и ныне прииде, да разидется кийждо во своя, и Мене единого оставите; и несм един, яко Отец со Мною есть* (16, 32). Очевидно несправедливо то, что допускают бессмысленные подбиратели чужих нечистот, будто Слово, которое было Богом, стало иным сыном в отношении к другому сыну т. е. восприятому человеку, (это не более, как сечение, или деление, вводящее двойство сынов), а то истинно, что Бог и Отец был с Сыном, т. е. с воплотившимся и вочеловечившимся Богом Словом. Ибо Отец никак не может быть отделен от Сына.

Правда, Бог будет судить вселенную в лице человека, Им воздвигнутого (Деян. 17, 31); однако никто из благоразумных не представляет, будто св. Писание утверждает, что Единородный будет судить вселенную в лице человека, отдельно понимаемого от Сына, рожденного от жены; а напротив того мы скорее соглашаемся, что благочестивее думать так, как дает разуметь Христос словами: *Отец не судит никому, но суд весь даде Сынови, да вси чтут Сына, якоже чтут Отца* (Иоан. 5, 22, 23). И хотя Бог Слово и стал человеком и платил долг человечества

т. е. вместе с нами молился Богу: тем не менее Он будет Судией, как Бог и Господь и как один Сын, имея в Себе в это время и Бога Отца (14, 10). Ибо, как я сказал уже, Отец в Нем пребывает и сам Он в Отце. И как один Бог и Отец, из которого все, так и один Господь Иисус Христос, чрез которого все (1Кор. 8, 6). Да и тому, что действительно содержится в словах бл. Павла, они дают недостойный смысл. Он сказал и конечно справедливо: *Бог бе во Христе мир примиряя* (2Кор. 5, 19). А они, одному Христу и Сыну нанося грубое рассечение, совершенно делят Слово Божие и утверждают, что Оно пребывает в другом каком-то отдельно мыслимом Христе, так что справедливее выйдет то, что Оно обитало в человеке, чем то, что Оно восприяло плоть. Но самый контекст речи не позволяет так разуместь вам, люди мыслящие. Вы перемешали чтение, и силу мысли направляете к неприличному, тогда как, по Писанию, нам должно весь ум свой пленять в послушание Христу (2Кор. 10, 5). Ибо был Бог в Нем мир Себе примиряя во Христе (5, 19). Примирившись со Христом, примиряемся и с Богом и Отцом, потому что Бог Слово, рожденное от Отца, поколику одного с Ним существа, не различается от Него, и хотя стало человеком, не потерпело однако ничего такого, чем бы стало Оно уже менее Сыном по естеству; и во плоти Оно осталось тем же. А что мы имеем примирение во Христе, так как Он есть мир наш (Ефес. 2, 14), кто посмеет отвергать это? Ибо Он есть дверь (Иоан. 10, 9) и путь (14, 6), и в Нем телесно обитала вся полнота божества (Кол. 2, 9).

Но этот охотник до порицаний и искусник в созерцаниях, вслушиваясь внимательно, опять говорит: если иной тот, кто обитает, то как же не разделять нам ипостасей и не полагать существования той и другой отдельно – самой по себе? Где ж будет наконец, скажи мне, одна личность? Ибо они воображают, что полагают одну только личность. Но положить две ипостаси, каждую саму по себе и отдельно, совершенно тоже, что и допустить две личности. Но они представляют из себя законодателей, утверждая решительно все то, что только покажется им справедливым. Ибо, разделяя ипостаси, говорят, соединяем личности. Но вероятно ли это, и разумно ли, и

возможно ли? Каждый легко поймет, как сказал я, подлежащее разуму и созерцанию, что плоть иного естества с Словом, которое соединилось с ней. Но так как св. Писание говорит нам об одном Сыне, одном Господе и одном Христе, и поскольку так, а не иначе гласит и предание веры: то и мы, соединяя нераздельным единением Слово Бога Отца с Его плотью, одаренную разумной душой, исповедуем, что один Христос и Сын. И как один Сын, так и личность только одна, утверждаем мы, следуя во всем божественной и святой проповеди веры и первым очевидцам Слова и Его служителям. А тех, которые считают за лучшее следовать противному и, сочиняя неразумные силлогизмы, уклоняются туда, куда не должно, мы отрицаемся и не хотим иметь с ними общения, говоря: *ходите светом огня вашего, и пламенем, его же разжегосте* (Иса. 50, 11). И действительно, есть много, как я слышу, безрассудных, которые распространяют слухи, будто превратное учение Нестория содержат все благочестивые епископы восточные, думая, что оно истинно и что ему одному и должно следовать. Я думаю, должно объявить и об этом; потому что благочестивые епископы всего Востока, вместе с господином моим Иоанном, благочестивейшим епископом антиохийской церкви, написали ясное исповедание и тем засвидетельствовали всем, что они, так же как и мы, осудили и предали анафеме нечестивое новословие Нестория, и никогда ему не следовали, а следовали евангельским и апостольским догматам, и никогда не противоречили исповеданию св. отцов. Ибо исповедовали так, как и мы, что св. Дева есть Богородица, и не допускали, что она есть Христородица, или человекородица, как говорят защитники нечестивых и гнусных мнений Нестория. Также ясно утверждали, что один Сын, один Господь, один Христос, т. е. Бог Слово, рожденный прежде веков и несказанным образом от Бога Отца, и тот же самый в последствии времени рожденный от жены по плоти, так что тот же Бог есть и человек и тот же совершенный в божестве совершенный и в человечестве. Верят наконец, что одна у Него личность, и никоим образом не делят Его на двух сынов, или двух Христов, или двух Господов. Итак, если найдутся такие, которые ложно станут утверждать, что те

думают противное тому, решительно не верь словам их, а как обманщиков и лгунов пошли их к отцу их диаволу, чтобы не смущали тех, которые хотят идти правым путем. И если бы вздумали сами сочинять письма и выдавать их за изданные мужами известными, то должно всеми способами останавливать подобную дерзость. Ибо если они раз изложили на письме исповедание своей веры, то как возможно, чтобы стали писать уже противное, изъявляя как бы сожаление о том, что больше уж не хотят право мыслить? – Приветствуй братий, которые с тобою; те, которые со мною, приветствуют тебя. Желаю тебе здравствовать о Господе.

Послание папы Сикста к Кириллу александрийскому, по заключении мира между Кириллом и Иоанном

Епископ Сикст Кириллу александрийскому.

Весьма радуемся мы с того времени, когда *посетил* нас, как читаем, *восток свыше* (Лук. 1, 78). Ибо, когда мы, не желая никому гибели, находились в беспокойстве, святость твоя известила своими письмами, что тело Церкви пришло в прежнее состояние и члены его в своих составах получили прежние места; никто уже более не блуждает вне Церкви, и, судя по единству веры, все покоются внутри ее. Радуемся, что удален из среды нас человек, сделавший такое дело; восстававший против Того, кто, как мы исповедуем, принес пользу всем, теперь понял, что он повредил себе одному, не веря тому, что чувствовал. Но перейдем лучше от печального к радостному; потому что и сам тот, из за кого поднят был спор, уничтожив печаль Церкви вселенской, доставил нам время радости. Наконец Христос Бог наш показал, насколько истинна его вина, когда благоволил распорядиться так, что решение подобного рода дел предоставил собору своих священников. Апостолы, собираясь во едино, часто рассуждали о вере: ныне мужи апостольские, собравшись во едино, приветствуют друг друга с победой. О распоряжение достойное посылающего, достойное собора! Суд, достойный небесной радости, должен

был иметь таких защитников, которые бы не молчали, насколько этого требует дело и сколько позволяет место. К блаженному апостолу Петру собирается вселенское братство. Вот сообразное с делом судилище, достойное того, чтоб внимать судьям. И соепископы наши имели свидетелем своих взаимных приветствий того, которого мы имеем началом чести. Ибо на святом и достоуважаемом соборе, собравшемся, по благодати Господней, в день моего рождения, как должно верить, он сам председательствовал; потому что, очевидно, он присутствовал здесь и духом и телом. Он был при победе и не отсутствовал при споре; он помог желаниям сердец наших, так как видел, что отменяется символ, вначале преданный апостолами; он не мог снести радости отвратительного чудовища и не попустил возмущать этот чистый и ясный источник нечистой бездной. К нам обратились братья, к нам, говорю, которые, общим старанием преследуя болезнь, доставили здоровье душам. И не поддался вашему ссыльному Святой брат наш Иоанн, не прельстился богохульною его проповедию; ибо, как показывает исход дела, отстоял свои понятия, не отверг их. И на что другое можно было решиться, что придумать в пользу изобретателя зла, когда самые священники его заставляли его самого чувствовать вину? Т. е. составил о переметчике нашего стана то заключение, по которому вожди веры должны бы осудить его в вероломстве. Никогда он не выделялся бы из нашего числа, в которое мог и возвратиться. Ликуй, брат возлюбленный, ликуй победитель, собравший к нам братьев! Церковь разыскивала их и возвратила. Ибо, если мы не желаем гибели никому и из меньших братий, то какова должна быть радость наша о выздоровлений начальников? Сколько радости, как говорится в Писании (Лук. 15, 3–7), доставляет обретение одной овцы, и поэтому должно судить, какой похвалы заслуживает то, чтоб возвратить таких пастырей. В стадах имеют значение и неделимые; а здесь дело идет не об одном, а о здравии многих. Радует, что здесь не нуждались мы в чем-нибудь незрелом, и приветствуем плод наших понятий. Мы помогли им, братья, с уверенностью, что они принесут не терние, а виноград. Наступает жатва нашим радостям, которые щедро наполнили

сердца собора приветствием. О винограднике своем заботился тот страж, который, по словам пророка Давида, не спит и не дремлет на страже дома израилева (Пс. 120, 4); и розга бесплодная и не приносящая плода Христу нашему предана пламени (Иоан. 15, 2, 6). И как, с одной стороны, это становится участью осужденного, так, с другой стороны об обратившихся к нам братьях нужно сказать то, что сад, насажденный Отцом, не мог быть искоренен диаволом (Мат. 15, 13). На долю того достается огонь вечный, а на долю этих виноградник вечного владетеля; радуемся тем более, что святость твоя называет теперь священника антиохийской церкви мужем достоуважаемым и господином. И по заслугам называется он господином, потому что защитил Господа всех, и вместе с нами исповедует словом кафолическим таинство Его воплощения. Хорошо нам вкратке передало братство твое все то, что произошло еще сверх этого дела; но не удивляемся, что ты обижен разномыслящими. Знаем, что истина часто терпит порицания, однако никогда не может войти в подчинение лжи; для проповедника веры неприятности всегда неизбежны; за это ожидает его обильная блаженством награда на небесах; почему и заповедано им за правду подвергаться злословию, преследованию и всякому злу. Ты перенес ложь и истину сделал победительницею; даже и теперь смело должно идти на встречу лжи; потому что все живут истиной. Итак мы ожидаем клириков помянутого брата нашего Иоанна и желаем, чтоб они пришли; думаем дать ему ответ и относительно твоей чести и относительно твоего труда. Он сам даже, как часто уже писали мы брату и соепискому нашему Максимиану, не без охоты открывает двери возвращающимся, так что никто не погибнет, разве только *сын погибельный* (Иоан. 17, 12); и тем большим для него побуждением плакать будет то, что он один только заслужил отвержение. Это пишет к тебе, достоуважаемому, святое со мною братство, одобряя и утверждая твои труды во всем, которые впрочем не могли быть тяжелы и горестны, потому что понесены для Того, которого *бремя легко и иго благо* (Матф. 11, 30). – Дано в 15 календы октября, в консульство Феодосия и Максима.

Сикст епископ – Иоанну, епископу антиохийскому

Если любовь твоя изволит рассудить о славе тела церковного и его неповрежденности, то вполне поймет радость нашу. Ибо и самое дело ясно говорит, что печаль наша неожиданною речью святого брата нашего Кирилла превращена в радость. Поэтому нам приятно, что мы избежали такого беспокойства, после того как выздоровление твое для нашей веры причинило раскаяние виновному. Теперь он поистине считает себя изгнанником, отверженным. Для него изобилует терние в пустыне, где нет собирания винограда. Вот какие получил плоды тот, кто не хотел вместе с нами возделывать виноградник Господа. Я думаю, до твоей любви дошли сведения о порядке и ходе дел, как хотели мы помочь ему своим увещанием. Мы удержали в падении того, которого должна была увлечь в пропасть тяжесть богохульства. Если по справедливости взвесить качество дела, то никому не покажется, что Несторий осужден преждевременно, так что ему не могло принести никакой пользы надлежащее предварительное увещание. Теперь будем пользоваться настоящими благами и не останемся долее в печалях, в которых Господь попустил утешиться. Вселенское братство, собравшееся к дню моего рождения, услышало, сохранять. Нет нужды в новом, потому что ничего нельзя прибавить к старому. Ясная и светлая вера предков да не помрачится никакой примесью нечистоты. Она имеет одобренного нам мужа, брата и соепископа нашего Максимиана, священника константинопольской церкви, посвященного там по суду божественному; и вместо недуга, происшедшего от яда, который лукавство дало спящим, заступит сладость простоты, потому что он, как думаем, станет там проповедовать не другое что, как то, что часто слышал на одном с нами поприще от моих предшественников. – Дано в 15 календы октября, в консульство Феодосия и Максима.

Кирилла, архиепископа александрийского, на СВЯТОЙ СИМВОЛ

Избранным и возлюбленнейшим – Афанасию, Александру, Мартиниану, Иоанну, Паригорию пресвитеру, и Максиму диакону, и прочим православным отцам из монахов, и вместе с вами ведущим монашескую жизнь, и утвержденным в вере Божией, Кирилл желает всякого блага о Господе.

Заботливость и прилежание любви вашей я и теперь не могу хвалить посредственно только, а считаю достойными всякой похвалы; потому что любить божественные писания и стараться следовать святым догматам, – это достойно удивления. Это доставляет жизнь безконечную и блаженную, и понесенный для этого труд не останется без возмездия. Ибо говорит Господь наш Иисус Христос к небесному Отцу и Богу: *се есть живот вечный, да знают Тебе единого истинного Бога, и его же послал еси Иисус Христа* (Иоан. 17, 3). Правая поистине и безукоризненная вера, которой сопутствует свет добрых дел, исполняет нас всякого блага и имеющим ее доставляет блистательную славу. Но свет дел, если он чужд правых догматов и неповрежденной веры, душе человеческой, как думаю, не доставит никакой пользы. Ибо как *вера без дел мертва есть* (Иак. 2, 20), так и противное истинно. Итак вместе да сияет с честною жизнью слава и неповрежденность веры. Ибо так будем совершенны по закону премудрого Моисея: *совершен, говорит, да будешь пред Господом Богом твоим* (Втор. 18, 13). А те, которые по безрассудству не считают нужным иметь правую веру, хотя и украшаются добрыми делами, подобны некоторым образом людям с благородным лицом и кривыми. блуждающими глазами, и потому к ним относится то, что сказано Господом чрез пророка об Иерусалиме, матери городов иудейских: *се не суть очи твои, ниже сердце твое благо* (Иер. 22, 17). Нужно поэтому прежде всего владеть вам здравым умом и помнить слова св. Писания: *очи твои право да зрят* (Притч. 4, 25). А прямое видение глаз внутри сокровенных состоит в том, чтобы иметь возможность различать остро и точно, как следует, суждения произносимые о

Боге. Ибо мы видим в зеркале, гадательно и знаем отчасти (1Кор. 13, 12); но кто из тьмы открывает бездну (Иов. 12, 22), Тот прольет свет истины тем, которые хотят составить о Нем правильное познание. Должно поэтому взывать к Господу, как бы возлежа пред Ним: *просвети очи мои, да не когда усну в смерть* (Пс. 12, 4); потому что отступить от правоты святых догматов есть не иное что, как явно уснуть в смерть; от такой правоты отступаем, когда не следуем писаниям богодухновенным, а увлекаемся или предрассудками, или усердием и привязанностью к тем, которые содержат веру неправо, когда начинаем преклонять силу нашего ума и вредить прежде всего своим душам. Должно поэтому согласоваться с теми, которые тщательно исследовали правую веру по разуму священных проповедей, которые и передали нам Духом Святым, которые вначале сами видели и были наставниками слова; стопам которых следовать учились даже святейшие отцы наши, кои, собравшись некогда в Никее, составили достоуважаемый вселенский символ, с коими восседал и сам Христос, сказавший: *идеже еста два или трие собрани во имя мое, ту есмь посреде их* (Матф. 18, 20). Ибо как можно сомневаться в том, что Христос председательствовал на святом и вселенском этом соборе? потому что здесь некоторый базис и основание твердое, несокрушимое полагалось и даже распространялось на всю вселенную, то есть это святое и безукоризненное исповедание. Если это так, то разве мог отсутствовать Христос, когда Он есть основание, по словам премудрого Павла: *основания иного никто же может положить паче лежащего, еже ест Христос Иисус* (1Кор. 3, 11). Почему изложенную и определенную ими веру свято сохраняли и те, которые следовали после них, святые отцы и пастыри народа и светила Церкви и искуснейшие строители таинств. А что ничего не оставлено и не опущено из того, что необходимо для пользы, – это может видеть каждый в исповеданиях отцов, т. е. в изложениях правой и неповрежденной веры, которые они составили для обличения и опровержения всех ересей и нечестивых богохульств, и для укрепления и утверждения тех, которые право содержат веру и

которым светоносно вошла денница и воссиял день (2Петр. 1, 19), как говорит Писание, и ради святого крещения сообщается свет истины.

А так как ваше благочестие написало, что некоторые содержащееся в символе клонят туда, куда не должно, или потому, что не понимают правильно силы слов символа, или потому, что, увлекшись писаниями некоторых, пришли к фальшивому смыслу, и таким образом нужно, чтобы и я также предложил вам слово об этих самых предметах и с очевидностью истолковал силу изложения (веры): то я почел нужным вкратке высказать то, что теперь пришло мне на ум. Затем, переходя к правильному и беспристрастному исследованию сказанного святыми отцами, мы постоянно будешь держаться порядка их исповеданий и мнений. Ибо сам Святой собор, разумею собор, по воле Божией собравшийся в Ефесе, произнесши правильный и точный суд над лжеучением Нестория, вместе с ним осудил, под условием одинакового наказания, и нововведения других, которые, после или прежде него, одинаково с ним мысля, дерзнули учить, или писать. Да так и следовало: когда один кто-нибудь раз осужден за невежественные нововведения, то осуждение должно относиться не к одному, но ко всякой, так сказать, ереси, или хуле, которую составили нововводители против благочестивых догматов

Церкви, воздавая честь двум сынам, разделяя неразделимое и давая повод обвинять небо и землю в человекослужении; потому что вместе с нами и Святой сонм небесных духов покланяется единому Господу Иисусу Христу. А чтобы все знали силу символа, содержимого и проповедуемого во всех святых Божиих церквах, я внес в свои толкования самые мнения святых отцов, или изложение их мнений. Таким образом слушающие, или читающие, эти мнения увидят, как должно их понимать в изложении, сделанном святыми отцами, или уразумеют чистый символ правой веры. Думаю, что вашей любви попадалась книга, нами об этом написанная. Теперь же, как сказано мной, я сперва изложу буквально символ; а потом обращусь к ясному истолкованию каждого его слова; потому что

знаю написанное всеславным Петром: *готови присно ко ответу всякому вопрошающему вы словесе о вашем уповании* (1Петр. 3, 15).

Символ никейских отцов

Веруем во единого Бога, Отца вседержителя, Творца всего видимого и невидимого; – и во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, едиnorodного, рожденного от Отца, т. е. из сущности Отца, Бога от Бога, свет от света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного, не сотворенного, Отцу единосущного, – чрез которого все произошло как на небе, так и на земле, ради нас человекoв и ради нашего спасения низшедшего, воплотившегося и вочеловечившегося, страдавшего и воскресшего в третий день, возшедшего на небеса, и грядущего судить живых и мертвых; – и в Духа Святого. – Говорящих же, что было время, когда не было (Сына), что Он не существовал до рождения, и произошел из не сущего, или от иного существа или сущности, или утверждающих, что Сын Божий изменяем или преложим, – таковых анафематствует апостольская и кафолическая Церковь.

Отцы изрекли: „веруем во единого Бога“: это с тою целью, чтобы в самом основании, или в глубине, разрушить мнения язычников, которые, *глаголющеся быти мудри, обьюродеша, и измениша славу нетленного Бога в подобие образа тленна человека и птиц и четвероног и гад, – послужиша твари паче Творца* (Рим. 1, 22, 25), служили стихиям мира, вымысливши не многих только, а бесчисленных богов. Потому-то отцы, для искоренения заблуждений многобожия, называют Бога единым, нимало не отступая от св. Писания и ясно показывая красоту истины всем, живущим в подсолнечной. Так же поступил и мудрый Моисей: он ясно говорит: *слыши Израилю: Господ Бог твой, Господь един есть* (Второз. 6, 4). И сам Виновник бытия всего и Владыка говорит: *да не будут тебе бози инии разве, Мене* (Исх. 20, 3). Тоже самое возвещает Он и устами святых пророков: *Аз первый, и Аз по сих, кроме Мене несть Бога* (Ис. 44, 6). Потому-то всехвальные отцы, в намерении дать твердое

основание вере, то именно, что должно и мыслить и исповедовать, что Бог есть един и единствен по естеству и по истине, прекрасно сказали: „веруем во единого Бога“. Вместе с тем именуют они Бога „Отцом вседержителем“, чтоб именем Отца указать на Сына, для которого Он Отец, – Сына сосуществующего и совечного Отцу; потому что Бог Отец не во времени сделался Отцом, но всегда был тем, чем есть, т. е. Отцом, превыше всего сотворенного и в высотах недоступных. А что Он все держит и над всем властвует, это означает светлую и ни с чем несравнимую Его славу. – Называя его „Творцом всего – на небе и на земле“, отцы тем самым дают нам разуместь его несродность ни с каким творением; потому что ни с чем несравнима разность между Творцом и тварию, между нерожденным и рожденным, между природою подъяремною, служебною, и природою, украшенною владычественными достоинствами, имеющею божественную и премирную славу.

Далее, упомянувши о Сыне, отцы, чтобы не показалось, что они приписывают Ему общее имя, которое и нам также присвоится, – и мы тоже названы сынами, – весьма разумно присовокупляют то, из чего можно видеть достоинство присущей Сыну, естественной Его славы, – достоинство, несвойственное никакому творению. Отцы говорят, что Сын „рожден, а не сотворен“, показывая словом „не сотворен“, что Он, по самому существу своему, вне всех творений, или лучше, утверждая, что Он рожден из существа Бога и Отца вне времени и непостижимо; потому что *бе Слово в начале* (Иоан. 1, 1). Потом, стараясь объяснить возможно-наилучшим образом рождение, (судя по-человечески, ради пользы; неизлишне сказать и об этом), отцы называли Сына „Богом, рожденным от Бога“; потому что где рождение истинное, там, всеконечно, по всем нашим соображениям, ничего иного ни представить себе ни сказать мы не можем, кроме того, что рожденное не может быть отличным, но существу, от родившего, что особенные, отличительные свойства существа родившего должны принадлежать и рожденному, так как рожденное происходит из существа или сущности родившего, по способу, приличному и соответствующему этой сущности. Бестелесное, конечно,

рождает не по образу телесного, а всего ближе указывается образ рождения свойственный бестелесному, происхождением света от света: свет, излитый блещущим светом, мыслится нами не иначе, как свет же; происхождение последнего от первого таинственно и неизреченно, и последний содержится в первом по причине единства и тождественности физической. Потому-то и говорим мы: „Сын в Отце, и Отец в Сыне“, так как Сын в своем естестве и в своей славе представляет нам собою Отца. Сам Сын сказал это ясно одному из своих учеников, – Филиппу: *не веруеши ли, яко Аз во Отце, и Отец во Мне есть? Видевый Мене, виде и Отца. Аз и Отец едино есма* (Иоан. 14, 9, 10. 10, 30). Следовательно Сын „единосущен“ Отцу. Потому-то и веруется, что „истинный Бог рожден от истинного Бога“. Правда, рождение усваивается и тварям, по сказанному Богом о плотских потомках Израиля: *сыны родих и возвысих* (Ис. 1, 2); но твари удостаиваются названия рожденных по чину благодати; о Сыне же по естеству говорится все в смысле истинном, а не в переносном; потому Он только и говорит о Себе: *Аз есмь истина* (Иоан. 14, 6), так что в отношении к Нему употребит ли кто слово „рождение“, или слово „сыновство“, не впадет в ложь; потому что Он есть истина. Так-то укрепляют наши души всеславные тайноводцы, постоянно употребляя слова: „Отец“, „Сын“, „рождение“, также говоря, что воссиял Бог истинный от Бога истинного, свет от света, чтобы рождение признавали мы бестелесным и простым и происходящим из Него (Отца) и пребывающим в Нем, и каждого (т. е. Отца и Сына) мыслили существующим самолично. Ибо Отец есть Отец, а не Сын; Сын есть рожденный, а не Отец; и при тождестве естества, каждый из Них есть то, что есть.

Сказавши об Отце, как Творце всего видимого и невидимого, отцы говорят, что все сотворено чрез Сына. Этим они не умаляют славы Сына, как бы приписывая Ему только некоторое участие в миротворении. Далеко не так. Разве можно искать большее и меньшее там, где единосущность? Но в естестве Бога и Отца то свойство, что Он не иначе что-либо производит и вызывает к бытию, как чрез Сына в Духе, – чрез Сына, как свою силу и премудрость; потому что написано:

Словом Господним небеса утвердишася, и Духом уст Его вся сила их (Псал. 32, 6). Также и мудрый Иоанн, сказавши: *в начале бе Слово, и Слово бе к Богу, и Бог бе Слово*, необходимо присовокупил: *вся Тем быша, и без Него ничтоже бысть (1, 1, 3).*

Показавши же, что Сын единосущен, равночестен и равномощен Отцу, отцы весьма кстати после этого переходят к Его вочеловечению. Они раскрывают тайну домостроительства Его во плоти, вполне постигнув, что чрез эту только тайну предание веры становится совершенным и вполне достаточным. Верующим в Сына не довольно питать в себе те чувствования и мысли, что Он как Бог рожден от Бога Отца, единосущен Отцу, есть образ ипостаси Отца (Евр. 1, 3), – им необходимо еще знать, что Он для спасения и жизни всех низшел до уничижения, принял на Себя образ раба, сделался человеком, родившись по плоти от жены. Потому отцы и говорят: „ради нас человек и ради нашего спасения низшедшего, воплотившегося, вочеловечившегося». Заметь, какое стройное расположение, какой прекрасный порядок в словах отцов. Они говорят: „низшедшего“, чтоб мы уразумели, что это – Господь, естеством и славою все превосходящий, и что Он низшел для нас, по своему, говорю, желанию уподобиться нам и с плотию воссиять миру; потому что в книге псалмов написано: *Бог яве приидет, Бог наш, и не премолчит (49, 2)*. Кому же угодно, тот может и иначе понимать „нисшествие“, т. е. в смысле сошествия с неба, свыше, или даже от самого Отца; потому что св. Писание имеет обычай выражать превышающее наш разум такими словами, которые у нас в ходу. Так, беседуя с своими учениками, Иисус Христос сказал: *изыдох от Отца, и приидох в мир, и паки оставляю мир, и иду ко Отцу (Иоан. 16, 28)*, также: *вы от нижних есте, Аз от вышних есмь*, и еще: *Аз от Бога изыдох и приидох (8, 23, 42)*. Божественный же Иоанн пишет: *грядый свыше, над всеми есть (3, 31)*. Таким образом, существуя в высотах выпренних, превосходя все по существу своему вместе с своим Отцом, даже увенчанный тожеством естества с своим Отцом, Он (Сын) не восхищением непщева быти равен Богу, но Себе умалил,

зрак раба приим, в подобии человечестем быв, и образом обретеса якоже человек, смирил Себе (Филип. 2, 6–8). Так как Бог Слово, принявши плоть нашу, осталось Богом: потому-то священный Павел и говорит, что Оно сделалось подобным нам, человекам, и по виду стало как человек. – И Бог, как я сказал, облекшись в образ наш, принял на Себя плоть не бездушную, как угодно мудрствовать некоторым еретикам, но одушевленную душою разумною. Итак, по разуму святых отцов, само Слово, исшедшее из сущности Отца, Сын едиnorodный, Бог истинный от Бога истинного, свет от света, сам Тот, чрез которого все получило бытие, нисшел, воплотился и вочеловечился, т. е. соблаговолил подвергнуться рождению от жены и явиться в образе нашем: это и значит „вочеловечиться“.

Итак один и тот же Иисус Христос, само едиnorodное Слово Отца, сделавшись человеком, не перестало быть тем, чем было: и в человечестве осталось Оно Богом, и в образе раба Владыкой, и в унижении нашем с полнотой божества, и в немощи плоти Господом сил, и в человеческой мере со всеми свойствами, ставящими Его выше всей твари. Чем было Оно до принятия плоти, тем же неизменно осталось и по принятии плоти, т. е: Богом, Сыном истинным и едиnorodным, светом, жизнью и силой, а чем Оно до принятия плоти не было, то приняло на Себя по домостроительству; потому что Оно усвоило Себе все, принадлежащее плоти: плоть, воспринятая Им, была не чужою, а стала собственною Его плотию, непостижимо и неизреченно принятою Им в единение с Собою. Потому-то мудрый Иоанн и говорит: *Слово плоть бысть* (1, 14), – *бысть* плоть без преложения, или превращения, или изменения в естество плоти, также без всякой нечистоты, или смешения, или разглашенного некоторыми сосуществования (συνεσίσωσις): все это невозможно; потому что, по естеству своему, Слово не подлежит никакому превращению и изменению; Оно *плоть бысть*, принявши плоть, одушевленную разумною душою, от девственного и чистого тела, и сделавши ее своею собственною. А притом у богодухновенного Писания в обычае иногда называть всего человека только плотию. Так, говорится: *излию от Духа моего на всяку плоть* (Иоил. 2, 28).

Всёконечно Бог возвестил, что Он ниспошлет своего Духа не плотям, чуждым разумной души, а людям, состоящим из души и тела. Потому Слово, не переставая быть тем, чем было, стало человеком, а также, явившись в нашем образе, Оно пребыло тем же Словом. И здесь да не будет той мысли, что будто Христос сперва явился человеком, а потом достиг того, что стал Богом; нет, – Бог Слово стало человеком, так что Оно и Бог и человек вместе. Поэтому те, которые разделяют Его на двух сынов и дерзают говорить, что Бог Слово соединилось с человеком, происшедшим от семени Давидова, сообщило этому человеку славу, честь и достоинство своего сыновства и приготовило его к претерпению крестной смерти, воскресению, восшествию на небо и седению одесную Отца, да поклонится всякая тварь пред ним, как сподобившимся божеских почестей, – во-первых провозглашают двух сынов и во-вторых невежественно извращают силу тайны. Ибо, как я сказал, Христос не из человека сделался Богом, а Бог Слово стало плотию, т. е. человеком. Равным образом, об унижении Его говорится потому, что прежде унижения Он, как Бог, имел всю полноту божества в собственном своем естестве: не из унижения возвысился Он до полноты божества, но смирил Себя, нисшедши с божественных высот и неизреченной славы; Он возвысился не потому, что прославлен как смиренный человек. И образ раба принял Он, как свободный, а не из рабства перешел в славу свободы. В подобии человеческом Он был во образе Божии и равен Отцу, а не человеком будучи Он обогащен даром быть образом Бога.

И зачем извращать учение о домостроительстве и искажать истину, вопреки всем богодухновенным писаниям, которые, зная Бога и вочеловечившегося Сына, везде называют Его единым? Так, в книге мироздания Моисей написал, что божественный Иаков, переводя своих детей через поток Иавок и оставшись на ночь один, боролся с человеком даже до утра и прозвал то место: *вид Божий: видех бо*, говорит Иаков, *Бога лицом к лицу, и спасеся душа моя. Возсия же ему солнце, егда преиде вид Божий: он же хромаше стегном своим* (Быт. 32, 30, 31) Бог предпоказал патриарху и то, что некогда вочеловечится

единородное Его Слово, и то, что Израиль будет Ему противоборствовать, и то, что будут неправо поступать с Ним, станут в отношении к Нему как бы хромать, – о чем яснее говорит Он на лире псалмопевца: *сынове чуждии солгаша Ми, сынове чуждии обетшаша, и охромоша от стезь своих* (Псал. 17, 45, 46). На это, думаю, указывает то обстоятельство, что Иаков охромел *стегном своим*. Кроме того заметь: хотя с Иаковом боролся человек, но он, по собственным его словам, видел *Бога лицом к лицу*, и вид Его называет *видом Божиим*. Так и Слово Божие, ставши человеком, было в тоже время в образе Отца, как духовный, говорю, Его образ и как совершенно неизменяемое. Потому-то Оно, показывая нам, что и с плотию в Нем образ *ипостаси Отца*, сказало Филиппу: *видевый Мене, виде и Отца*. Также, встретивши в храме исцеленного Им слепого от рождения, Оно спросило его: *ты веруеши ли в Сына Божия?* Затем на вопрос слепорожденного прозревшего: *и кто есть, Господи, да верую в Него?* Оно ответило: *и видел еси Его, глаголяй с тобою, Той есть* (Иоан. 9, 35–37). Слепец же прозревший видел Его не в чистом, или безплотном, а в нашем, человеческом, образе, и уверовал в увиденного им не как в Сына, соединенного с другим Сыном, но как в единого по естеству и по истине, не без плоти воссиявшего для земнородных. Далее, божественный же Моисей говорит в благословениях: *дадите Левию явленная его, и истину его мужу преподобну, его же искусиша искушением, укориша его у воды пререкания: глаголяй отцу своему, и матери своей: не видех тебе, и братии своея непозна* (Второз. 33, 8, 9). Бог всяческих установил для Аарона разноцветный подир²³. Ношение подира приличествовало и было присвоено только архиерейству на подире, на грудь архиерея привешивались некоторые камни, в числе 12, а в середине этих камней еще два камня, носивших имена *явления* и *истины*. Прообразовательно 12 камнями означался сонм святых апостолов, окружавший собой Еммануила, который есть *явление* и *истина*; потому что Он явил нам истину, ноложив конец богослужению в тенях и образах. А что единородное Слово Божие, принявши на Себя человечество, было и архиереем, можно ли в этом сомневаться,

когда божественный Павел написал так: *разумейте посланника и святителя исповедания нашего Иисуса Христа: верна суща сотворшему Его* (Евр. 3, 1, 2)? Да и достоинство священства, как понятно, не неприлично тому, что является в мере человеческой. Пусть оно ниже естества и славы Бога Слова, но не несоответственно домостроительству Его во плоти. Поэтому Моисей и говорит: *дадите Левию*, т. е. священнику, *явленная и истину*. Какому же Левию, или священнику, – это показал он словами: *мужу преподобну*, потому что Господь наш Иисус Христос не сотворил греха; в следствие того Павел и пишет о Нем: *таков нам подобаше архиерей, преподобен, незлобив, безсквернен, отлучен от грешник и вышше небес бывый* (Евр. 7, 26). – Его же искусиша искушением, укориша его у воды пререкания (Второз. 33, 8). О, удивительное дело! наименованного мужем Моисей тотчас же называет Богом, которого преогорчил и искусил Израиль в пустыне и у воды пререкания, в чем уверят каждого слова псалмопевца: *разверзе камень в пустыни, и напои я яко в бездне мнозе: и изведе воду из камене, и низведе яко реки воды*. Что ж дальше? *И искусиша Бога в сердцах своих,... и клеветаша на Бога, и реша: еда возможе Бог уготовати трапезу в пустыни? понеже порази камен, и потекоша воды, и потоцы наводнишася: еда и хлеб может дати? или уготовати трапезу людем своим?* (Пс. 77, 15, 16, 18–20). Итак видишь, каким образом евреи искушали чудодействовавшего Бога, которого Моисей назвал мужем. В том же смысле и божественный Павел пишет: *пияху бо от духовного последующего камене: камень же бе Христос* (1Кор. 10, 4). Следовательно мужем, его же укориша, был Тот самый, кого прежде воплощения искушали израильтяне. А что Сын до воплощения не был отличен от Сына, происшедшего от семени Давидова, вопреки мнению дерзающих утверждать такое различие, но был одним и тем же, – до воплощения Словом чистым, а по рождении от святой Девы – воплощенным и вочеловечившимся, как написали святые и божественные отцы, – это показал еще Моисей особым признаком *мужа преподобна*. Как будто кто-нибудь, желая наставления, спросил Моисея: о каком это муже было у него слово, – муже, которого, по его

словам, искушали и поносили израильтяне? И Моисей как бы рукой своей, простерши ее, указывает на Иисуса: он говорит: *глаголяй отцу своему, и матери своей: не видех тебе и братии своя не позна* (Второз. 33, 9). Вспомним же, что написал один из святых евангелистов. Когда, однажды, Христос учил и тайноводствовал некоторых, а Мать Его и братья стояли вне, и когда некто из учеников, подойдя к Нему, сказал: *Мати твоя и братия твоя вне стоят, видети Тя хотяще*: то Он, показавши своей рукой на учеников, слушавших Его, отвечал: *мати моя и братия моя, сии суть, слышащии слово Божие и творящии е* (Лук. 8, 16–21). *Иже бо аще сотворит волю Отца моего, иже есть на небесех, той брат мой, и сестра и мати (Ми) есть* (Матф. 12, 46–49). Это, думаю, значат слова Моисея: *глаголяй отцу и матери: не видех тебе, и братии своя не позна*. – И еще, мудрый Даниил говорит, что он видел единокровное Слово Божие в образе нашем. Он видел, но его словам, *Ветхого денми* сидящим на престоле, видел *тмы тем* предстоящих Ему и *тысячи тысяч* Ему служащих. Потом, сказавши о некоторых других предметах своего видения, Даниил присовокупляет: *видех во сне нощию, и се на облацех небесных, яко сын челоувечь идый бяше, и даже до Ветхого денми дойде, и пред Него приведесе: и тому дадесе честь и царство, и вси племена и языцы тому поработают* (Дан. 7, 9, 10, 13, 14). До очевидности ясно, что Даниил видел Еммануила, всходящего к небесному Отцу и Богу. Небесное облако подняло Его (Деян. 1, 9). И называет Его Даниил непросто человеком, но *яко сыном челоувеческим* потому что Бог Слово было в образе, подобном нашему. Точно также понимая это, мудрый Павел говорит, что Бог Слово было *в подобии челоувечестем, и образом обретеся якоже человек* (Филип. 2, 7), и земнородные видели Его *в подобии плоти греха* (Римл. 8, 3). Если бы то был человек, удостоенный божеской чести, только по причине близости к Богу: то пророк сказал бы, что он видел как бы Бога, или как бы Сына Божия, идущего на облаках: но пророк так не сказал, а говорит, что видел он *яко сына челоувечеаго*; следовательно он видел Сына, как Бога и как вочеловечившегося, т. е. бывшего *в подобии челоувечестем*, по слову Павла. Но

хотя пророк видел Его во плоти *яко сына человеческого*; *однакож Он даже до Ветхого денми дойде*, т. е. снова возшел на престол вечного Отца. – И дадеся тому честь и царство, и вси племена и языцы тому поработают. Тоже самое сказал Иисус Христос: *прослави Мя Ты, Отче, у тебе самого славою, юже имех у тебе прежде мир не бысть* (Иоан. 17,5). А что воплотившееся Слово Божие сопредстольно и равночестно, даже с плотию, Богу и Отцу, оставаясь одним и тем же Сыном и по вочеловечении, – это ясно показывает нам мудрый Павел, когда пишет: *такова имамы первосвященника, иже седе одесную престола величества на небесех* (Евр. 8,1). Да и сам Господь наш Иисус Христос на вопрос иудеев: Он ли во истину Христос? говорит: *аще вам реку, не имете веры: аще же и вопрошу вы, не отвечаете Ми. Отселе будет Сын человеческий седяй одесную силы Божия* (Лук. 22, 66 – 69). Значит, еще сонм святых пророков видел вочеловечившегося Сына на престолах Божества. Теперь посмотрим на проповедников нового завета, вселенских тайноводцев, которым сам Христос сказал: *не вы будете глаголющи, но Дух Отца вашего глаголяй в вас* (Матф. 10, 20). И вот мы встречаем божественного Крестителя, который говорит: *по мне грядый предо мной бысть: яко первее мене бе* (Иоан. 1, 15). Каким же образом идущий после Крестителя был прежде него? Не всякому ли известно, что по времени плотского рождения Иоанн предваряет Христа? Как же разрешить вопрос? Вопрос разрешен самим Спасителем, который сказал иудеям: *аминь, аминь глаголю вам, прежде даже Авраам не бысть, Аз есмь* (Иоан. 8, 58). Само собой понятно, что прежде Авраама был Он по божеству, а по человечеству явился Он после Авраама. Потом, хотя Бог и Отец ясно возвестил: *славы моя иному не дам* (Ис. 42, 8), так как нет другого Бога, кроме Него (45, 5); однако Христос сказал нам: *Сын человеческий приидет во славе Отца Своего со ангелы святыми* (Марк. 8, 38). А что должно ожидать пришествия Сына человеческого с неба, о том пишет мудрый Павел: явится благодать Божия спасительная всем человеком, наказующи нас, да отвергшеся нечестия и мирских похотей, целомудренно и праведно и благочестно проживем в нынешнем веце: *ждуще*

блаженного упования и явления славы великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа (Тит. 2, 11–13). И в другом месте, говоря о плотских потомках Израиля, Павел сказал: *их же заветы и законоположение, и обетования, и от них же Христос по плоти, сый над всеми Бог благословен во веки, аминь* (Римл. 9, 4, 5).

Продолжая идти неуклонно по следам исповедания отцов, мы говорим, что сам едиnorodный Сын, рожденный от Бога Отца, или само Слово Его воплотилось и вочеловечилось, страдало, умерло, воскресло из мертвых в третий день. Без сомнения, Слово Божие, по собственному своему естеству, недоступно страданиям. Никто, конечно, не будет так бессмыслен, чтобы допустить мысль, что естество, превышающее все, может быть способно к страданию. Но так как Оно сделалось человеком, усвоивши себе плоть от святой Девы: то, держась учения о домостроительстве, мы утверждаем, что в собственной своей плоти, по человечеству, страдал Тот, кто, как Бог, выше всякого страдания. Ибо, если Бог сделался человеком, не переставши быть Богом; если Он сделался частью творения, оставшись превыше всего сотворенного; если Законодатель по божескому достоинству был под законом, все-таки удержавши за Собой достоинство законодателя; если Владыка по божеству принял на Себя образ раба, неизменно сохранивши достоинство своего владычества; если Единородный стал *первородным во многих братиях* (Рим. 8, 29), оставшись едиnorodным: то что странного в том, что пострадавший плотию по человечеству остался и исповедуется недоступным страданию по божеству? Так и мудрый Павел говорит, что тоже самое Слово, которое есть образ Бога Отца и равно Богу Отцу, было *послушливо даже до смерти, смерти же крестные* (Филип. 2, 6–8). Он же в другом своем послании говорит о едиnorodном Сыне: *уже есть образ Бога невидимаго, перворожден всея твари: яко Тем создана быша всяческая, яже на небеси, и яже на земли. И Той есть прежде всех, и всяческая в Нем состоятся*; также: *и Той есть глава телу Церкви, начаток умершим, перворожден из мертвых* (Кол. 1, 15–18). Но Слово Бога Отца есть жизнь и творец жизни,

как рожденное от жизни, т. е. от Отца своего: как же стало Оно перворожденным из мертвых и начатком умерших? Вот как: усвоивши Себе плоть, способную к принятию смерти, Оно, как говорит мудрый Павел, *по благодати Божией за всех вкусило смерти* (Евр. 2, 9), – *вкусило* плоть, способную подвергнуться смерти, не переставши само быть жизнью. Потому исповедующий, что Оно пострадало плоть, не допустит страдания Его по божественному естеству, но, как я сказал, принимает страдание Его собственной плотью, способную к принятию страданий. Еще блаженный пророк Исаия, зная, что Бог, имевший вочеловечиться, постраждет плоть, сказал о Нем: *яко овца на заклание ведется, и яко агнец пред стригущим его безгласен, тако не отверзает уст своих. Во смирении его суд его взятся: род же его кто исповесть? яко вземлется от земли живот его* (53, 7, 8). Правда, вводители нечестивых догматов говорят: „*пусть кто-нибудь сделается человеком, – пусть это будет в частности Сын, находящийся в единении с Богом: ужели найдется такой простяк, который не мог бы ничего поведать об его роде? Бедь, Сын был от семени Иессеева и Давидова*“. Но дело в том, кто в состоянии объяснить рождение, или лучше, способ рождения Бога Слова? – *Вземлется от земли живот Его*, т. е. видимое Его присутствие (ὑπαρξις). Пророк, вместо „видимое присутствие“, поставил живот, или жизнь: Оно (Слово) восходит на высоту, возносится над всем земным; по неизглаголанному же своему естеству Оно непостижимо и вовсе недоступно мыслям человеческим. – Затем, к сказанному я присоединю еще вот что: *един Господь, едина вера, едино крещение* (Ефес., 4, 5), как говорит священнейший Павел. Если *един Господь, едина вера, едино крещение*: кто же этот Господь, и в кого мы уверовали и крестились? Конечно, всякий скажет, что в высшей степени, притом в мере одинаковой, приличествуют Слову Бога Отца и господство, и вера наша, и то, чтоб спасительное крещение в Него же совершалось; потому что само Оно так заповедало святым апостолам, сказавши им: *шедше научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святого Духа* (Матф. 28, 19). Да и божественный Павел представляет нам во свете славу

владычества, исповедание веры и силу святого крещения, когда говорит: *да не речеши в сердцах твоих: кто взйдет на небо? сиречь Христа свести. Или: кто снидет в бездну? сиречь Христа от мертвых возвести. Но что глаголет писание? Близ ти глагол есть во устех твоих, и в сердце твоем. Яко аще исповеси усты твоими Господа Иисуса, и веруеши в сердце твоем, яко Бог Того воздвиже из мертвых, спасешися* (Римл. 10, 6–9). Он же еще пишет: *или не разумеете, яко елицы во Христа Иисуса крестихомся, в смерть Его крестихомся* (6, 3)? Таким образом очевидно, что исповедание владычества и веры, а также и благодать святого крещения апостол мудро относит к претерпевшему смерть и воздвигнутому из мертвых. Ужели же мы веруем в двух сынов? Ужели мы, оставивши без внимания Слово, воссиявшее от Бога Отца, присвоим как другому, от Него отличному, сыну, претерпевшему страдание, – присвоим и славу владычества, и исповедание веры, и небесное крещение? Не глупо ли. и даже больше, не прямо ли нечестиво так думать, или говорить? Чтож должны мы сказать? То, по истине, что *един Господь, едина вера, едино крещение*; так как один Сын и Господь не потому, что будто Слово восприняло человека, особого, в единение с Собой, сделало этого человека участником в собственных своих достоинствах, сообщило ему свое сыновство и свое владычество, как говорят и даже написали некоторые безумцы, а потому, что само Слово от Бога, как свет от света, вочеловечилось и воплотилось. Мы крестились в смерть Слова, пострадавшего, по человечеству, собственною своею плотию, по божеству же недоступного страданию и вечно живаго, потому что Оно – жизнь от жизни, т. е. от Бога и Отца. Таким-то образом и наша поврежденность исправляется, и владычество смерти над нами обессиливается. Потому-то и сказал Христос: *аминь, аминь глаголю вам, аще не снесете плоти Сына человеческого, ни пиете крове Его, живота не имате в себе* (Иоан. 6, 53). Значит, животворны святое тело и святая кровь Христовы. А тело Его не есть, как я сказал, тело какого-нибудь другого человека, воспринятого Им, жизнью, в единение с Собой, но тело Его самого, самой жизни по естеству, – тело самого Единородного. Одинаково с нами

мыслит христоролюбивый сонм святых отцов, а также преподобнейший и богочестивейший наш брат и соепископ Прокл, украшающий ныне собой престол святой константинопольской церкви. Он вот что написал к восточным боголюбивейшим епископам: „чуждый всякого вида, без всякого изменения воплощается; рождается по плоти безначальный; всесовершенный по естеству *преспеваает возрастом* (Лук. 2, 52) по телу; превысший страданий подвергается страданиям, претерпевая поношения не в чистом своем виде, но приемля страдания тела в воспринятом им образе». Итак думающие иначе и иное написавшие изобличаются таким образом в их вероломстве, которое повсюду происходит от невежества, и потому разногласит с догматами истины.

Кончивши речь о Христе, треблаженные отцы упоминают о Святом Духе. Они сказали, что веруют в Духа Святого, точно так же, как в Отца и в Сына, потому что Он единосущен с Ними, изливается, т. е. исходит, как из своего источника, от Бога Отца, и сообщается твари чрез Сына. Так, Сын вдохнул Святого Духа в святых апостолов, сказавши: *приимите Дух Свят* (Иоан. 20, 21–23). Итак Дух – от Бога и есть Бог; он неотличен от Существа, все превышающего, но из Него в Нем и Ему неотъемлемо принадлежит.

Вот прямая и чуждая всякого заблуждения вера, или прямое и непогрешительное исповедание веры святых отцов! Но еще Павел сказал: *Бог века сего ослепи разумы неверных, во еже не воссияти им свету благовествования славы Христовы* (2 Коринф. 4, 4). Потому некоторые, оставивши прямой путь истины, разбиваются о скалы, *не разумеюще ни яже глаголют, ни о них же утверждают* (1Тим. 1, 7). Относя славу сыновства только к Слову, рожденному от Бога Отца, они говорят, что с Ним соединился как бы другой сын от семени Давидова и Иессеева, сделался участником в Его сыновстве и божественной чести, как Его обитель, и все от Него получил, своего же собственного ничего не имеет. О таких, думаю, людях написано учениками Спасителя: *привнидоша нецыи человецы, древле предъуставленнии на сие осуждение, нечестивии, Бога нашего благодит прелдгающи в скверну, и единого Владыки*

*Бога и Господа нашего Иисуса Христа отмечающими (Иуд. 1, 4). Нет, Иисус Христос по истине называется Словом, явившимся в образе человеческом. Люди противного мнения, которые от великого неразумия не страшились думать и говорить одинаково с Несторием и Феодором, отвечают вопрошающим так: вы не признаете Богом и истинным Сыном Бога и Отца – рожденного от святой Девы, ему одному приписывая страдания и отделяя его от Бога Слова, чтобы не назвать Бога подверженным страданию. Таковы вымыслы излишней их ревности, таковы ходячие их мнения. Поэтому Слово Бога Отца не следовало бы называть и Христом (помазанником) в смысле прямом? Как страдание несвойственно Ему, когда Оно мыслится вне плоти, так и помазание несвойственно и чуждо Ему. Иисуса, иже от Назарета, помаза Бог Духом Святым (Деян. 10, 38); а Слово Божие вполне самосовременно и не имеет нужды в помазании от Святого Духа. Стало быть, вы отвергаете домостроительство (спасения) и отнимаете у Единородного любовь к миру, только чтобы вам не называть Его Христом. Разве достойно Его было явиться в мере нашей природы? А так как это Его недостойно, то никто бы не должен исповедовать, что Он стал человеком. Христос и вам скажет: *прельщаетесь, не ведуще писания, ни силы Божия* (Матф. 20, 29). – Итак признавая врагами истины тех, кто станет внушать что-нибудь похожее на это, будем избегать гибельных их нововведений, будем лучше держаться учения святых отцов и предания святых апостолов и евангелистов; потому что чрез них говорило само вочеловечившееся Слово, чрез которого и с которым Богу и Отцу честь, слава, держава, вместе со Святым Духом, ныне, и всегда, и во веки веков. Аминь.*

**Послание того же Кирилла, епископа
александрийского, к Иоанну, епископу
антиохийскому, и к собору, собравшемуся в
Антиохии**

Дракон, отступник, зверь, поистине самый упорный и боговраждебный, еще не успокоился, еще не расстался с поселившеюся в нем злобой: постоянно разрождаясь ненавистью к святым церквам, он, в дерзости своей, обращает против догматов истины необузданные языки людей нечестивых и невежественных, имеющих сожженную совесть (1Тим. 4, 2). (Впрочем, он везде уловлен и побежден при помощи общего нашего Спасителя Христа, обессиливающего его жестокость и свирепость его нападений). Таким образом, еще до нас, весьма многие вступали в битву с святыми нашими отцами, поднимали оружия дерзких своих уст против неизреченной славы (Христа), но были обличены, как люди безрассудные и невежественные, предававшиеся суесловию и не понимавшие истины того, что самой Истиной заявлено правильным, чистым, неподлежащим никакому нареканию. Но так как изобретатель и учитель всякого нечестия, кроме и после тех, о которых мы упомянули, возбудил против нас новоглаголивый голос Нестория: то вот, по благодати Божией и по данному нам от Бога разумению, все мы единогласно анафематствуем отступника, подражая славной ревности наших отцов, низлагая врагов креста Христова, воздавая честь истинной вере и проповедуя в церквах, что отнюдь не должно присоединяться к нечестию тех, которые, говорят, что два христа и два сына: один по естеству, истинный, как Слово от Бога Отца, а другой – от семени Давидова, по усыновлению и по благодати. Согласно с исповеданием отцов, по вере чистой и безукоризненной, дошедшей к нам от предков, мы исповедуем, что един Сын и Господь Иисус Христос, т. е. что само Слово Бога Отца вочеловечилось и воплотилось, так что один и тот же есть и исповедуется происшедшим и от Бога Отца божественно, из Его сущности естественно, как Его Слово, и от семени Давидова по плоти, т. е. от святой и Богородицы Марии. *Иже исперва самовидцы и слуги бывшии Словесе (Лук. 1, 2)* преподали нам учение не о двух различных сынах, но об одном и том же Боге и вместе человеке, единокровном и первородном, – единокровном по божеству и первородном по человечеству; потому что, снизойдя до уподобления нам, Он явился *первородным во многих братиях (Рим. 8, 29)*, не с другим

человеком соединившись, как угодно некоторым мудрствовать, но сам действительно сделавшись человеком, не переставая быть тем, чем был. Будучи по естеству Богом и превыше страдания, Он, по своей воле, пострадал в собственной своей плоти. Предано за нас тело не другого какого-либо лица, но само единокровное Слово Божие, ставши человеком, принесло Себя самого в жертву чистую Богу и Отцу. Потому-то, в следствие изъясненных обстоятельств, и нужно было учредить светлое празднество, когда изгнали мы от себя злоучение несториено и все другие голоса, говорившие сколько-нибудь сходно с его заблуждениями. Празднество это совершено нами в посрамление всех тех, кто думает или когда-нибудь думал одинаково с Несторием. Тут и мы и ваше преподобие решительно объявили, что анафематствуем тех, по учению которых два сына и два Христа; потому что, как я сказал, и мы и вы проповедуем единого Христа, Сына и Господа, единокровное Слово Божие, которое, по слову премудрого Павла, явилось *в подобии человечеством и образом обретется якоже человек* (Филип. 2, 7). А что, по нашему исповеданию, плоть Господа одушевлена разумною душою, – это уже многократно было доказано, Тоже самое ясно изложил, в послании к армянам, право изъясняя учение истины, преподобнейший и благочестивейший брат и соепископ наш Прокл, муж благочестивый и искусный в борьбе с извратителями правого, так что для него, благоговейного читателя истины, победа – дело обычное. Умоляем же, пусть никто не дерзает святым и православным нашим отцам: Афанасию, Василию, Григорию, Феофилу и другим, присвоить нелепых мнений, разумею, Диодора и Феодора и некоторых других, вовсе не заслуживающих, – чтоб не сказать чего-нибудь сильнее, – по крайней мере, похвалы за то, что они неслись как бы на всех парусах против славы Христа: иначе легко подать повод к соблазну тем, в ком образовалась бы мысль, что одинаково с последними думали и учили первые, – эти ревнители всего правого, оставившие после себя книги в опровержение лжеучения не только Нестория, а и других, еще прежде Нестория одинаково с ним думавших и писавших. Мы просим,

чтоб Всякий занимался своим делом, в церквах никто не производил смятений, которые, по благодати Божией, бдительностью тайноводцев уже повсюду усмирены, и чтоб никто таким образом не выкапывал сам для себя особых хлопот. Если же кто из последователей Нестория, искренно обратившись и отступившись от его нелепостей, изъявит желание принять чистую веру: то таковых должно принимать, и отнюдь не следует укорять их за их прошедшее, чтоб это не послужило для других поводом к замедлению в обращении на истинный путь. Одержимым телесными болезнями мы желаем выздоровления и сорадуемся в случае выздоровления: не гораздо ли больше всякий должен радоваться об обращении заблуждавшегося, об его деятельном, с благою совестью, стремлении к свету истинного ведения? Даже ангелы имеют обычай праздновать по случаю обращения заблуждающихся (Лук. 15, 7): это известно вашему преподобию, которое так и учит, так и проповедует во всех церквах, зная изречения нашего Спасителя. – За тем, молим вас, как братьев и соучителей, заповедуйте клирикам ни о чем другом, особенно в церквах, не говорить, как только о том, что право, одобрено и признано достойным хранения, преимущественно же держаться исповедания правой веры и быть строго осмотрительными в рассуждениях о предметах веры. В случае надобности наставить кого-либо в тайнах веры, ни под каким видом не должны они позволять себе, при изложении учения веры, вдаваться в рассуждения, несогласные с правой верой. Так как поводы к смятениям должны быть пресекаемы бдительностью вашего преподобия: то мы и изложили вам то, что, по мнению нашему, хорошо в этом отношении. Так, если бы кто из клириков, не смотря на общение с Церковью, был со стороны заподозрен в единомыслии с нечестивым Несторием: то такого рода клирики или монахи и у вас, правителей церквей, должны в церквах принадлежать только к слушателям, и затем надобно обращать тщательное внимание на их слова. Легко может статься, что желающие обвинить их в возмутительной для всякого нетерпимости речей их, обратятся к внешним (гражданским) судам. А всего лучше и всего справедливее

церковные вопросы поднимать и разрешать в церквах, чем пред лицом других, кому и суд о них вовсе несвойствен. – Приветствуйте ваше братство; наше братство приветствует вас о Господе.

Список с императорского узаконения против Нестория

Благоговение, которое должны мы иметь к священной религии (θρησκία) требует, чтоб ведущие себя нечестиво в отношении к Божеству были подвергаемы достойным наказаниям и запечатлеваемы именем, соответствующим их нечестию, так чтобы, заклеянные позором, понесли они вечное наказание, претерпевши в жизни должное возмездие и по смерти оставшись в бесчестии за свои греховные заблуждения. Таким образом, по осуждении Нестория, как главы чудовищно-уродливого учения, остается наложить на его единомышленников и сообщников его нечестия должное поносное название, для того чтобы, в отстранение злоупотребления имени христьян, не украшались этим именем те, которые, по нечестию отвергли догмат христианский. В следствие этого узаконяем, чтобы общники непотребного несториева учения повсюду назывались *симонианами* так как справедливо, чтобы те, которые, отвратившись от Бога, подражают нечестию Симона, получили в свой удел его имя. Таким же образом, по закону блаженной памяти Константина, ариане называются порфирианами, по сходству арианского нечестия с нечестием Порфирия, который, усиливаясь подавить истинную религию силой слова, оставил после себя книги, – памятники его лжеучения, а не учености.

Никто да не дерзает иметь у себя, или читать, или переписывать нечестивые книги непотребного и святотатственного Нестория против святой религии православных и против догматов святого собора епископов в Ефесе. Книги эти собравши, со всевозможным тщанием, должно публично предать сожжению. Когда таким образом подсечется в корне всякое нечестие: то простой, легко обольщаемый, народ

не в состоянии будет найти где-либо семя заблуждения. Притом, о последователях Нестория, преданных гибели, должно, в спорах религиозных, упоминать не под другим каким-либо именем, как под именем симониан. Также, не должно ни тайно ни явно давать им, для их собраний, никакого здания ни в селениях, ни в предместьях городских, вообще – нигде; потому что мы постановляем, что они лишаются всякого права на собрания. Да ведает всякий, что преступник настоящего закона, как последователь Нестория, будет наказан лишением всего имущества. Как власть высокая и знаменитая, ты имеешь распорядиться, чтоб этот наш закон, по принятому обычаю обнародования законов, сделался известным жителям всех областей. А чтоб он был ясен и доступен разумению каждого, мы изложили его на латинском и греческом языках.

Эдикт префектов о том, что не должно читать книг Нестория

Префекты Флавий Анфемий Исидор, Флавий Басс и Флавий Симплиций Ригин, объявляют.

Императорам нашим всего приятнее заботиться о благочестии. И подлинно так. Если они, так сказать, не боятся постоянно, каждый день, с заботливостию предаваться государственным занятиям, присоединяя к дневным и ночные бдения: то как было им не признать, что тоже самое с особенною ревностью должно быть наблюдаемо ими в отношении к благочестию и религии? Потому, если какое-нибудь исповедание, нелепое, исполненное безумия и дерзости, покушается выказать себя, а тем больше, если подобное исповедание уже заявило некоторый вид самостоятельности: то императоры наши, с свойственной им проницательностью, без всякого смущения, с полным спокойствием, – что всегда неотъемлемо им принадлежит и во всем ими соблюдается, – установили тот порядок, чтобы виновников беззакония образумливать соразмерными с виной наказаниями, а на других действовать предварительно увещанием, так чтобы последние, не подвергаясь еще наказанию, во внимании только к увещанию

законоположения, обратившись к лучшему, не только ничего не потеряли из своих благ, но еще, в силу немедленного раскаяния, прочно приобретали себе стяжание благочестия, – стяжание совершенное и, что всего важнее, вечное, остающееся у нас и по смерти. Но так как люди, раз увлекшиеся заблуждениями, раз опутанные сетями коварных слов и худых умствований, упорны, и потому нужны для них не только сильный страх наказаний, но еще и самые, весьма тяжкие, наказания: то императоры наши повелевают, чтоб извратители догматов веры жили вперед тихо, переменились к лучшему, сами нигде не сходились и другим не указывали, как на ристалище нечестия, на какое-нибудь место, – городское ли то, вблизи ли, или вдали города, – коротко, нигде на земле не должно быть такого рода собраний; а тем, которые приложились к безумным выдумкам Нестория и в книгах его находят поддержку своим заблуждениям, объявляют, в духе милосердия, а не кары, что книги эти должно предавать огню и истреблять для того, чтоб они, как памятники столь непомерных заблуждений, не сделались преткновением для истинной веры, также не переписывать их, – гораздо было бы лучше с самого начала не читать их, – и вообще не читать и не слушать их, потому что вред от них – гибель всего. В самом деле; что дороже души и веры? А чтение книг несториевых вредит душе и вере; ослепляя самое лучшее в душе, оно ведет к худшему и душу и веру. Затем, чтобы не было тайной, кто таковы последователи Нестория, чтобы самое название их напоминало всем о виновнике их баснословия, наводя память на то, что лучше было бы предать забвению, – для этого повелено называть их симонианами, с таким вперед внушением, что они подвергнутся самым тяжким наказаниям, в случае нарушения закона. Наконец, чтобы вы знали кроткий и благочестивый дух закона, заботливую о всех подданных попечительность наших императоров, которые одни только приносят Богу, чрез веру, воздаяние, достойное благ, излитых на них самих и на всю вселенную: то мы, по установленному обычаю, настоящим нашим эдиктом предосвещаем закон, исполненный божественного света. Повинуясь закону, вы далеки будете от

наказаний; держась же благочестия во всю жизнь, вы достигнете бессмертных благ. Таким образом вы удостоитесь того же, чего удостоится и законодательствующий, потому что Богу свойственно награждать благочестивых его читателей.

Список с узаконения благочестивейшего императора Феодосия против Порфирия, несториан и тирского епископа Иринея

Мы думаем, что нашему императорскому величеству прилично давать подданным нашим наставления касательно благочестия; потому что полагаем, что наибольшее благоволение Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа можно заслужить в том случае, когда и сами мы будем, по сидам, благоугождать Ему и подданных наших к тому же располагать. Итак узаконяем, чтобы все сочинения, где бы и у кого бы ни нашлись они, написанные Порфирием, по побуждению собственного его безумия, против благочестивой христианской религии, были преданы огню; потому что мы желаем, чтобы ни о каких сочинениях, подвигающих Бога на гнев и наносящих вред душам, не было слуха между людьми. Также, подтверждаем, чтобы из ревнителей нечестивых мнений Нестория, или из последователей беззаконного его учения, епископы и клирики были отлучаемы от святых церквей, а миряне – анафематствуемы, как то уже узаконено нашим величеством; православные же, властью облеченные и держащиеся благочестивых наших наставлений, могут, по желанию, публично объявлять о последователях Нестория и изобличать их. Сверх того, так как до благочестивого и священного нашего слуха дошло, что некоторые составили и изложили какие-то учения двусмысленные, не совсем согласные с православною верою, изложенною святыми соборами святых отцов в Никее и Ефесе и блаженной памяти Кириллом, бывшим епископом великого города Александрии: то повелеваем, чтобы все такого рода сочинения, прежде ли настоящего времени, или в нынешнее время написанные, были сожигаемы и совершенно истребляемы, так чтобы никто не мог их читать; а те, которые

будут у себя держать и читать эти сочинения или книги, должны иметь в виду смерную казнь (ἐσχάτην τιμωρίαν). Вообще, мы желаем, чтобы никто не позволял себе излагать, или пренодавать ничего, кроме веры, утвержденной, как мы сказали, в Никее и в Ефесе. Кто же нарушит это священное узаконение наше, тот непременно подвергнется наказанию, определенному законом против нечестивой несториевой веры. А чтобы все из опыта узнали, какое негодование возбуждают в нашем величестве ревнители нечестивой несториевой веры, мы постановляем: Иринея, по этой причине некогда навлекшего на себя наш гнев, и затем, не знаем как, после вторичного, как мы известились, брака сделавшегося, вопреки апостольским правилам, епископом города Тира, изгнать из святой тирской церкви и, по снятии с него одежды и имени священника, дозволить ему жить, в тишине, только на его родине. – Твоя высокая сановитость, имея в виду цель нашего благочестия, не оставит позаботиться на блюсти над .этим и привести к концу.

Эдикт, предложенный префектами, по императорскому узаконению против Порфирия, Нестория и Ириней

Благочестивейший наш самодержец, благорассудив, что православная вера дает твердость законам и государству, собственным своим узаконением истребил всякое семя нечестия, покрывши, чрез соразмерное наказание, стыдом страждущих нечестием и показавши всем путь доброй жизни. Его постановления касательно книг, написанных Порфирием против священной христианской религии, касательно предавших письму нечестивое учение Нестория, касательно исключения из религии всякого догмата, несогласного с догматами, постановленными на соборах благочестивейших епископов сперва в Никее, а потом вместе с епископом блаженной памяти Кириллом в Ефесе, и касательно низложения бывшего тирского епископа Ириней, – все эти постановления вы узнаете из предложенного выше узаконения, написанного по-гречески, так что никто не должен отзываться неведением его содержания.

Итак всякий, со всею заботливостью, должен выполнять изложенное в этом узаконении, имея перед глазами выраженную в нем угрозу.

Прочитано это монахами – пустынниками в церкви, 23 ч месяца Фармуфа (т. е. 18 апреля), индикта первого, 164 диоклитианова года.

Примечания

¹ - Примечание римских издателей. В книгах ватиканских и других находятся только эти шесть правил; в некоторых же присоединяется под именем седьмого правила определение того же святого собора, изданное после донесения Харисия пресвитера, которое имеется в своем месте (см. деян. VI. т. I. стр. 763), и вместо осьмого правила другое определение собора о кипрских епископах, которое изложено здесь немного выше, после их прошения (см. это же деян. стр. 8). Примечание Лаббе. В собраниях Иоанна Зонары и Феодора Вальсамона, равно и в кодексе правил вселенской Церкви, изданных Иоанном Тилием и Христофом Юстеллом, находятся 8 правил ефесского собора, т. е. 6, которые включены в предыдущее послание, и два другие, которые помещены немного прежде в указанных местах. Но удивительно, что в кодексе правил римской Церкви они опущены Дионисием Малым. Причина этого заключалась, кажется, в том, что они представлялись латинам не вселенской Церкви определениями, а правилами, постановленными ефесскими отцами только по случаю, по особенному побуждению в отношении к Несторию и его приверженцам.

² - Подлинник греческий утрачен, а в латинском переводе это место неясно.

³ - Св. Кирилл небуквально приводит указанные места св. Писания.

⁴ - Т. е. Иоанна антиохийского и его единомышленников.

⁵ - Кирилла александрийского.

⁶ - Кирилла александрийского.

⁷ - Кирилл Александрийский.

⁸ - Кирилл Александрийский.

⁹ - Кирилл Александрийский.

¹⁰ - Кирилл александрийский.

¹¹ - Кириллом александрийским.

¹² - Кирилл александрийский.

¹³ - Кирилл Александрийский.

- 14 - У Кирилла.
- 15 - Т. е. в лице Иисуса Христа, как Богочеловека.
- 16 - Т. е. иудеев и язычников, – в таинстве евхаристии.
- 17 - Т. е. в столицу.
- 18 - См. это послание выше, в этом же 2-м томе стр. 14–16.
- 19 - Т. е. клиру и мирянам конст. церкви,
- 20 - См. в 1-м томе «Деяний» соборн. стр. 153, 1-е изд.
- 21 - Слово ипостась не имело еще тогда того определенного значения, какое получило после.
- 22 - См. выше стр. 151.
- 23 - Подир – длинная архиерейская одежда в роде нынешнего подризника. См. Исход. 28, 4, 13–35.
- ¹ - *Текст распознан и отредактирован редакцией интернет-портала «Азбука веры».